

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ



А К В И Л О Н

В.А. БОЛДИН

**ПАНИДЕОЛОГИИ
В ИСТОРИИ
ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ**

**ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А.А. ШИРИНЯНЦА**

**МОСКВА
2024**

УДК 94
ББК 66.1 (4 / 8)
Б 651

*Издание осуществлено в рамках поддержанного
Российским научным фондом проекта (№ 24–18–00349)
«Представления о мире и мироздании в историческом контексте
и социокультурном развитии европейского общества»*

Рецензенты

*Доктор политических наук Виктор Николаевич ВАТЬЛЬ
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы*

*Доктор исторических наук Борис Александрович ПРОКУДИН
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова*

*Доктор политических наук Синиша АТЛАГИЧ
Белградский университет*

БОЛДИН В.А.

Панидеологии в истории политики и мысли. Учебное пособие /
Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2024. — 240 с.

В учебное пособие, подготовленное в соответствии с рабочей программой дисциплины «Панидеологии в истории политики и мысли», читаемой автором на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, вошли материалы, раскрывающие теоретико-методологические особенности изучения панидеологий, пути и механизмы их формирования на примерах панэллинизма, иллиризма, пангерманизма, панславизма. Особое внимание уделено панславизму как панидеологии, его генезису, эволюции, разновидностям. В пособие включены также рабочая программа дисциплины, библиография, приложение.

Издание рекомендуется специалистам, преподавателям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется историей политики и социально-политической мысли.

ISBN 978–5–6050283–9–0

© Болдин В.А., 2024
© АНО ИМИНИО, 2024
© Издательство Аквилон, 2024

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

*270-летию
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Принято считать, что панславизм является австрийским изобретением, а сам термин «панславизм» возник в трудах австрийских и германских публицистов на рубеже 1830–1840-х годов и был отождествлен ими с «русской угрозой». Возникновение негативного образа «экспансионистской» России в общественном сознании европейцев было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы, непониманием русской общественной системы, нравственной безответственностью зарубежных публицистов. Русофобский миф о славянских притязаниях достаточно прочно укоренился в западноевропейском сознании, о чем свидетельствует довольно часто демонстрируемое современными авторами стойкое предубеждение против панславизма, который обычно ассоциируется с гегемонистскими «имперскими бреднями» русских националистов, шовинистов, расистов и экспансионистов, ненавидящих Европу и в ее лице весь западный мир.

Что можно противопоставить мифотворчеству, основанному на русофобии? Наверное, только планомерный, спокойный и взвешенный поиск истины, исходящий из того, что, исследуя сложные идейно-политические комплексы, к каковым, безусловно, относится и панславизм, следует отличать этнические и расовые идеологические элементы от религиозных, культурных, политических и экономических. Поэтому односторонние трактовки этого националистического идейно-политического комплекса как политической идеологии экспансии России, не отражают всего богатства доктрин, теорий, концепций и идей, во главу которых была поставлена задача национального объединения родственных или близких народов и народностей.

Именно такой, планомерный, спокойный и взвешенный подход демонстрирует к полит. наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Болдин, подготовивший учебное пособие по курсу «Панидеологии в истории политики и мысли». Этот курс предполагает знакомство с механизмами формирования наднациональных идентичностей, с историей панидеологий — панэллинизма, иллиризма, пангерманизма. Однако, главное место, все же занимает в нем панславизм — идейно-политический комплекс, включающий разнообразные

доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей.

Учебное пособие В.А. Болдина написано с точки зрения историко-политологического подхода, а не исторического, как это было и есть в абсолютном большинстве случаев исследования панславизма. Идеология панславизма рассмотрена им как одна из наднациональных интеграционных идеологий (пан-идей) в ряду панэллинизма, иллиризма, пангерманизма, которые, как верно считает автор, формировались по схожей траектории, и были либо идеологическим ответом на кризисные ситуации, которые раскалывали общество, либо — той идеологической базой, которая должна была подкрепить и обосновать претензии на новое геополитическое положение.

Тщательное изучение обширной историографии позволило В.А. Болдину выделить и охарактеризовать основные этапы изучения панславизма в России: до 1917 г.; 1917–1941 гг.; 1941–1959 гг.; 1959–1989 гг.; 1989 г. — наши дни. На основе такого анализа В.А. Болдин приходит к выводу о том, что в отечественной науке четко прослеживается дихотомия «панславизм-неославизм» при определении сущности идеологии славянского единства в начале XX в., противопоставляющая панславизм XIX и XX веков. Преодолевая эту дихотомию, автор предлагает расширить существующие классификации панславизма и обозначить панславизм в начале XX века как «*культурно-экономический*», что, с одной стороны, подчеркивает преемственность с линией русского культурного панславизма, а с другой, — помогает определить главное новшество в панславизме начала XX в. — поиск путей *экономической интеграции* славянских территорий и народов. Заслуживает также внимания характеристика В.А. Болдиным различных моделей панславизма как западных и южных славян, так и в России, его вывод о том, что панславизм, зарождение которого следует рассматривать во взаимосвязи с появлением главного его оппонента — пангерманизма, всегда был идеей интеллигенции, общественных деятелей, журналистов и философов, но никак не чиновников и политиков, и потому никогда не имел «официального» характера. Большой заслугой В.А. Болдина следует считать введение им в научный оборот материалов, связанных с журналом «Славянский век» (1900–1904). Эти материалы свидетельствуют не только о том, что наряду с признанными идеологами панславизма века XIX, в начале XX века сфор-

мировался целый круг авторов, продолживших и развивших традиции своих предшественников, но и о том, что идея славянской взаимности в это время переживала свой расцвет во всех славянских странах.

Очень важно то, что учебное пособие подготовлено в строгом соответствии с рабочей программой дисциплины, которая читается автором на факультете политологии. Эта программа, занимающая второй раздел книги, будет полезна и специалистам, и студентам. Полезными будут и пять работ (*Л. Гая, А.С. Будиловича, В.И. Ламанского, И.В. Каменского, К. Хаусхофера*), включенные в Приложение к книге.

*Доктор политических наук,
профессор А.А. Шириняц*

РАЗДЕЛ I

ПАНИДЕОЛОГИИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ

Введение

В истории многих государств и народов с определенной степенью цикличности актуализировались вопросы политической интеграции. Поиск идеологических обоснований, позволявших утвердить свое первенство среди других акторов политики, предопределили появление наднациональных интеграционных идеологий, получивших в истории социально-политической мысли название «панидеологии».

Термин «панидеология» происходит от древнегреческого слова «Πάν», что буквально означает «весь», «всё», «каждый». По распространенному сегодня в науке мнению, первой наднациональной идеологией (панидеологией) становится панэллинизм. Именно в трудах греческих мыслителей и ораторов происходит по-настоящему концептуальное оформление идеологии, положившей в свою основу идею всеобщего объединения всех греческих полисов и конструирование общей национальной идентичности.

Анализ феномена панидеологий в истории политики и мысли позволяет утверждать, что зачастую рождение панидеологий становилось либо идеологическим ответом на кризисные ситуации, которые раскалывали общество, либо идеологической базой, которая должна была подкрепить и обосновать претензии на новое геополитическое положение того или иного государства. Идеологи пан движений видели своей задачей поиск путей преодоления сложившихся ситуаций, выработку новых направлений развития и модернизации обществ, культурной интеграции и мобилизации. А главным шагом на этом пути должно было быть создание единого государства (союза). Ключевым для понимания путей построения панидеологий, вне зависимости от того, носили они многонациональный характер, моноэтнический, конфессиональный или любой другой, стал момент самоидентификации нации или нескольких народов в политической системе координат. В частности, это формирование в общественном сознании дихотомии «друг» — «враг», «свой» — «чужой», позволяющей идентифицировать собственную группу в противопоставлении другой.

Немаловажную роль в конструировании наднациональных идентичностей играло выстраивание общей системы политических мифов, позволяющей утвердить с помощью определенных стереотипов и установок чувство превосходства над «врагом», добиться осознания правильности выбранного пути развития, поднятия чувства национальной гордости и единения.

От Античности и до наших дней сторонники панидей твердо стояли на позициях признания того, что создание единой и консолидированной общности невозможно без утверждения общего литературного языка. Именно единый язык, и как следствие общая литература, должны были обеспечить быстрое распространение и популяризацию интеграционных идей, а также политических мифов и стереотипов. Утверждение общего языка во многом связывалось с развитием системы образования и, прежде всего, начальных школ, которые и должны были обеспечить нужный эффект политической социализации. Таким образом, можно утверждать, что культурное единение рассматривалось как первый этап единения политического.

Формирование всех панидеологий происходило по вполне схожей траектории и было вызвано объективными изменениями в социально-экономическом и политическом контексте эпохи. Кроме того, в основе всех панидеологий лежали идентичные методы, механизмы и алгоритмы формирования идентичности, а распространение общей культуры и языка виделось первым необходимым шагом на пути выстраивания политических проектов интеграции.

Именно изучению указанных путей и механизмов формирования панидеологий и посвящено настоящее учебное пособие, подготовленное в рамках проекта РФФ «Представления о мире и мироздании в историческом контексте и социокультурном развитии европейского общества» (№ 24–18–00349). В учебном пособии не только осуществляется реконструкция различных концепций о мироздании в широком хронологическом диапазоне, но и через призму анализа текстов интеллектуалов показана их рецепция и трансформация в европейской мысли.

В первом разделе анализируются теоретико-методологические особенности изучения панидеологий. На примерах панэллинизм, иллиризма, пангерманизма и т.п. показываются схожие механизмы формирования наднациональных идентичностей, выявляются их особенности и закономерности. Большая часть раздела посвящена панславизму как панидеологии, его генезису, эволюции, разновидностям. Здесь анализируется сущность и происхождение панславизма,

его модели у западных и южных славян, а также появление и становление идеологии панславизма в России. Во второй раздел помещена Рабочая программа дисциплины «Панидеологии в истории политики и мысли», читаемой для студентов бакалавриата факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках дисциплины профиля. Третий раздел включает библиографию, в приложении публикуются работы Л. Гая «Наш народ» (1835), А.С. Будиловича «Пангерманизм и панславизм» (1870), В.И. Ламанского «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» (1900), И.В. Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в.» (1902), К. Хаусхофера «Панидеи в геополитике» (1931).

ТЕМА 1

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В истории многих государств и народов с определенной степенью цикличности, вслед за экономическими успехами, общим культурным и духовным подъемом, ростом демографических и интеллектуальных ресурсов, всегда актуализировались и вопросы политической интеграции. Поиск идеологических обоснований, позволявших утвердить свое первенство среди других акторов политики, или выражаясь в терминах американского политолога Дж. Модельски, рассматривающего циклы мировой истории как противодействие глобальных игроков, перейти из группы «челленджеров» в статус мировой державы¹, предопределили появление наднациональных интеграционных идеологий, получивших в истории социально-политической мысли название «панидеологии».

Термин «панидеология» происходит от древнегреческого слова «Πάν», что буквально означает «весь», «всё», «каждый». Наднацио-

¹ Американским политологом Джорджем Модельски (1926–1914), на основе теории длинных циклов в политике была разработана концепция, объясняющая историю мировой политики как постоянную борьбу между государствами-лидерами и челленджерами, претендующими на их место. Модельски была предложена особая система критериев, выполнение которых позволяло государствам осуществить качественный рывок в своем развитии и перейти в группу лидеров. Подробнее см.: *Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62-82; Он же. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 124-142.*

нальные идеологии не являлись чем-то уникальным, а были достаточно распространенным явлением в истории социально-политической мысли¹. Тем не менее, термин «панидеология» не является устоявшимся в науке. Существуют различные трактовки и подходы к определению сущности панидеологических концептов². Исходя из этого

¹ Так, А.А. Григорьева замечает, что «возникновение и развитие панидеологий связано с актуализацией национальных проблем, конфессионально-культурной самоидентификацией народов и государств, стремлением последних к геополитическому росту. Целью панидеологий является, с одной стороны, создание наднационального государственного организма на общей этнической или религиозной основе, с другой, — решение исключительно внутренних, национальных задач». *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 9.

² В недавнем исследовании А.М. Родригес охарактеризовал их как наднациональные идеологии: «Наднациональные идеологии — условное название таких течений в общественно-политической мысли, которые абсолютизируют подлинное или иллюзорное единство социальных или политических макрогрупп на общей территориальной, расовой, этнокультурной, религиозной основе». Новейшая история стран Европы и Америки: XX век. Учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 3-х ч. М., 2001. Ч. 2.: 1945–2000. С. 26. Так же см.: *Родригес А.М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2011. С. 137. Халудоров рассматривает панидеологии как «расширенное понимание национализма» или паннационализм. Исследователь пишет: «паннационализм ставил своей целью создание масштабных субъектов политики в основе которых лежало объединение по тем или иным признакам». *Халудоров Т.В.* Политические аспекты идеологии панмонголизма: дис ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 39. Отечественный исследователь национализма В.С. Малахов также трактует панидеологии в контексте расширенного понимания национализма. Автор утверждает, что «национализм — это, прежде всего, идеология, легитимирующая усилия по интеграции или дезинтеграции государств... Однако помимо национализма как идеологии, непосредственно связанной с реальным или гипотетическим государством, существует национализм как идеология политизированной идентичности». *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005. С. 262. Под последним Малахов как раз и подразумевает панидеологии. В своем исследовании Малахов опирается на работы известного американского исследователя национализма Л. Снайдера, который утверждал, что пандвижения являются первыми примерами проявления макронационализма. См.: *Snyder L.* Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984. P. 17-65; *Snyder L.L.* Encyclopedia of Nationalism. N.Y., 1990. P. 209. В свою очередь, в одном из недавних отечественных исследований отмечается, что «макронационализм выступает в качестве наследника “старого” или

в настоящем исследовании термины «панидеологии», «наднациональные идеологии» и «панидеи» будут использованы как синонимы.

Одним из первых в политической науке к теме возникновения панидей обратился классик немецкой школы геополитики Карл Хаусхофер (1869–1946), посвятивший ей статью «Панидеи в геополитике» (*Geopolitik der Pan-Ideen*), вышедшую в 1931 году. Хаусхофер писал, что «убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы, широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве...»¹. По его мысли на протяжении всей истории «человечество нередко и во многих своих начинаниях задерживалось на пути, ведущем от общинно-племенной групповой организации через народное (национальное) государство к мечте о совместном освоении всех известных земель, о планетарном союзе...»². Отмечая тот факт, что однажды появившиеся панидеи, вопреки господствующему мнению, являются крайне жизнеспособными, Хаусхофер, однако, подчеркивает, что панидеями следует признавать только те идеи, которые «возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, — выступали носителями культурных миссий (*Kultursendungen*) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою»³.

классического национализма XVIII–XIX вв., то есть той политической программы, в результате реализации которой, собственно, и возникли современные государства-нации. И в этом смысле он представляет собой национализм “больших” или, точнее, устоявшихся государств-наций (*the established nation-states*)). *Полянников Т.Л.* Неклассический национализм в современной мировой политике: социально-политический и культурный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 24. Подробному изучению паннационализма как категории в политической теории и практике посвящена недавно вышедшая коллективная монография, под редакцией А. Максвелла. В ней панидеологии рассматриваются как проявление макронационализма. См.: *Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice / Ed. by A. Maxwell.* Routledge, 2023. Необходимо упомянуть и точку зрения американского политолога З.Бжезинского, который для характеристики «паневропейских» и «паназиаатских» движений использует термин «наднациональный регионализм». *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 167.

¹ Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85.

² Там же.

³ Там же. С. 86.

Ключевым для понимания путей построения панидеологий, вне зависимости от того, носили они многонациональный характер (иллиризм), моноэтнический (пангерманизм), конфессиональный (панислализм) или любой другой, стал момент самоидентификации нации или нескольких народов в политической системе координат. В частности, это формирование в общественном сознании дихотомии «друг» — «враг», «свой» — «чужой», позволяющей идентифицировать собственную группу в противопоставлении другой. Немаловажную роль в конструировании наднациональных идентичностей играло и выстраивание общей системы политических мифов, позволяющей утвердить с помощью определенных стереотипов и установок чувство превосходства над «врагом», добиться осознания правильности выбранного пути развития, поднятия чувства национальной гордости и единения. Кроме того, от античности и до наших дней сторонники панидей твердо стояли на позициях признания того, что создание единой и консолидированной общности невозможно без утверждения общего литературного языка. Именно единый язык, и как следствие общая литература, должны были обеспечить быстрое распространение и популяризацию интеграционных идей, а также политических мифов и стереотипов. Утверждение общего языка во многом связывалось с развитием системы образования и, прежде всего, начальных школ, которые и должны были обеспечить нужный эффект политической социализации. Таким образом, можно утверждать, что культурное единение рассматривалось как первый этап единения политического.

По распространенному сегодня в науке мнению, первой наднациональной идеологией (панидеологией) становится панэллиннизм. Именно в трудах греческих мыслителей и ораторов происходит понастоящему концептуальное оформление идеологии, положившей в свою основу идею всеобщего объединения всех греческих полисов и конструирование общей национальной идентичности¹.

¹ Термин «идентичность» берет свое начало в психологии личности и социальной психологии, где под ним понимается некий целостный образ, который человек формирует о самом себе, сопоставляя себя с другими индивидами. Особое внимание этой проблеме уделено в работах американского психолога Э. Эриксона. См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. Национальная идентичность в данном исследовании понимается как сформированное на основе устоявшихся особенностей национальной культуры, этнических характеристик, обычаев, верований, мифов, нравственных императивов видение народов себя в ряду других народов. Подробнее об этом, см.: Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: Контур нового

Вопросы для самопроверки

1. Каковы основные трактовки и подходы к определению сущности панидеологий?
2. В чем заключается консолидирующий потенциал негативной идентификации?
3. Назовите основные механизмы формирования наднациональных идентичностей?
4. В чем заключается роль политической мифологии в конструировании нации?

Темы докладов и рефератов

1. Основные идеи работы К. Хаусхофера «Панидеи в геополитике».
2. «Классический» и «неклассический» национализм в современной мировой политике.
3. Концепция «Значимого Другого» в современных политологических исследованиях.

Литература

Болдин В.А. Механизмы формирования наднациональных идентичностей: историко-политологический очерк // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных трудов. Т. 2. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2021. С. 65-83.

Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16.

Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017.

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85-92.

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2017. № 2. С. 101-109.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

миропорядка. М., 2011. Также см.: *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16; *Smith Anthony D.* National Identity. Penguin Books, 1991.

Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice / Ed. by A. Maxwell. Routledge, 2023.

Smith Anthony D. National Identity. Penguin Books, 1991.

Snyder L. Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984.

Snyder L.L. Encyclopedia of Nationalism. N.Y., 1990. P. 209.

ТЕМА 2 ПАНЭЛЛИНИЗМ КАК ПЕРВАЯ ПАНИДЕОЛОГИЯ

Зарождение идей панэллинизма приходится на промежуток между V и IV веком до н.э. Этот период в истории греческих городов-государств характеризуется глубоким кризисом межполисных отношений, повлекшим за собой упадок ряда из них. На ускорение формирования идеологии панэллинизма повлиял и распад одного из крупнейших политических объединений — Афинского морского союза (478–404 гг. до н.э.), что увеличивало риск военной интервенции со стороны Персии и Карфагена. Кроме того, усиление роли Спарты после победы в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н.э.) и включение в ее зону влияния ряда демократических полисов, усиливало чувство тревоги у некоторых греческих мыслителей. Распространение идей панэллинизма, прежде всего в греческой литературе, становится своеобразным ответом на сложившуюся социально-политическую обстановку в Элладе. Именно поиск путей выхода из кризиса стал катализатором рождения концепций, обосновывающих необходимость этнокультурной консолидации греческих полисов¹. Ключевым моментом, который, по мысли идеологов панэллинизма, был способен положить конец царившей смуте и обеспечить выход из затянувшегося кризиса, стала идея о наличии общего «врага». Как отмечает И.В. Меланченко: «Структурообразующими элементами зарождающейся панэллинской идеологии было представление об исторической и культурной общности эллинов, необходимости политического объединения греков для борьбы с внешним врагом — персами»².

¹ Также см.: Меланченко И.В. Панэллинизм и концепция межполисных отношений Исократ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 18–26.

² Меланченко И.В. Идея панэллинизма в древнегреческой литературе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 21 (707). С. 97. На этот же факт указывает и И.В.

Необходимо сказать, что формирование идеологами панэллинизма в общественном сознании дихотомии «друг-враг» стало поистине новаторским подходом, который затем не раз воплощался в последующих интеграционных концепциях. Во многом ни одна панидеология так или иначе не обходилась без этого связующего элемента¹. Как показывает история, негативная репрезентация при формировании общественного мнения имела гораздо больший эффект и становилась центральной частью многих идеологических конструкций. Подобно немецкому политологу Карлу Шмитту (1888–1965), определявшему политику исключительно как противостояние «друзей» и «врагов»², создатели панидеологий полностью восприняли фактор «общего врага», впервые появившийся еще в панэллинизме, как фундаментальный элемент своих концепций.

Другим фактором, легшим в основу идеологии панэллинизма, и в дальнейшем многократно воспроизводившимся в более поздних наднациональных проектах, стало создание общего «мифа» о победе греков в войне с персами (500–449 гг. до н.э.). Именно военные успехи

Аллена, ведь по мысли идеологов панэллинизма «победоносная война с внешним врагом способна, как в героические времена греко-персидских войн, сплотить эллинов и дать новый стимул для упорядочения внутренней жизни, преодоления социальных конфликтов и политической борьбы». Аллена И.В. Панэллинизм Исократ // Вестник ТГУ. 2002. Вып. 2 (26). С. 63.

¹ Многими исследователями отмечалась та роль, которую играет негативная репрезентация при формировании национальной или наднациональной идентичности, особенно в условиях кризисов, дестабилизации социума, изменении его социальной структуры. Так, В.А. Ачкасов предупреждает, что «дискурс национальных и этнических элит, как правило, направлен на реализацию стратегии положительной самопрезентации своей общности и негативной презентации «значимых Других», которые нужны для укрепления их легитимности и для достижения позитивной самооценки группы». Ачкасов В.А. Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 106-107.

² Карл Шмитт писал, что «всякая противоположность — религиозная, экономическая или этническая — превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов». Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 61-62. Так же о Карле Шмитте см.: Филитов А.Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта. // Карл Шмитт. Понятие политического. СПб., 2016. С. 432-551; Бойцова О.Ю. Шмитт // Философия политики и права. 100 основных персоналий. Словарь: Учебное пособие. М., 2015. С. 337-340.

хи греков положили конец военной экспансии Персидской империи в Аттику, что послужило основой для утверждения мифа о превосходстве греков над другими народами — варварами. О формировании политических мифов как о важнейшем факторе, определяющем культурную идентичность, еще в середине прошлого века писал известный румынский культуролог Мирча Элиаде (1907–1986). По его убеждению, создание общей политической мифологии, исторической памяти является ключевым моментом, без которого невозможно сконструировать и понятие нации¹.

Несмотря на царившую раздробленность греческих полисов, а также на то, что не все территории эллинского мира ориентировались в своей внешней политике на союз друг с другом², идеология панэллинизма быстро стала популярной в греческом мире. Нельзя не согласиться с О.А. Францовой, которая утверждает, что, несмотря на политические сложности в деле объединения греков, идеи национальной солидарности были укоренены в национальном сознании и подкреплялись наличием общего языка, духовной культуры, общегреческих праздников (Олимпийские игры) и святынь (например, Дельфийский оракул, почитаемый во всем греческом мире). Помимо прочего, все греки придавали важность мысли о своей исключительности, противопоставляя панэллинов (жителей всей Эллады) иноземным народам — варварам³.

Главным инструментом распространения новой идеологии становится, прежде всего, греческая литература. Считается, что одним из первых, кто обратился к теме панэллинизма, был Аристофан (около 444–386 гг. до н.э.), афинский автор, который в своих комедиях умело

¹ Подробнее об этом см.: *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000. Также о роли политического мифа в политике см.: *Гончарик А.А.* Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // *Политическая наука.* 2009. № 4. С. 79-87.

² Так, например, Фивы, один из наиболее развитых греческих полисов, открыто демонстрировали дружественную позицию по отношению к Персии и «намеренно противопоставляли свой мидизм панэллинизму, особенно в условиях войны греков с Персией». *Рунг Э.В.* Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода // *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира.* 2013. № 12. С. 81.

³ *Францова О.А.* Идеи интеграции и пана национальные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // *Известия Московского государственного технического университета МАМИ.* Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5 (4). С. 79.

отражал актуальные взгляды своей эпохи. Панэллинские призывы звучат в таких работах Аристофана, как «Мир»¹, «Лисистрат»², «Ахарняне»³. Апеллируя к славному прошлому Греции, Аристофан призывает всех греков, подобно предкам, объединиться перед лицом общего врага. Ведущая роль в деле объединения греков, «осуществление панэллинской программы, первая часть которой состоит в примирении эллинов, вторая же тесно связана с культивированием враждебности к варварам»⁴, должна была лечь на плечи двух главных политических центров — Афин и Спарты, от политики которых зависело процветание и спокойствие во всем греческом мире.

Особую значимость в деле пропаганды панэллинизма в это время приобретают речи известных риторов Горгия (ок. 480–380 гг. до н.э.) и Лисия (ок. 445–380 гг. до н.э.). Так, особый символизм имела речь Горгия, произнесенная им на общегреческом празднике — Олимпийских играх 392 г. до н.э. По греческой традиции именно в ходе таких игр делались наиболее значительные политические заявления, поэтому не случайно, что выступить с призывами к единению Горгий решил именно в Олимпии⁵. С подобными призывами через несколько лет к грекам обратился и Лисий, который на Олимпийских играх 388 г. до н.э. вновь напомнил о важности объединения в деле борьбы с общим врагом, в данном случае с сицилийским тираном Дионисием Старшим (431–367 до н.э.)⁶.

Окончательное оформление идеологии панэллинизма происходит в трудах видного афинского ритора Исократ (436–338 гг. до н.э.).

¹ Аристофан. Мир // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 302-376.

² Он же. Лисистрат // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 473-544.

³ Он же. Ахарняне // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 5-71.

⁴ Меланченко И.В. Идея панэллинизма в древнегреческой литературе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 21 (707). С. 99.

⁵ К сожалению, речь Горгия, произнесенная на Олимпийских играх, не сохранилась. Однако содержание известно нам благодаря ее пересказу читателем творчества Горгия Филостратаом (170–247 гг.). Кроме того, работы отечественных исследователей античной литературы позволяют сделать вывод о принадлежности речи именно Горгию и подлинности ее смыслового содержания. См.: Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв.. М., 1964. С. 169-172; Миллер Т.А. От поэзии к прозе. Риторическая проза Горгия и Исократ // Античная поэтика. М., 1991. С. 60-105; Филострат Старший. Горгий // Жизнеописания софистов. [Электронный ресурс] // Симпозиум Σοφιστικόν. — <http://simposium.ru/ru/node/10962> (август, 2024).

⁶ Лисий. Олимпийская речь // Речи. М., 1994. С. 283-285.

Именно его называют «отцом панэллинизма». Будучи учеником Горгия, Исократ развивает идеи своих предшественников о необходимости этнокультурной и политической консолидации эллинов. Уже в своей ранней речи «Похвала Елене» (в иных переводах «О Елене». — В. Б.) (384 г. до н.э.) Исократ высказывает мысль о том, что грекам следовало бы вспомнить времена Троянской войны, когда все полисы объединили свои усилия в борьбе с варварами¹. Концептуальную завершенность идеология панэллинизма приобретает в речах Исократа «Панегирик»² (380 г. до н.э.) и «Филипп»³ (346 г. до н.э.), посвященной Македонскому царю Филиппу (382–336 гг. до н.э.). Центральной идеей Исократа, как он считал, способной объединить греческие полисы, становится призыв к панэллинскому походу против исконных врагов — персов⁴. Как отмечают зарубежные исследователи творчества Исократа, прежде всего Э. Мейер, Ю. Белох и П. Клоше, политическое значение речей афинского ритора было очевидным, именно поэтому речи Исократа стали своеобразной квинтэссенцией панэллинистических взглядов⁵.

Свое развитие идеология панэллинизма получила в трудах греческого историка Ксенофонта (ок. 430–356 гг. до н.э.), который, подобно другим идеологам панэллинизма, призывал греков объединиться, однако уже под властью единого монарха. Панэллинистские мотивы звучат в таких работах историка, как «Гиерон, или о тиране»⁶ (ок. 360 г. до н.э.), «Греческая история»⁷ (ок. 356 г. до н.э.) и «Воспитание Кира» (в иных переводах «Киропедия». — В. Б.)⁸ (ок. 362 г.

¹ *Исократ. Похвала Елене* // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 200-213.

² *Он же. Панегирик* // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 46-80.

³ *Он же. Филипп* // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 81-109.

⁴ См.: *Французова О.А. Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект* // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5 (4). С. 79.

⁵ См.: *Meyer Ed. Geschichte des Altertums, Bd. V. Stuttgart – B., 1902. S. 335-336; Beloch U. Griechische Geschichte, Bd. II. Strassburg, 1897. S. 371; 378-379; Cloche P. Isocrate et son temps. P., 1963. S. 39-95.*

⁶ *Ксенофонт. Гиерон* // Штраус Лео. О тирании. СПб., 2006. С. 39-62.

⁷ *Он же. Греческая история. Изд. 3-е. СПб., 2000.*

⁸ *Он же. Киропедия. М., 1976.*

до н.э.). Можно предположить, что политическим идеалом Ксенофонта было объединение греческих городов-государств под властью Спарты, что способствовало бы усилению всего эллинского мира.

Многие исследователи склонны считать, что окончательное воплощение программа панэллинизма получила во времена правления Александра Македонского (356–323 гг. до н.э.), который хоть и не был греком, смог объединить под своей властью все территории греческого мира¹. Тем не менее, ряд исследователей высказывает и другое мнение на этот счет. Так, И.В. Меланченко, отмечая изначальную утопичность панэллинистических проектов, замечает: «Несмотря на широкое распространение идей панэллинизма — как в среде простых граждан (чему свидетельством могут служить пьесы Аристофана), так и среди интеллектуальной элиты — эти идеи не воплотились в конкретную политическую программу и не стали платформой для объединения эллинов. Очевидно, традиции полисного партикуляризма оказались сильнее представлений о необходимости единства»². Однако, на наш взгляд, тот факт, что идеи панэллинизма в том или ином виде нашли реальное воплощение в политике Александра Македонского, может свидетельствовать о том, что данная идеология оказала определенное влияние на формирование общественно-политической повестки дня, что позволяет говорить о ней как о первой целостной попытке создания интегративной наднациональной идеи.

Вопросы для самопроверки

1. Почему панэллинизм считают первой наднациональной идеологией?
2. Кого называют «отцом панэллинизма»?
3. Какова роль литературы и языка в формировании национального самосознания?

¹ См.: Алленова И.В. Панэллинизм Исократ // Вестник ТГУ. 2002. Вып. 2 (26). С. 66; Французова О.А. Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5 (4). С. 79.

² Меланченко И.В. Идея панэллинизма в древнегреческой литературе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 21 (707). С. 107.

Темы докладов и рефератов

1. Творчество древнегреческих авторов (Аристофан, Исократ, Горгий, Лисий) в контексте формирования идеологии панэллинизма.
2. Исторические труды Ксенофонта и их роль в формировании идеологии панэллинизма.
3. Воплощение программы панэллинизма в годы правления Александра Македонского (356–323 гг. до н.э.).

Литература

- Алленова И.В. Панэллинизм Исократа // Вестник ТГУ. 2002. Вып. 2 (26). С. 63-66.
- Аристофан. Ахарняне // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 5-71.
- Аристофан. Лисистрат // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 473-544.
- Аристофан. Мир // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 302-376.
- Гончарик А.А. Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // Политическая наука. 2009. № 4. С. 79-87.
- Ксенофонт. Гиерон // Штраус Лео. О тирании. СПб., 2006. С. 39-62.
- Ксенофонт. Греческая история. Изд. 3-е. СПб., 2000.
- Ксенофонт. Киропедия. М. 1976.
- Лисий. Олимпийская речь // Речи. М. 1994. С. 283-285.
- Меланченко И.В. Панэллинизм и концепция межполисных отношений Исократа: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Меланченко И.В. Идея панэллинизма в древнегреческой литературе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 21 (707). С. 97-108.
- Миллер Т.А. От поэзии к прозе. Риторическая проза Горгия и Исократа // Античная поэтика. М., 1991. С. 60-105.
- Boldin V.A. On the origins of pan-ideologies: Pan-Hellenism // Русская политология. 2019. No. 1(10). P. 103-109.
- Meyer Ed. Geschichte des Altertums, Bd. V. Stuttgart – B., 1902. S. 335-336.
- Beloch U. Griechische Geschichte, Bd. II. Strassburg, 1897.
- Cloche P. Isocrate et son temps. P., 1963.

ТЕМА 3

ИЛЛИРИЗМ — ПАНИДЕОЛОГИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Следующий значительный всплеск интереса к наднациональным интеграционным идеологиям приходится на эпоху Просвещения, богатую новыми философскими и политическими идеями¹. Кардинальный перелом, произошедший в социально-политическом и экономическом укладе жизни Европы на рубеже XVIII–XIX вв. заставил переосмыслить многие идеологические постулаты времени. Именно в этот период начинают все громче звучать призывы, утверждающие принципиальную возможность создания единого интеграционного пространства в Европе в силу единства культурных, экономических и политических связей европейских стран и народов. Квинтэссенцию они находят в концепциях «вечного мира», в основе которых лежала мысль о необходимости достижения единства для сохранения мира и прекращения войн в Старом свете².

Действительно, если попытаться реконструировать идейно-политические концепты этого периода, говорившие о создании общих наднациональных политических институтов, то, прежде всего, необходимо упомянуть о работе немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) «К вечному миру», впервые опубликованной в 1795 году. В этом трактате, ставшим реакцией философа на только что завершившуюся войну между Францией и Пруссией³, Кант проводит

¹ «Просвещение, гуманизм, революции, а позже и наполеоновские войны способствовали национально-освободительному пробуждению народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, что привело, в свою очередь, к реанимации некоторых идей панэллинизма с его характерным противопоставлением «свои» — «чужие» и формированию на его основе новых объединительных теорий». *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 10-11.

² См.: *Французова О.А.* Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 33-36; См. также: *Джонг Хи Сок.* Идея славянской интеграции в Российской общественно-политической мысли XIX в.: дис. ... докт. полит. наук. М., 1990. С. 36.

³ В 1795 году между Францией и Пруссией был заключен так называемый Базельский мир, который формально хотя и положил конец войне, но оставлял множество противоречий нерешенными, переводя конфликт в тлеющую фазу. Условия мира не могли удовлетворить ни ту, ни другую сторону,

мысль о том, что войнам в Европе следует положить конец путем заключения полномасштабного мирного договора, иначе продолжение военных конфликтов, охвативших мир, приведет лишь к появлению «гигантского кладбища человечества»¹. Как пишет исследователь творчества Канта А.А. Зоткин, всеобщий мир представляется Канту вполне достижимым делом ближайшего времени. Тем не менее, как замечает Зоткин, «стремительно меняющаяся политическая картина Европы заставляет его в скором времени отказаться от этой точки зрения. В вышедшей двумя годами позже “Метафизике нравов” (1797) он признаёт, что “вечный мир (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, несуществующая идея”»². Кроме того, именно Канту приписывается первенство идеи о создании некоей международной наднациональной организации, которая смогла бы обеспечить урегулирование всех спорных отношений между государствами мирным путем³. В связи с этим идеи Канта оказали огромное воздействие на дальнейшую разработку интеграционных теорий, в том числе и создания крупных панидеологических комплексов.

Большое влияние на мыслителей, общественных деятелей и политиков той эпохи имели воззрения другого немецкого философа, писателя — Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803). Именно его идеи о братстве между народами, рассуждения о национальном, культурном и духовном единстве народа сыграли ключевую роль при формировании таких интеграционных идеологий, как пангерманизм, панславизм, иллиризм. Об огромном влиянии Гердера и всей немецкой «идеалистической философии» на становление панидеологий говорит венгерский исследователь К. Шандор⁴. Влияние Гердера отмечают и

что не могло укрыться от взгляда И. Канта. Его трактат «К вечному миру» становится реакцией на политические процессы эпохи. — В. Б. Подробнее см.: *Потемкин В.П.* История дипломатии. Т.1. С древнейших времен до нового времени. М., 2015. С. 375; *Гулыга А.В.* Кант. 3-е изд. М., 1994. С. 236-237.

¹ *Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 209.

² *Зоткин А.А.* Проблема войны и мира в творчестве Канта, Фихте и Гегеля // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 4. С. 2. — <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/784> (август, 2024).

³ Подробнее см.: *Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб. 2003. С. 205-241.

⁴ *Sandor Kostya.* Pan-Slavism. Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981. P. 5-7.

отечественные специалисты: «Теория Гердера о культурно-национальной индивидуальности и ее правах, его высокая оценка славянских народных традиций и обычаев глубоко повлияли на националистическую мысль в странах Центральной и Восточной Европы и явились мощным стимулятором пробуждающегося национального сознания молодой славянской интеллигенции начала XIX века»¹. Схожей точки зрения придерживается и О.А. Французова². Среди зарубежных авторов о влиянии Гердера на «пробуждение наций» пишет профессор университета Айовы А. Плаканс³.

Во многом влияние Гердера отразилось в появлении собственных интеграционных концепций у южных славян, самой ранней из которых стала идеология иллиризма. После наполеоновских войн в Австрийской империи назрел австро-венгерский конфликт, в котором Хорватия стала «разменной монетой». Имперские власти, вынужденные делать уступки то венграм, то хорватам, старались найти в последних противовес венгерскому национальному движению, представлявшему серьезную опасность дому Габсбургов. На этом фоне возник национальный подъем хорватского народа. Основными идеологами национального Возрождения хорватских земель стали хорватский поэт Людевит Гай (1809–1872), хорватский общественный деятель, писатель Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889), хорватский политик граф Янко Драшкович (1770–1856), словенский поэт Станко Враз (1810–1851), которые исходили из факта этнического родства всех южных славян и идеала их национального единства. Считая, что южные славяне являются потомками древних иллирийцев, деятели хорватского Возрождения называли их иллирийским народом. В связи с этим хорватское национальное Возрождение получило название иллирийского движения, иллиризма⁴.

¹ *Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 14.

² См.: *Французова О.А.* Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5 (4). С. 81.

³ *Плаканс Андрейс.* Краткая история стран Балтии. М., 2016. С. 159-160.

⁴ Подробнее об исторических предпосылках появления иллиризма см.: *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.

Важным пунктом программы иллирийского движения было культурное и духовное единение всех южных славян. Именно для этой цели предполагалось создание единого литературного языка как основы объединения будущей нации. Для сплочения нации «иллиры» приняли в качестве литературного языка не кайкавский диалект Хорватии, а наиболее развитый и распространенный штокавский диалект (на штокавшину Гай перевел свои издания)¹, так как на нем говорили все сербы и боснийские мусульмане, что позволяло преодолеть языковой рубеж между народами².

Взгляды на объединение южнославянских племен у представителей иллиризма были не столь однозначны, как может показаться. Основными противоречиями во взглядах «иллиров» стало восприятие политики сербского правительства, в частности, его национально-политической программы — «Начертание»³ Илии Гарашанина (1812–1874), как угрозы хорватским территориям, сотрудничество с властями Австрийской империи, которые использовали зарождающиеся национальное движение в Хорватии как орудие в борьбе против венгерского сепаратизма⁴, наличие во взглядах некоторых идеологов иллиризма элементов католического экспансионизма, что естественно вызывало отпор у сербской и боснийской части южнославянского

¹ Как пишет переводчик программной статьи Л. Гая «Наш народ» А.В. Мырикова выбор штокавского диалекта был обусловлен тем, что «Гай убедился, что кайкавское наречие, во-первых, не имеет литературной традиции, а во-вторых, — мало понятно другим ветвям сербохорватской народности». См.: Мырикова А.В. Статья Людевита Гая «Наш народ» // SCHOLA — 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30-31 октября 2013 года. М., 2013. С. 153. Так же об этом См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017. С. 87.

² См.: Фрейдзон В.И. Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 5.

³ См.: Илия Гарашанин. «Начертание» // Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 235-249.

⁴ Так, например, русский ученый и общественный деятель А.Ф. Гильфердинг характеризовал Л. Гая, виднейшего деятеля иллиризма, как «одно из самых искусных орудий австрийской политики». Русский филолог-славист, один из основателей отечественной школы славяноведения, И.И. Срезневский и вовсе обвинял Л. Гая в «антиславизме» и чрезмерном угодении «венской политике». Кулаковский П. Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. С. 286-287.

племени, для которых национальная религия являлась фундаментальной и неотъемлемой частью собственного культурного и национального самосознания.

Что касается политической программы иллирийского движения, то наиболее четко ее можно проследить на основе требований, которые иллирийские группировки выдвигали в марте 1848 г., в период политического кризиса внутри Австрийской империи. Ключевыми требованиями были: объединение хорватских земель, создание национального правительства, ответственного перед Сабором¹, требования демократических свобод, ликвидация сословных привилегий и феодальной зависимости крестьян². Более того лидеры иллиризма поддержали назначение на пост бана³ полковника Йосипа Елачича (1801–1859), верного императору и вместе с тем близкого национальному движению. Это олицетворяло их линию на компромисс с Веной. Таким образом, иллиры выступили за преобразование Австрийской империи на конституционных и федералистских началах⁴.

Иллиризм добился определенных политических завоеваний (отделение Хорватии от земель Венгерской короны, учреждение в Загребе независимого архиепископства, введение преподавания в школах на национальном языке) в ходе революционных событий 1848 г., во многом благодаря поддержке Австрии в конфликте с Венгрией. Но эти достижения оказались недолговечными и уже к 1850 г. иллиризм потерял былые позиции⁵.

¹ Сабор — представительный орган, созданный в Хорватии в годы революции 1848–1849 гг. — В. Б.

² В марте 1848 года в Загребе состоялось собрание деятелей национального движения («великая народная скупщина»), в ходе которого и был сформулирован программный документ «Требования народа». Подробнее полный текст документа см.: «Требования народа» // *Симакова О.А.* История южных славян с древнейших времен до 1914 г.: учеб.-метод. комплекс для студ. ист. фак. спец. 1–21 03 01 «История». Минск, 2007. С. 139–141.

³ Бан — военно-политический титул, принятый у южных славян, и означавший правителя области. В данном контексте титул «бана» обозначает наместника императора Австрийской империи в Хорватии. — В. Б.

⁴ См.: *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 20.

⁵ К 1851 году был распущен хорватский Сабор, постепенно происходил процесс централизации власти и как следствие сокращение автономии Хорватии. Подробнее см.: *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 22.

В дальнейшем некоторые взгляды сторонников иллиризма нашли продолжение в идеологии «югославизма», ратовавшей за объединение всех южных славян в единое государство на демократических началах. Однако на Балканском полуострове значительную популярность приобрели и националистические «пан» идеологии — «Великой Сербии» и «Великой Хорватии», создатели которых видели путь интеграции южных славян лишь под властью одного из народов — сербов или хорватов, полностью отрицая национальную и культурную самобытность других этносов¹.

Вопросы для самопроверки

1. В чем специфика иллиризма как панидеологии??
2. В чем заключалось влияние политико-философских идей эпохи Просвещения на формирование идей иллиризма?
3. Как идея иллиризма нашла свое развитие в интеграционных проектах на Балканах?

Темы докладов и рефератов

1. Основные идеи статьи Л. Гая «Наш народ» и его роль в формировании идей иллиризма.
2. Основные политико-философские идеи Г.Гердера и их влияние на формирование панидеологий.

Литература

Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959.

Илия Гарашанин. «Начертание» // Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 235-249.

Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб. 2003. С. 205-241.

¹ Подробнее см.: *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С. 168-174; *Фрейдзон В.И.* «Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке // Славяноведение. 1998. № 5. С. 18-24; *Фрейдзон В.И.* Хорватский Югославизм в 30-90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 3-10; *Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 201-230.

- Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
- Кулаковский П.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894.
- Лебедева Г.Н.* Славянское Возрождение в первой половине XIX в.: рождение наций // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 2. С. 74-84.
- Лециловская И.И.* Иллиризм. М., 1968.
- Лециловская И.И.* Концепция славянской общности в конце XVIII–XIX века // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 75-92.
- Мырикова А.В.* Статья Людевита Гая «Наш народ» // SCHOLA – 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года. М., 2013. С. 153-156.
- Фрейдзон В.И.* Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 3-10.
- Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // На путях к Югославии: за и против. М. 1997. С. 201-230.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017.

ТЕМА 4

ПАНГЕРМАНИЗМ И ПАНСЛАВИЗМ — «ДВА ВЕЛИКИХ ЗНАМЕНИ ЭПОХИ»

Воззрения Гердера оказали огромное влияние на зарождение панидеологий не только на Балканах, но и в самой Германии. Особенно сильно пангерманизма, в отличие от рассмотренных выше идейных комплексов, стало то, что пангерманисты видели своей целью построение национального моноэтнического государства, прежде всего в этнокультурном плане. Сторонники пангерманизма были убеждены, что все немцы должны жить в одном государстве, а территории, где преобладает смешанное население, должны быть включены в это государство при условии онемечивания других этносов. Говоря о генезисе пангерманизма, известный русский славист Антон Семенович Будилович (1846–1908) отмечал, что пангерманизм зародился примерно в то же время, что и панславизм — в эпоху правления австрийского императора Иосифа II (1741–1790). Именно его германизаторские стремления, по мнению Будиловича, заложили основу для формиро-

вания будущей идеологии пангерманизма. В дальнейшем, подкрепленные литературной пропагандой, идеи пангерманизма прочно утверждаются в общественном мнении уже во времена Бисмарка¹ и находят свое политическое воплощение во внешнеполитическом курсе Пруссии и создании под ее крылом сначала Северогерманского союза (1866–1871), а затем и единой Германской империи (1871–1918)².

Действительно, можно утверждать, что зарождение идеологии пангерманизма происходит именно в Австрии. После проигранной войны с Пруссией 1866 г., австрийское общество, «отказавшееся признать неизменным отделение ее от остальной Германии и предпочитающее жить в этнически гомогенном немецком государстве»³, в качестве ответной реакции порождает политический пангерманизм.

Основоположником идеологии пангерманизма в Габсбургской монархии становится известный австрийский политик Георг Риттер фон Шенерер (1842–1941), приложивший руку к созданию первых политических программ пангерманизма. Особую роль в распространении и утверждении этой идеи должна была стать организация образования на немецком языке, в том числе и в славянских землях дунайской монархии, что обеспечивало бы социализацию славян в духе немецкой культуры.

Однако после поражения Австрии в австро-прусской войне 1870–1871 гг. она окончательно теряет лидерство в немецком мире, а в 1879 г. венский кабинет и вовсе заключает соглашение с кайзеровской Германией, где Вене явно отводилась роль «младшего брата», после этого духовным центром пангерманизма становится Пруссия, а позже и единая Германская империя. Этому способствовал ряд немаловажных факторов.

Как отмечают С.И. Дудник и Ю.Н. Солонин, именно в этот период немецкая научная техническая мысль делает впечатляющий рывок вперед, а Германия становится страной ученых и изобретателей. Вслед за развитием промышленности происходят и кардинальные трансформации в традиционном укладе жизни немецкого общества.

¹ Подр. см.: *Стейнберг Дж.* Бисмарк. Биография. М., 2014. С. 735.

² См.: Будилович А.С. Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство. М., 2014. С. 132-133.

³ *Шириняц А.А., Мыркова А.В.* Русофобский миф панславизма // Актуальные проблемы современного руссиеведения. М., 2007. С. 244. См. также: *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 25.

Более того, в немецком обществе все более утверждается культ армии, которая играла роль одного из главных факторов сплочения нации, а «военно-бюрократическая система становится эталоном организации не только всей государственной, но и общественной жизни»¹. Милитаризм все более укоренялся в сознании немецких обывателей, и «настало время, когда пангерманизм бросил вызов самой владычице морей и владительнице колоссального колониального мира — Англии»². Как видно из приведенной цитаты, своего апогея идеология пангерманизма достигает именно в период становления Германии как великой державы, а данная идеология становится прочной базой, подкрепляющей все более растущие внешнеполитические устремления немецкого правительства.

Главным центром распространения и пропаганды идеологии пангерманизма становится созданный в Берлине 1891 г. Пангерманский союз³. Участниками этой по сути политической организации были политики и общественные деятели, профессора университетов, военные и чиновники, промышленники и коммерсанты, придерживающиеся националистических взглядов. «Союз требовал создания обширной германской империи, призывал к захвату владений Великобритании и Франции в Африке, рассматривал как вполне реальную перспективу распределение между европейскими державами исторической территории России, ратовал за превращение в своих “вассалов” народов Балканского полуострова»⁴.

О явном воинственном тоне идеологов пангерманизма говорит и К.Н. Цимбаев, подчеркивая, что из «романтического культурно-политического движения, нацеленного на создание единого германского государства», на рубеже веков пангерманизм превратился в «мощное политическое движение»⁵. Агрессивные помыслы пангерманистов уже не удовлетворяла и политика Вильгельма II, члены Пангерманского союза все чаще выступали с критикой действующего

¹ Дудник С.И., Солонин Ю.Н. Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. СПб., 2001. С. 45.

² Там же.

³ До 1894 г. союз существовал под названием «Всеобщий немецкий союз». — В. Б.

⁴ Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 26.

⁵ Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века: геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. 1 (17). С. 42-43.

курса правительства. Помимо Пангерманского союза основными духовными центрами объединения пангерманистов становятся массовые организации: Немецкий флотский союз, Немецкий оборонительный союз, Немецкое колониальное общество. А «яркие пангерманские публицисты — Теодор Райсмманн-Гроне, Эрнст Хассе и особенно председатель Пангерманского союза с 1908 г. Генрих Класс — настойчиво внушали населению и политикам свою главную идею: миру предстоит германизация, и если понадобится — насильственная»¹.

Так или иначе, идеология пангерманизма оказала огромное влияние на оправдание двух мировых войн, так как политики, общественные деятели и журналисты в обоих случаях оперировали терминами, использовавшимися еще задолго до них идеологами пангерманизма. В этой связи интересна позиция известного исследователя тоталитаризма Ханны Арендт, делавшей хоть и бесспорный, но все же оригинальный вывод, что «нацизм и большевизм обязаны пангерманизму и панславизму (соответственно) больше, чем любой другой идеологии или политическому движению»². Арендт пишет, что пангерманизм, начавшийся в Австрии как студенческое движение, однако все же сосредоточился на ее разрушении, видя Дунайскую монархию как преграду на пути объединения немецкого народа. По мнению Арендт, пангерманизм, основанный Георгом фон Шенерером, изначально включал в себя ряд элементов (например, антисемитизм), которые в дальнейшем послужили основой для идеологического оправдания политики Третьего Рейха³.

Как бы то ни было, несмотря на свою специфику, пангерманизм как проект не наднациональный, все же обладал все теми же концептуальными чертами, что и ранее рассмотренные панидеологии. В основе все так же лежал принцип выявления «врага» (славян, Англии и т.п.⁴) как объединяющего и консолидирующего элемента. Особое

¹ Там же.

² Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 307. Так же см.: Бойцова О.Ю. Стратегия концептуализации власти в философии Ханны Арендт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 4 (53). С. 219-226; Она же. Концепция Ханны Арендт в современном дискурсе политической власти // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 72-79.

³ Подробнее см.: Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 310-314.

⁴ О неизбежности военного столкновения со славянами писали немецкий дипломат барон Христиан фон Бунзен (1791–1860), немецкий историк

значение придавалось распространению общего литературного языка и немецкой культуры, а также пропаганде идей пангерманизма через литературу. Культурная интеграция, по мысли идеологов пангерманизма, в дальнейшем неизбежно должна была привести к интеграции и политической (в этой связи особенно показательна деятельность «Всеобщего немецкого школьного союза» и тому подобных организаций). Кроме того, в литературе, науке, философии вполне четко культивируется «миф»¹ об уникальности немецкой культуры, который также ложится в основу пангерманизма².

В целом же зарождение идеологии пангерманизма, подобно панэллинизму, также было вызвано объективными историческими факторами, а социально-политические и экономические процессы в немецком обществе предопределили особую популярность пангерманизма. Таким образом, можно проследить всю ту же модель формирования идентичности, что впервые проявилась еще в античные времена у идеологов панэллинизма.

Стоит сказать, что помимо рассмотренных нами панидеологических комплексов, были и другие попытки создания крупных наднациональных проектов: это и идеология панисламизма, панскандинавизма, и паневропейские тенденции (воплотившиеся в создании

Ганс Дельбрюк (1848–1929), геополитик и член Пангерманского союза Фридрих Ратцель (1844–1904), отмечавший неестественность границ современной Германии и т.п. Подробнее см.: *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 41-51; Также см.: *Иванов А. А., Репников А. В.* «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина. 2014. № 8. С. 15-18.

¹ Как пишет исследователь пангерманизма Н.Д. Ратнер, идеологи пангерманизма искали идеологическое обоснование своим концепциям в славном прошлом Германии, и тут как нельзя кстати приходились «исторические традиции, как традиция Священной Римской империи германской нации, имперского универсализма». См.: *Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970. С. 15.

² Так, например, Е.Ю. Пуховская пишет: «Выдающиеся немецкие достижения в философии, музыке, литературе, изобразительном искусстве политизировались, интерпретировались с позиций расовой “исключительности” немцев, становились дополнительным аргументом для обоснования мессианско-цивилизаторской роли Германии в мире»². *Пуховская Е.Ю.* География, геополитика, пангерманизм: у истоков немецкой харизмы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 1. С. 109.

Европейского союза), идеология панафриканизма, панамериканские теории. Однако в рамках данного исследования рассмотрение данных концепций сознательно опускается, так как, путем логического обобщения можно утверждать, что, несмотря на их кажущуюся разнородность, по сути, во всех панидеологиях были использованы те же механизмы и инструменты формирования общей идентичности, что и в рассмотренных нами.

Подводя итог анализу феномена панидеологий в истории политики и мысли, необходимо еще раз сделать акценты на нескольких моментах. Во-первых, зарождение всех панидеологий невозможно рассматривать в отрыве от исторического контекста эпохи, тех социально-политических, экономических, демографических и культурных процессов, которые протекали в то время. Ведь зачастую рождение панидеологий становилось либо идеологическим ответом на те кризисные ситуации (панэллинизм), которые раскалывали общество, либо той идеологической базой, которая должна была подкрепить и обосновать претензии на новое геополитическое положение того или иного государства (пангерманизм). Идеологи пандвижений видели своей задачей поиск путей преодоления сложившихся ситуаций, выработку новых направлений развития и модернизации обществ, культурной интеграции и мобилизации. А главным шагом на этом пути должно было быть создание единого государства (союза). Во-вторых, ключевым для понимания путей построения панидеологий, вне зависимости от того, носили они многонациональный характер (иллиризм), моноэтничный (пангерманизм), конфессиональный (панисламизм) или любой другой, стал момент самоидентификации нации¹ или нескольких народов в политической системе координат. В частности, это формирование в общественном сознании дихотомии «друг» — «враг», «свой» — «чужой», позволяющей идентифицировать собственную группу в противопоставлении другой. Как было

¹ Американский историк А. Плаканс считает, что «пробуждению» чувства национальной идентичности способствуют следующие механизмы: создание образа героического прошлого народа, документирование существования государственности в прошлом, подчеркивание «цивилизаторской» деятельность по отношению к другим народам, поиск в прошлом институтов, присущих только этой нации, а также формирование представления о «великом достоянии» народа. Эту роль чаще всего берет на себя интеллигенция. Не удивительно, что все указанные «механизмы» проявились и при формировании панидеологий. См.: *Плаканс Андрейс*. Краткая история стран Балтии. М., 2016. С. 234.

показано выше, негативная репрезентация обладает гораздо более высоким консолидирующим потенциалом и гораздо легче утверждается в массовом сознании. Формирование образа «врага» стало ведущим, цементирующим моментом во всех рассмотренных идеологиях. В-третьих, немаловажную роль в конструировании наднациональных идентичностей играло выстраивание общей системы политических мифов, позволяющей утвердить с помощью определенных стереотипов и установок чувство превосходства над «врагом», добиться осознания правильности выбранного пути развития, поднятия чувства национальной гордости и единения. В-четвертых, от Античности и до наших дней сторонники панидей твердо стояли на позициях признания того, что создание единой и консолидированной общности невозможно без утверждения общего литературного языка. Именно единый язык, и как следствие общая литература, должны были обеспечить быстрое распространение и популяризацию интеграционных идей, а также политических мифов и стереотипов. Утверждение общего языка во многом связывалось с развитием системы образования и, прежде всего, начальных школ, которые и должны были обеспечить нужный эффект политической социализации. Таким образом, можно утверждать, что культурное единение рассматривалось как первый этап единения политического.

В связи с полученными выводами, полностью подтверждается предположение о том, что формирование всех панидеологий происходило по вполне схожей траектории и было вызвано объективными изменениями в социально-экономическом и политическом контексте эпохи. Кроме того, в основе всех панидеологий лежали идентичные методы, механизмы и алгоритмы формирования идентичности, а распространение общей культуры и языка виделось первым необходимым шагом на пути выстраивания политических проектов интеграции.

Вопросы для самопроверки

1. Почему А.С.Будилович называл «пангерманизм» и «панславизм» — двумя великими знаменами эпохи?
2. В чем заключалась роль политической публицистики в пропаганде идей пангерманизма?
3. Какие основные концептуальные черты присущи большинству панидеологий?

Темы докладов и рефератов

1. Влияние идей пангерманизма на формирование внешнеполитического курса Германской империи в XIX–XX вв.
2. Георг Риттер фон Шенерер (1842–1941) как основоположник идей пангерманизма.

Литература

- Будилович А.С.* Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство. М., 2014. С. 132–133.
- Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–69.
- Дудник С.И., Солонин Ю.Н.* Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. СПб., 2001.
- Иванов А.А., Репников А.В.* «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина. 2014. № 8. С. 15–18.
- Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
- Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970.
- Репников А.В.* Панславизм, консерватизм и прогресс в условиях российских модернизационных изменений конца XIX – начала XX вв. // Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Материалы международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27–28 сентября 2013 г. Рязань, 2014. С. 217–234.
- Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994.
- Славянское движение XIX–XX вв.: съезды, конгрессы совещания, манифесты, обращения. М., 1998.
- Стейнберг Дж.* Бисмарк. Биография. М., 2014.
- Федорова М.М.* Классическая политическая философия. М., 2001.
- Хаманн Б.* Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности / ред. М. Зоркая. М., 2016.

Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. 1 (17). С. 42-63.

Шириняц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010.

ТЕМА 5

СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАНСЛАВИЗМА КАК ПАНИДЕОЛОГИИ

Говоря о возникновении первых идей панславизма, обычно упоминают изобретателя грамматики и лексического состава общеславянского языка¹, хорвата Юрия Крижанича (ок. 1618–1683), который видел в нем средство объединения всех славян². Вообще, с точки зрения современных исследователей, как идеология и общественное движение панславизм возникает за пределами России. Его появление в первую очередь было связано с культурным феноменом национального возрождения западных и южных славян, находившихся в тот период под властью Австрии и Турции. Идея объединения «угнетаемых» славянских народов становится центральной в пропаганде борьбы за обретение политической независимости. Сам же термин «панславизм» возникает примерно в 1830–1840 гг., причем в статьях германских и австрийских публицистов. Введенный термин изначально имел негативные коннотации, ведь использовался публицистами для внутривнутриполитической пропаганды, главной целью которой было не допустить увеличения влияния славянской интеллигенции и политических кругов в делах империи Габсбургов. Как пишет Б.А. Прокудин, панславизм «отождествлялся с угрозой имперской экспансии России на славянские земли Австрийской империи, их “русификаторства”»³.

¹ Подробнее о проекте общеславянского языка Ю.Крижанича см.: *Maxwell Alexander. Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Križanić / Юрий Крижанич // Slavonic and East European Review*. 2020. Vol. 98. № 2. P. 201-234.

² См.: Шириняц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С 12. О Крижаниче как родоначальнике панславизма пишет и американский исследователь Г. Кон: *Kohn Hans. The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // The Review of Politics*. Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). P. 323-324.

³ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 18.

Подобная «русофобская» трактовка панславизма со стороны самых разных кругов в Австрии и Германии была во многом обусловлена противоречивым историческим контекстом той поры. С одной стороны, царское правительство России подавляет польское восстание 1831 г., но с другой — лидеры набирающих силу национально-освободительных движений западных и южных славян в Австрийской империи часто действуют с оглядкой на Россию как на «старшего брата», единственное независимое славянское государство и опору славянства. А это не могло не вызывать озабоченности в Вене, так как славянское население империи составляло значительную ее часть, а игнорирование национального вопроса грозило привести к сецессии.

По большому счету, создание политического мифа о панславизме¹ как об экспансионистской идеологии царского правительства не является уникальным примером. Политическая борьба между великими державами всегда сопровождалась формированием идеологических штампов и клише, призванных очернить соперника. Так, например, ряд современных историков приходит к выводу, что в истории международных отношений первое проявление использования пропагандистского мифа с целью формирования негативного образа страны фиксируется в годы Ливонской войны (1558–1583 гг.). Обеспокоенные продвижением Московского царства к своим восточным границам, западные историки и дипломаты того времени, поощряемые политиками, сконструировали политический миф о «варварской России», представляющей угрозу всей Европе². В дальнейшем раз-

¹ О формировании политических мифов как о важнейшем факторе, определяющем культурную идентичность, еще в середине прошлого века писал известный румынский культуролог Мирча Элиаде (1907–1986). По его убеждению, создание общей политической мифологии, исторической памяти является ключевым моментом, без которого невозможно сконструировать и понятие нации. Подробнее об этом см.: *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000. Также о роли политического мифа в политике см.: *Васич В.Н., Шириняц А.А.* Политика. Культура. Время. Мифы. М., 1999; *Гончарик А.А.* Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // *Политическая наука.* 2009. №4. С. 79–87; *Шириняц А., Мирикова А.* Русофобский мит на «панславизма» // *Политически изследования. Българска асоциация за политически науки.* София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110; и др.

² Подробнее о рождении политического мифа о «варварской России», см.: *Филошкин А.* Фатальна и губительна. Откровения врагов Московии // *Родина.* 2004. № 12. С. 50–52; *Перевезенцев С.В.* Грозный царь: известный и неизвестный // *Наш современник.* 2010. № 4. С. 217–243. Также см.: *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй

личные вариации этого политического мифа, в угоду изменяющейся политической конъюнктуре, лишь повторялись в дискурсе различных политиков, преследовавших цель вновь актуализировать негативный образ страны-конкурента на политической арене. В данном случае «миф о панславизме» не стал исключением. В целом можно констатировать, что создание мифа о панславизме было скорее нужно для консолидации монархии Габсбургов, ведь ссылки на иррациональное чувство страха гораздо эффективнее находят отклик в массовом сознании, чем многие политические лозунги¹.

Если попытаться объективно взглянуть на исторические реалии, в которых термин «панславизм» входит в употребление, то сразу становится понятно, что тезис о «русификаторстве», «панславизме как официальной идеологии внешнеполитического курса России» и т.п. не имеют ничего общего с реальным ходом вещей. Панславизм никогда не воспринимался как идеология на высшем официальном уровне. Даже в эпоху своего расцвета, когда славянский вопрос нашел особую поддержку в русских общественно-политических кругах, правительство всегда с опаской относилось к призывам радикально решить «славянский вопрос», звучавшим со страниц влиятельных печатных средств массовой информации, с трибун собраний, на площадях «славянских митингов». Возвращаясь к эпохе Николая I и времени появления панславизма, нужно отметить, то здесь особо четко прослеживается следующий факт: правительство Российской империи и лично император всегда провозглашали верность принципам «Священного союза», главной задачей которого было сохранение сложившегося баланса сил в Европе². Только некоторое время спустя термин «панславизм» начина-

половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013; *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007.

¹ Многими исследователями отмечалась та роль, которую играет негативная репрезентация при формировании национальной или наднациональной идентичности, особенно в условиях кризисов, дестабилизации социума, изменении его социальной структуры. Так, В.А. Ачкасов предупреждает, что «дискурс национальных и этнических элит, как правило, направлен на реализацию стратегии положительной самопрезентации своей общности и негативной презентации «значимых Других», которые нужны для укрепления их легитимности и для достижения позитивной самооценки группы». *Ачкасов В.А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2016. Т. 12. № 1. С. 106-107.

² Несколько иную точку зрения высказывает отечественный историк А.А. Тесля, указывая на сложность однозначных дефиниций при определении официального отношения российских властей к панславизму. Тесля пишет:

ет восприниматься в позитивном ключе, во многом благодаря заслугам славянских авторов по его популяризации. Но традиция негативной репрезентации панславизма сохранялась, развивалась, и развивается.

Такая упрощенная, ошибочная трактовка панславизма как шовинистической идеологии встречается до сих пор. Данная традиция прослеживается, например, в работах известного американского исследователя национализма — Ганса Кона. В своих трудах этот автор утверждает, что «панславизм, аналогично пангерманизму, был движением за распространение власти России посредством включения других славяноязычных народов, даже против их воли, в “Великую Россию”, население и экономические ресурсы которой создали бы достаточную базу для мирового господства России, или, как говорили в XIX в., для “Русской вселенской монархии”»¹. По мнению Кона, оба движения основывались на постулате, что «расовая» или лингвистическая принадлежность обеспечивает родство цивилизаций и идеологий, и, как следствие, стремление к объединению. Кон убежден, что панславизм и пангерманизм, основывавшиеся на надуманных идеях, все-таки оказали эмоциональное воздействие на многих немцев и многих русских и стали важнейшими факторами мировых войн XX в.²

«правительственная политика в отношении панславистских идей была достаточно сложной, панславизм никоим образом не становился официальной идеологией, но в то же время именно на николаевское царствование приходится создание целой сети кафедр славяноведения, подготовка для них квалифицированных кадров». Также Тесля предлагает не упускать из виду несколько факторов: во-первых, неоднородность самого «правительства», и как следствие разные силы внутри элиты могли как симпатизировать панславизму (например, Азиатский департамент министерства иностранных дел), так и наоборот, относиться к нему с подозрением (Третье отделение). Во-вторых, отношение самого Николая I к славянской идее также было противоречивым, одобряя ее в целом, император крайне негативно относился к ее самостоятельному развитию вне рамок правительственного контроля. И, наконец, в-третьих, сами идеологи русского панславизма (М.П. Погодин, И.С. Аксаков и др.) часто пыгались оказать влияние на формирование внутренней и внешней политики государства, не оставаясь «пассивными объектами воздействия» со стороны властей. См.: Тесля А. Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 11. № 2. С. 177-185.

¹ Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. N. Y., 1955. P. 24.

² Ганс Кон. Национализм: его смысл и история // [Электронный ресурс] // Библиотека Егора Холмогорова [сайт]. URL: <http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/6.htm> (август, 2024).

Но для того, чтобы понять настоящие мотивы подобных выводов Кона, стоит обратить внимание на время выхода его основных трудов по панславизму — это разгар Холодной войны. Именно Кон возрождает «миф о панславизме» как экспансионистской идеологии, которую якобы использует и СССР для удержания своих позиций в Центральной и Восточной Европе¹. Окончательное оформление и закрепление панславистского мифа в западной историографии происходит после публикации монографии Кона «Панславизм. Его история и идеология» в 1953 г., где автор «чудесным» образом находит смысловые эквиваленты панславизма от «Гердера до Сталина». Однако проведенный нами анализ советского опыта изучения панславизма, показывает всю ложность выводов Кона, ведь в СССР панславизм воспринимался скорее как реакционная идеология и никогда не воспроизводился в официальных политических лозунгах. Работа Кона преследовала скорее не научные цели, а была политически ангажирована. Но именно выводы Кона затем транслировались из одной работы западных авторов в другую, продолжая череду неточностей и обобщений, плодя однобокие и «узкие» трактовки панславизма².

Как представляется, наиболее полно раскрывает все особенности и характерные черты панславизма следующее его определение: «панславизм есть идейно-теоретический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, террито-

¹ Об этом см.: *Kohn Hans. The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // The Review of Politics. Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). P. 331-333.* В схожем духе в это же время высказывается и другой англоязычный автор Р. Макмастер, отождествляя панславизм и идеи большевиков. См.: *MacMaster R. Danilevsky. A. Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge, Massachusetts, 1967.* Также см.: *Petrovich M. B. The emergence of Russian Pan Slavism 1856–1870. N.Y., 1956; Fadner F. Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870. Washington, 1962; Mackenzie D. The Serbs and Russian Pan-Slavism: 1875–1878. N. Y., 1967; Hugh Seton-Watson. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford, 1967.*

² Доскональным образом анализирует ложные клише о панславизме, встречающиеся в западной историографии, О.В. Павленко. См.: *Павленко О.В. Миф о панславизме в западной историографии периода Холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–1 (10). С. 9-15.*

рии) славянских и близких им народов и народностей»¹. Именно оно будет использовано как основное в нашем исследовании.

Обобщая положения и выводы современных исследований, можно утверждать, что пробуждению славянского самосознания способствовали различные исторические факторы. На первом месте следует отметить влияние Французской революции 1789 г. и последовавших за ней Наполеоновских войн. Французская революция, по справедливому замечанию британского историка Э. Хобсбаума, в принципе подарила нам политическое понимание «нации»². Последующие за ней события в Европе привели не только к пересмотру европейского политического ландшафта, но и к стимулированию вызревания идеи национальной свободы в сознании всех европейских народов. Уже с конца XVIII в. социально-политической мысли все громче звучат призывы к тому, что у каждого народа должно быть свое собственное национальное государство. По принципу цепной реакции, после Французской революции в XIX в. идеи национального самоопределения появляются не только у соседей французов (итальянцев, немцев), но и у славян³. В XIX в., вследствие интеграционных тенденций, национальные государства появляются у немцев и итальянцев, что лишь упрочило убеждение славянской интеллигенции в возможности создания собственных национальных государств, а возможно и собственного наднационального проекта.

В этой связи интересно обратиться к работе венгерского специалиста Кости Шандора, который также уделяет большое внимание Французской революции как фактору, предопределившему появление панславизма. Шандор отмечает, что «славянские народы были одними из первых, кто воспринял идеалы Французской революции», однако предлагает не забывать, что «все же сам по себе панславизм возник из-за стремления славянских народов к единению и из-за желания объединить свои силы для общего дела»⁴. Французская революция стала лишь катализатором давно назревающих процессов. Данный тезис автора представляется нам крайне удачным.

¹ См.: *Шириняц А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С.11.

² *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017. С. 161.

³ Подробнее см.: *Шириняц А., Мирикова А.* Русофобский мит на «панславизме» // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 88-89.

⁴ *Sandor Kostya.* Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. P. 5.

Кроме того, Шандор указывает и на тот факт, что духовные лидеры панславизма разделяли мнение, что процветания и силы можно достичь только путем объединения славянских народов, ведь они мечтали о «земле, где народ и их правители говорят на одном языке, и не нужно стыдиться своего славянского происхождения...»¹.

Тем не менее, стоит заметить, что в исследовании Шандора панславизм рассматривается скорее как «соперник» венгерской народности в монархии Габсбургов². Из анализа работы Шандора становится очевидно, что он скорее негативно оценивает внутреннюю и внешнюю политику Российской монархии, отмечая факт «угнетения славян» внутри нее, и исходя из этого скептически оценивает попытки западных славян ориентироваться на Россию в деле своего объединения. Помимо прочего, Шандор часто негативно характеризует попытки славян к борьбе против Венгрии как составной части монархии, особенно участие хорватов в подавлении Венгерского восстания 1848–1849 гг. Однако можно предположить, что оценки венгерского историка не лишены субъективизма, так как Шандор, являясь актив-

¹ Там же. Р. 6.

² Вот как исследователь пишет о появлении панславизма: «В конце XVIII века славянские народы со Среднедунайской низменности и Дунайского региона рассматривали царскую Россию как единственное независимое славянское государство и главную силу в деле защиты славян. Они ожидали, что Россия окажет им поддержку в их стремлении к независимости. Благодаря победам русских над Наполеоном и турками, эти славянские народы идеализировали царское самодержавие. Они видели только его благоприятные аспекты, которые были выгодны и полезны для их движения, но при этом закрывали глаза на недостатки деспотического правления, такие как суровое угнетение нерусских народов царской России, в том числе нерусских славян. Их рассудок был затуманен антиосманской политикой царской империи, которая отчасти облегчала страдания балканских славян от турецкого гнета. И они не хотели замечать агрессивной захватнической политики русских царей. Более того, царская помощь балканским славянам лишь усиливала пророссийские иллюзии у чехов и словаков. Но большинство славянских лидеров Австро-Венгерской империи того времени сохраняли преданность монархии Габсбургов. Их единственной целью было лишь достижение определенной независимости от Венгрии и ее Конституции. То есть они хотели получить своего рода политическую автономию и по-прежнему оставаться во владении австрийского императора. Тех, кто склонялся в сторону царской России, называли панславистами, а кто предпочитал монархию Габсбургов — австрославистами». *Sandor Kostya. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. P. 7.*

ным участником революционных событий в Венгрии (1956 г.), после подавления революции советскими войсками, вынужден был эмигрировать из страны. Поэтому, на наш взгляд, его «негативные» оценки России часто накладываются на его собственный опыт.

Кроме того, в ряду условий, предопределивших появление идей панславизма, а также рост национального и культурного самосознания славянских народов, не стоит забывать и внутривосточные процессы, протекавшие в двух монархиях, имевших в своем составе значительный славянский элемент. Речь в первую очередь идет об Османской империи и монархии Габсбургов. В обоих упомянутых государствах в указанный период все чаще начинают проявляться признаки системного кризиса, происходит постепенное обострение тлеющих национальных конфликтов, усиливаются социальные противоречия. Все чаще в славянских землях стали слышны призывы к тому, чтобы покончить с господством иноземцев. Особенно национально-освободительные тенденции проявлялись на Балканах, где коренное христианское население испытывало сильнейшие притеснения со стороны турецких властей. Как пишет Е.В. Белова: «В конце XVIII – первой половине XIX в. в Турции отмечалась слабость султанской власти. Вооруженные выступления пашей против Стамбула совершались все чаще. Идея борьбы национально-освободительных движений в Анатолии (Европейская Турция) приняла новые формы — от расширения прав немусульманского населения до полной независимости»¹. Именно в этот период Великую Порту сотрясают многочисленные восстания, жестоко подавляемые турецкими властями: Первое сербское восстание (1804–1813 гг.), Второе сербское восстание (1815–1817 гг.), Боснийское восстание (1831 г.), Критское восстание (1866–1869 гг.), Болгарское восстание (1876 г.) и др.

В империи Габсбургов центробежные тенденции также набирали оборот, так как славянское население государства продолжало неуклонно расти². Кроме того, попытки интегрировать и подвергнуть

¹ Белова Е.В. Национально-освободительная борьба балканских народов и Крымская война // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 6. С. 57.

² О национализме, сепаратизме, центробежных тенденциях и сецессионизме, как о внутривосточных факторах, раздиравших в то время «лохкутную империю», хорошо пишет, например, С.А. Романенко. См.: Романенко С.А. Национальные движения югославянских народов Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 67-81.

славян культурной ассимиляции зачастую находили ожесточенное сопротивление. Уже упомянутый нами К. Шандор напрямую заявлял, что «панславизм, как политическое движение, возник из неразрешенного национального вопроса»¹. И если в монархии Габсбургов процесс «онемечивания» шел более успешно, то в Порте, ввиду различий вероисповедания, процесс «отуречивания» встречал решительное сопротивление. В целом же славяне, несмотря на все попытки властей, сохраняли собственную самобытность, традиции, язык и культуру. По меткому замечанию Б.П. Балуева: «В славянских народах постепенно выработывался своеобразный фильтр, позволявший брать от властей только то, что приносило пользу развитию своего народа»².

Огромное влияние на становление панславизма оказали идеи Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803). Этот момент полностью роднит панславизм со своим «братом» и «главным врагом»³ — пангерманизмом. Полностью перенимая концепт Гердера о «народном духе» (*Volksggeist*), который находит свое проявление в культуре, языке, традициях и обычаях народа, славянские деятели приходят к мысли о том, что именно этот «народный дух» и объединяет всех славян в одно неделимое целое. В своем главном труде «Идеи к философии

¹ *Sandor Kostya. Pan-Slavism.* / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. P. 8.

² *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 211.

³ Подобно немецкому политологу Карлу Шмитту (1888–1965), определявшему политику исключительно как противостояние «друзей» и «врагов», создатели панидеологий полностью восприняли фактор «общего врага», впервые появившийся еще в панэллинизме. Необходимо сказать, что формирование идеологами панэллинизма в общественном сознании дихотомии «друг-враг» стало поистине новаторским подходом, который затем не раз воплощался в последующих интеграционных концепциях. Во многом ни одна панидеология так или иначе не обходилась без этого связующего элемента. Что касается Карла Шмитта, то немецкий автор писал, что «всякая противоположность — религиозная, экономическая или этническая — превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов». *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 61-62. Также о Карле Шмитте см.: *Филиппов А.Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта. // Карл Шмитт. Понятие политического. СПб., 2016. С. 432-551; *Бойцова О.Ю.* Шмитт // Философия политики и права. 100 основных персоналий. Словарь: Учебное пособие. М., 2015. С. 337-340.

истории человечества» (1784–1891) Гердер, в отличие от многих его современников, дает лестные оценки и характеристики славянским народам, пророча им великое будущее¹.

Реакция молодых представителей славянской интеллигенции не заставила себя долго ждать. «Глава о славянах вызвала большой интерес среди деятелей славянского возрождения, ее перепечатывали и переводили на славянские языки»² — пишет Г.Н. Лебедева, отмечая огромный отклик, который нашли в сердцах славян слова Гердера. В свою очередь, Г.Н. Моисеева и М.М. Крбец поясняют, что «рассуждения Гердера как исходящие от представителя немецкой культуры стали использовать для оправдания претензий славян на национально-культурное признание, на переосмысление их культурно-исторической роли в мире»³.

И действительно, подобные слова, сказанные немцем, имели в тот период огромное символическое значение⁴. Культурная и духовная жизнь в славянских землях находилась в упадке. Серьезную опасность представляло и лингвистическое растворение славянских языков, сведенных до уровня просторечья и языка черни. Потеря государственности (единственными независимыми славянскими государствами оставались лишь Россия и Черногория) стала национальным позором и тяжелой ментальной травмой. Социальное расслоение общества, стимулируемое иностранными захватчиками, привело к тому, что высшие слои общества часто являлись инонациональными, а низшие, кои составляли большинство населения, — славянскими. Эта закономерность привела к одной важной особенности славянского возрождения, а, следовательно, и генезиса панславизма: роль объединителей славянского племени на себя взяло духовенство, являвшееся представителем коренных народностей, так как светская интеллигенция в массе своей была инородная. В связи с этим в славянском возрождении, в отличие от эпохи Просвещения в Западной

¹ См.: *Гердер И. Г.* Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 266–268.

² *Лебедева Г.Н.* Славянское Возрождение в первой половине XIX в.: рождение наций // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2015. Т. 2. № 2. С. 79.

³ *Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л., 1990. С. 81.

⁴ Помимо И. Гердера в положительном ключе о славянской культуре и истории отзывались чешский филолог Йозеф Добровский (1753–1829), чешский ученый и поэт Йозеф Юнгман (1773–1847), словенский историк Копитар Бартол (1780–1844).

Европе, практически отсутствовал антирелигиозный компонент, уступая место национальным мотивам¹.

В контексте вышеупомянутых процессов славянское возрождение и появление идей общей славянской идентичности² стало уникальным феноменом. Пребывая под постоянным гнетом притеснений, культурным и религиозным давлением, угрозой полной ассимиляции и исчезновения, славяне смогли выработать уникальный идеологический ответ на угрозы своего существования — панславизм.

Нельзя не согласиться с известным отечественным специалистом Л.П. Лаптевой, утверждающей, что именно в XIX в., под воздействием сложившихся исторических условий, панславизм получает свое концептуальное оформление, подразумевая «возможность объединения всех славян на основе родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести некоторых черт литературы в раннехристианский период»³.

Одним из «отцов-основателей» идеи славянской взаимности следует считать словацкого священника Яна Коллара (1793–1852)⁴, хотя сам термин «панславизм» впервые появился незадолго до этого в работах словацкого проповедника Яна Геркеля (1786–1853)⁵. Коллар во

¹ Подробнее см.: Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб., 2011. С. 130-133.

² Термин «идентичность» берет свое начало в психологии личности и социальной психологии, где под ним понимается некий целостный образ, который человек формирует о самом себе, сопоставляя себя с другими индивидами. Особое внимание этой проблеме уделено в работах американского психолога Э. Эриксона. См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. Национальная идентичность в данном исследовании понимается как сформированное на основе устоявшихся особенностей национальной культуры, этнических характеристик, обычаев, верований, мифов, нравственных императивов видение народов себя в ряду других народов. Подробнее об этом см.: Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. М., 2011. Также см.: Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16; Smith Anthony D. National Identity. London, 1991.

³ Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 5.

⁴ Levine Louis. Pan-Slavism and European Politics // Political Science Quarterly. 1914. Vol. 29. No. 4. P. 668.

⁵ В своей грамматике общеславянского языка («Elementa linguae Slavicae Universalis»), изданной в 1826 году, Я. Геркель говорил о литературном союзе

многим продолжил и развил идеи своего соотечественника, с тем лишь отличием, что заменил термин «панславизм» на термин «славянская взаимность», считая, что данная дефиниция более полно и точно отражает суть устремлений и желаний славянских народов. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой, в своей работе Коллар продолжает линию Геркеля и употребляет термин «панславизм», но по вине переводчика Я. Томичека, переведившего трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями» с немецкого на чешский язык, «панславизм» превратился в «всеславянство», хотя в первоначальном немецком варианте последнего термина нет¹.

Ключевыми работами, анализ которых позволяет сделать вывод о панславянских взглядах Коллара, стали его цикл сонетов «Дочь Славы» (*Slavy Dcera*) (1824 г.), публицистическая статья «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков»² (1846 г.), а также трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями»³, впервые опубликованный в чешском журнале «Гронка» (1836 г.). Трактат Коллара стал своеобразным «славянским евангелием», «манифестом, провозглашавшим право славян на национальную индивидуальность»⁴.

Ратовавший за духовное единение всех славянских народностей, особую роль Коллар отводил славянской литературе, способной взять на себя миссию культурной интеграции разрозненного славянского племени⁵. Как мы видим, данная идея полностью созвучна с програм-

между славянами, который он именовал «истинный панславизм». Подробнее, см.: *Herkels J. Elementa universalis linguae Slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta*. Budaë, 1826. S. 4; *Матевчик А.* Ян Геркель и его идея славянского литературного единства // *L'udovid Stur und die slawische Wechselseitigkeit*. Bratislava. 1969. S. 27-31. Также см.: *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // *Новая и новейшая история*. 2016. № 5. С. 4; *Penchev V.* The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // *Traditions*. Vol. 40. № 2. P. 100.

¹ Об этом пишет, например, О.В. Павленко. См.: *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // *Новая и новейшая история*. 2016. № 5. С. 5.

² *Kollár Ján.* Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze, 1846.

³ *Kollar J.* Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation. Pesth, 1837.

⁴ *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // *Новая и новейшая история*. 2016. № 5. С. 4.

⁵ Подробнее, см.: *Коллар Я.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // *Отечественные записки*. 1840. № 8. С. 65-94.

мами других панидеологий, где литературе также отводится перво-степенная роль. Не чужда для Коллара и попытка создания устойчивых художественных образов, «мифов», возвеличивающих славянское племя. Так, в «Дочери Славы», Коллар «сетовал на падение славянской мощи, призывал к единству славянских народов и предрекал им великое будущее — заселение огромных территорий от Эльбы до Тихого океана, от арктических морей до Средиземного моря»¹.

Наиболее запоминающимся образом, созданным Колларом, можно назвать представление о славянстве как о могучем древе, раскинувшим свои кроны и ветви, символизирующие славянские народы. Кроме того, Коллар, находясь под влиянием Гердера², интерпретируя его идеи об особой миссии славянства в мире, утверждает, что «голубиный народ» (славянство. — В. Б.) составляет особый культурно-исторический тип, способный обновить дряхлеющую европейскую цивилизацию³. Считается, что литературная традиция, заложенная Колларом, оказала огромное влияние на будущих деятелей славянской интеллигенции, а образы, описанные в «Дочери Славы» не раз повторялись в славянской литературе.

По большому счету, программа Коллара не носила какого-либо политического окраса, уповая, прежде всего, на культурное единение славянских народов. Книжное дело, перевод славянской литературы на национальные языки, популяризация образования, открытие школ и университетов, способных дать образование на славянских языках — вот те сферы, на которые должны быть направлены усилия славянской интеллигенции. Однако, как известно, формирование других наднациональных идеологий также начиналось именно с культурных требований, обрастая затем и политическими лозунгами. В данном случае теория «литературной взаимности» Коллара не выпадает из общей логики формирования панидеологий. Однако можно выделить и некоторые отличия, наблюдаемые в панславянской программе Коллара в сравнении с тем же пангерманизмом. Словацкий мыслитель изначально выступал против какой бы то ни было унификации, отмечал самобытность каждого славянского народа. Его конструкция, основанная на принципе «разнообразия в гармонии», сильно ограничи-

¹ См.: *Шириняц А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 14.

² О связи идей Гердера и Коллара См.: *Maxwell Alexander.* Herder, Kollár, and the Origins of Slav Ethnography // *Traditiones.* 2011. Vol. 40. № 2. P. 79-95.

³ Подробнее, см.: *Kollar J.* Dobre vlastnosti narodu slovanskeho. Pesth, 1831. S. 500-510.

вала возможности интеграции славянских народов, хотя и была принята на вооружение многими славянскими политиками, так как не предполагала ограничения собственных национальных интересов в угоду общих целей¹.

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают взгляды Коллара аморфными, «платоничными»², именно в его концепции впервые наметились конкретные шаги, направленные на преодоление славянской разобщенности как источника всех бед в славянском мире, и именно с его именем и связывается дальнейший рост популярности панславизма.

Об объективности появления панславизма именно в этот исторический период говорит и тот факт, что практически одновременно с Колларом и Геркелем схожие идеи начинает высказывать и другой известный деятель славянского возрождения, чешский и словацкий ученый, поэт, литератор и общественный деятель Павел Шафарик (1795–1861), которого американский исследователь Ганс Кон окрестил «первым ученым» раннего панславизма³. Подобно своим соплеменникам, Шафарик отмечал засилье в немецкой литературе и науке предвзятого мнения о славянах, принижение их достоинства и богатой истории. Всей своей деятельностью Шафарик пытался развенчать устоявшиеся стереотипы о славянах и опровергнуть негативные клише, существовавшие по отношению к славянской культуре. Одной из самых значительных научных работ Шафарика стала книга «История славянского языка и литературы по всем наречиям»⁴, изданная в 1826 г. на немецком языке, она была призвана показать ту богатую историю славянской литературы, красочность и живость их языков. Кроме того, по верному замечанию Г.Н. Лебедевой, ключевой работой Шафарика по праву можно считать «Славянские древности» (*Slovanské starožitnosti*)⁵, которая стала «научным подвигом» ученого. Именно в ней «он подвергнул тщательному анализу все имеющиеся источники о происхождении и истории древних славян, он не просто обосновал

¹ Подробнее, см.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 6.

² Подобную точку зрения высказывает, например, русский историк славянской литературы А.Н. Пыпин. См.: Пыпин А.Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. Т. 3. Май – Июнь. 1879. С. 615.

³ См.: Kohn H. Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. N.Y., 1960. P. 5.

⁴ Šafárik P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826.

⁵ Šafárik P. J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.

их индоевропейское происхождение, но также показал вклад в мировую историю и культуру»¹.

Идеи Коллара и Шафарика вдохновили молодое поколение словацких общественных деятелей на провозглашение лозунгов политического объединения славян. Одним из первых эту роль на себя взял словацкий патриот и общественный деятель Людовит Штур (1815–1856). Признавая политическую составляющую программы Штура, Б.А. Прокудин замечает и некоторый разрыв между «старыми» идеями Коллара и требованиям молодых политиков: «Штуровцы призывали к самобытности славянских наций, не принимая колларовской теории “племен”»². Кроме того, для достижения своих политических целей Штур первоначально предлагал ориентироваться на помощь России. Как пишет Г.В. Рокина: «Штур и его последователи преодолели легитимизм и аполитичность концепции Коллара и придали словацко-русским связям откровенно политический характер»³. Дальнейшая разработка и переосмысление идей панславизма привела к тому, что в 1848 г. Людовит Штур перешел на позиции австрославизма, отойдя от взглядов первых «отцов движения» Я. Коллара и П. Шафарика.

В историографической традиции взгляды Коллара и Шафарика принято относить к «литературному» направлению панславизма⁴. Именно эти мыслители первыми сформулировали те основные принципы, которые в дальнейшем легли в основу различных направлений и моделей панславизма. Коллар и Шафарик пытались не только обосновать своеобразие славянского мира, указать на то, что славяне, наряду с другими народами Европы обладают богатой культурой и историей, но и популяризировали идеи о «великом будущем» славян-

¹ Лебедева Г.Н. У истоков славянского мира: П.Й. Шафарик и В. Ганка // Славянские языки и культура. история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 56.

² Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. М., 2007. С. 19.

³ Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005. С. 8.

⁴ О понятии «литературный панславизм» См.: Пытин А.Н. Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 2. С. 480; Пытин А.Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. Т.3. Май – Июнь. 1879. С. 615; Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дис ... канд. пол-лит. наук. М., 2007. С. 19.

ского племени. Первые попытки этих двух словацких деятелей носили еще аполитичный характер, ограничиваясь лишь сферой культуры. Однако уже к середине XIX в. панславизм, введенный в оборот Геркелем, Колларом и Шафариком, начинает цвести политическими красками, играя все более значительную роль во внутри- и внешнеполитических процессах Европы.

Резюмируя процесс генезиса панславизма, сразу следует указать на тот факт, что он проходил по совершенно тому же сценарию, что и развитие других панидеологий. Его появление было обусловлено тем социально-политическим и культурным состоянием славянского общества, в котором оно находилось после потери большинством славянских народов своей государственности. Угроза растворения и культурной ассимиляции подталкивала славян к выработке идеологии, способной консолидировать славянские народы и обеспечить их выживание. По сути, панславизм стал ответом на усиление гнета над славянами и страха перед собственным исчезновением как самостоятельного культурного племени. Угроза культурной и национальной ассимиляции, исходившая от немцев, венгров и турок, вызвала идейный ответ в славянском обществе — процесс славянского национального возрождения, следствием которого и стало появление панславизма. Небывалый рост интереса к литературе, истории и традициям славянского мира стал лишь следствием чувства страха на коллективном и бессознательном уровне. Помимо прочего, зарождение панславизма следует рассматривать в теснейшей связи с появлением главного его оппонента — пангерманизма. Двусторонние тенденции нагнетания взаимных упреков, обоюдное формирование политических мифов об «экспансионистской» роли двух идеологий сыграли роль катализаторов интеграции, усиливая символический капитал, обосновывая идею защиты от внешних врагов. Миф «панславизма» был выгоден Габсбургам для укрепления внутреннего единства империи, миф «пангерманизма» — оправдывал национальные устремления и притязания на независимость славянской интеллигенции.

Краеугольным камнем в вопросе формирования славянской идентичности стала проблема преодоления полилингвистического многообразия славянского мира. В отличие от пангерманизма (стремившегося к созданию моноэтнического государства), панславизм претендовал на консолидацию совершенно разных в историческом, культурном, политическом и экономическом отношении народностей. Несмотря на общее культурно-языковое прошлое, за многие годы в славянском мире накопились противоречия и конфликты, которые

не так-то легко было преодолеть. История причудливым образом сталкивала братские славянские народы между собой, что приводило к накоплению взаимных обид. Кроме того, религиозный раскол некогда единого славянства на католиков, протестантов и православных привел и к языковому отдалению славянских народов друг от друга. Центрами духовной жизни в славянских странах традиционно были церкви и монастыри, а духовенство играло особую роль в сохранении и поддержании национальных традиций. Распространение образования и науки также велось через монастыри, что сказывалось и на литературных и языковых традициях. Все это приводило к некому ментальному и культурологическому расколу между славянами-католиками, которые в принципе принадлежали к общеевропейской католической семье, и славянами-православными, главными ориентиром для которых традиционно была православная Россия.

Именно на преодоление всех вышеуказанных сложностей и были направлены появившиеся в дальнейшем различные модели панславизма. Ведь без ответов на ключевые вопросы, разобщающие славянский мир, славянское племя ставило себя под угрозу исчезновения. А то, как теоретики панславизма видели выход из сложившейся ситуации, во многом предопределялось тем культурным кодом, той самобытной спецификой, на почве которой вырастали их идеи. Именно поэтому появившийся из общего «литературного» корня панславизм в каждой славянской стране нашел свое уникальное и самобытное продолжение и воплощение в политических программах, зачастую с различающимися целями и задачами, но при этом всегда объединенных общими заветами «отцов-основателей» панславизма.

Вопросы для самопроверки

1. С чьим именем связывают появление первых идей панславизма?
2. Когда и как возникает термин «панславизм»?
3. Кто считается «отцом-основателем» идеи славянской взаимности в XIX в.?

Темы докладов и рефератов

1. Мифы о «панславизме» в зарубежной историографии.
2. Яна Коллар и Павел Йозеф Шафарик – «отцы-основатели» славянской взаимности.

Литература

- Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999.
- Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М., 2018.
- Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011.
- Коллар Я.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. № 8. С. 65–94.
- Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л., 1990.
- Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.
- Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007.
- Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.
- Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
- Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.
- Ширинянец А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010.
- Ширинянец А., Мирикова А.* Русофобский мит на «панславизма» // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110.
- Kollar J.* Dobre vlastnosti narodu slovanskeho. Pesth, 1831.
- Kollar J.* Üeber die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation. Pesth, 1837.
- Kollár J.* Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze. W kommissí u Kronbergra i Řiwnáče, 1846.
- Maxwell A.* Effacing Panslavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation // Nationalities Papers. 2018. Vol.46. Is. 4. P. 633–653.

Maxwell A. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // Traditiones. 2011. Vol. 40. № 2. P. 79-95.

Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe / Ed. by Mikhail Suslov, Marek Čejka, Vladimir Đorđević. Palgrave Macmillan Cham, 2023.

Šafárik P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826.

Šafárik P.J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.

ТЕМА 6

МОДЕЛИ ПАНСЛАВИЗМА У ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН: АВСТРОСЛАВИЗМ И ЮГОСЛАВИЗМ

Формирование моделей панславизма у западных и южных славян происходило под влиянием двух амбивалентных тенденций — роста национально-освободительных настроений в рядах славянской интеллигенции, с одной стороны, и полной лояльностью короне Габсбургов, — с другой. Эта двойственность предопределяла все идейные поиски славянских мыслителей, а превалирование одной тенденции над другой полностью зависело от меняющейся политической конъюнктуры. Когда это было выгодно лидерам славянских партий, они активизировали дискурс о национальной независимости, когда не выгодно — постулировали идею об «общем австрийском доме» и Австрии как «матушке австрийских славян»¹.

Подобная двойственная установка славянской интеллигенции становится вполне объяснимой при более детальном ее рассмотрении. Для западных и южных славян Австро-Венгрия, с ее многообразием национальных элементов, являлась вполне приемлемой формой сосуществования при условии расширения собственных прав и автоно-

¹ Использование славянской тематики и символов в имперской мифологии Австро-Венгрии было распространенным явлением. Например, как отмечается в современных исследованиях, «центральное место отводилось официальной трактовке “собрания” славянских земель вокруг престола Габсбургов. В сочинениях “профессиональных патриотов” подчеркивалось, что слабые и беспомощные славяне никогда не смогли бы выжить, если бы их не взяла под свой скипетр династия Габсбургов». См.: Павленко. О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. №1. С.126.

мии — то есть федерализации империи. Именно поэтому первоначально в большинстве своем все деятели славянского движения были скептически настроены относительно сецессии, а идеи о создании независимых государств хоть и высказывались, но воспринимались как радикальные и не находили широкой поддержки вплоть до Первой мировой войны. Однако настроения славянских идеологов находились в тесной взаимосвязи с изменением внутривнутриполитического курса Австрии, и как только надежды на федерализацию угасали — сразу же появлялись радикальные проекты переустройства империи. В целом же, как отмечает О.В. Павленко, особых возможностей для выработки новых альтернатив у австрийских славян не было изначально, они могли «либо выступать с программой собственной государственности, либо выдвигать эрзац-идею замены Австрии на другое не менее сильное государство»¹.

Можно предположить, что подобный легализм западных и южных славян был обусловлен страхом окончательно потерять собственную идентичность в случае обретения независимости, ведь тогда им приходилось бы иметь дело с крупными державами-соседами — Германией, Турцией и Россией. Эти державы, в свою очередь, рассматривались скорее как оппоненты, которые могут поглотить малые славянские народы, нежели как партнеры. В данном контексте показателен вывод, сделанный в недавнем исследовании: «первая политическая концепция славянского объединения ограничивалась проблемами федерализма австрийских славян, Россию же рассматривала как угрозу для национальной и культурной независимости малых славянских народов. Следует отметить, что многие чешские сторонники “австрославизма” после 1867 г., с созданием дуалистической Австро-Венгрии, усиливавшей положение мадьяр в государстве, решили продемонстрировать свой протест Вене, и перешли на позиции русофильства»².

Среди иных причин существования сильных австрофильских настроений славянских жителей империи исследователями называется социальный состав панславистского движения. Как уже отмечалось, основными вдохновителями национально-освободительного движения в большинстве случаев выступали священники и духовные

¹ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 8.

² Шириняц А.А., Мыркова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 15-16.

лица, а население славянских территорий преимущественно было сельским. Все это предопределяло господство традиционалистских ценностей и консервативных начал в политической культуре славянских народов, и, как следствие, нежелание перемен, страх перед потрясениями и нововведениями. Данной точки зрения придерживается, например, О.В. Павленко¹. Нам она также кажется интересной и заслуживающей внимания.

Что касается тенденций русофильства, которые также проявлялись у некоторых теоретиков панславизма, то такой разворот был вызван самой внутренней политикой Австрии. Так, наибольший всплеск русофильских настроений наблюдается в землях, попавших под власть Венгерской короны после 1867 г. Возможно, из-за этого венгерский историк К. Шандор и характеризует панславизм как угрозу для целостности Венгерских земель².

В принципе было бы ошибочно обвинять славянских лидеров того времени в двойных стандартах или показном русофильстве, скорее подобная тактика была продиктована собственными национальными интересами, стратегией на выживание и противодействие немецкому гнету. По большому счету, западные славяне, в силу специфики культуры, видели себя скорее частью общеевропейского мира, нежели стремились стать частью Российской империи. Россия играла для них роль союзника для реализации собственных политических интересов. Но не более того. Кроме того, использование «мифа панславизма» было выгодно самим австрийским славянам, «ведь потенциал страха, заложенный в этом понятии, продолжал использоваться для шантажа австрийского правительства вплоть до Первой мировой войны»³.

Помимо прочего панславизм являлся и источником создания позитивных стереотипов славянских народов о самих себе, что являлось крайне важным моментом для поддержания национального духа народов, потерявших независимость. По факту, для австрийских славян панславизм компенсировал сознание собственной малочисленности⁴. Национальная травма потери государственности сублимирова-

¹ Подробнее см.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 8.

² Sandor Kostya. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. P. 24–35.

³ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 9.

⁴ См.: Лебедева О.В. Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политическая борьба в странах Ев-

лась идеей принадлежности к общему, многомиллионному славянскому миру.

В исторической литературе концепции переустройства Австрийской империи на федеративных началах, предложенные славянскими деятелями, принято называть «австрославизмом». Считается, что первыми выразителями «австрославизма» стали известный австрийский публицист, чех по происхождению, Карел Гавличек-Боровский (1821–1856), а также чешский историк и общественный деятель Франтишек Палацкий (1798–1876).

Палацким, как одним из лидеров чешской фракции в австрийском парламенте, был разработан проект, названный «Австрославизм», который был представлен на рассмотрение австрийскому парламенту в 1848 г. Согласно проекту Палацкого, «малые славянские народы постепенно должны были получить автономию и одновременно в едином сильном государстве поддерживать друг друга и противостоять опасности пангерманизма и панрусизма»¹. Как отмечает А.А. Григорьева, по мысли Палацкого, «только сильная “славянская Австрия” способна спасти западное славянство от крепких объятий “русского медведя” и объединяющейся Германии»². По мысли австрославистов территорию Австро-Венгрии следовало поделить на семь национально-административных областей (австро-немецкую, чехословацкую, польско-русинскую, венгерскую, румынскую, югославянскую, итальянскую), которые наделялись равными правами и широкими полномочиями. В компетенции центральных властей оставались лишь вопросы внешней политики, международной торговли, армии, финансов, транспорта и связи. «Теоретически федерализация Габсбургской империи в соответствии с проектом Ф. Палацкого вполне отвечала интересам Австрии, поскольку была направлена на установление межнационального равновесия и укрепление внешнеполитического положения страны»³. Однако проекту Палацкого не суждено было реализоваться, и прежде всего из-за несогласованности действий и противоречий между народами монархии Габсбургов. Венгры восприняли проект как направленный против их законных прав, немцы — как выражение тенденции к ослаблению империи, поляки — как конец мечтаний о воссо-

ропы в Средние века и Новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 130-144.

¹ См.: *Шириняц А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 29.

² *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 111.

³ Там же.

здании «Великой Польши», румыны, словенцы, русины и другие представители меньшинств остались недовольны тем, что их национальные интересы проектом вовсе игнорировались.

Тем не менее, в 1848 г. в Праге прошло знаковое событие для всего славянского мира — Первый всеславянский съезд, председателем и одним из организаторов которого стал Палацкий. Этот съезд имел огромное символическое значение, показав, что славяне, несмотря на раздираемые их противоречия, представляют собой единую силу и способны консолидировать свою борьбу за культурную, духовную и национальную автономию. Этот съезд стал первым этапом на пути институционализации славянского движения. По мысли отечественного исследователя О.А. Хорева: «Съезд был, по сути, блестящей импровизацией молодых славянских политических лидеров Центральной Европы <...> пражский съезд представляет собой контрмеру против выпадов Германского национального собрания <...> созыв Германского Национального собрания и проведение Славянского съезда обозначали начало столкновения несовпадающих национально-государственных интересов нескольких общественных сил. Конфликт воспринимался современниками во многом как мегаэтнический, как противостояние славян и германцев, чему способствовала атмосфера апрельских (1848 г.) выступлений славянской общины в Вене»¹.

Оценивая итоги работы первого славянского съезда, Б.А. Прокудин приходит к выводу, что он «был задуман как национально-политическая манифестация славянского возрождения»², а главной его целью стало стремление показать, что славянские народы представляют собой самостоятельную политическую силу на карте Европы. Однако, несмотря на вполне миролюбивое настроение участников съезда по отношению к правительству, съезд, объединивший около 340 делегатов, был разогнан полицией, так и не закончив своей работы. Главным же его достижением стала репрезентация факта, что славянские народы могут объединять собственные усилия для выражения совместной политической позиции.

¹ *Хорев О.А.* Славянский съезд 1848 г. В Праге и некоторые проблемы современного национального развития // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 22-23.

² *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 29.

Вскоре после поражения Австрии в войне с Пруссией (1866 г.) и усиления тенденций пангерманизма, национальные противоречия в империи вспыхивают с новой силой, среди немецкого населения все чаще стали слышны опасения о «растворении в славянском море». В империи возрастало напряжение, что, например, вылилось в националистические манифестации в Чехии в 1867 г. и последующую реакцию австрийских властей, запретивших преподавание в школах на чешском языке¹.

Усиление прогерманских тенденций закономерно приводило к усилению пророссийских взглядов у славян Австрии. Так, например, в чешском национальном движении в 70-е годы XIX в. происходит раскол на «старочехов» (сторонников Палацкого), ратовавших за продолжение переговоров о федерализации Австрии, и «младочехов» (объединившихся вокруг Карела Крамаржа (1860–1937)), выступавших за новые подходы к решению национального вопроса и более склонных к сотрудничеству с Россией. Но по большому счету все рассуждения чехов, которые и были главными идейными вдохновителями австрославизма, не выходили за рамки реформирования империи, а контакты с Россией рассматривались как способ «надавить» на правительство собственной страны².

Поражение Австрии в двух войнах (Сардинская война 1859 г. и Австро-прусская война 1866 г.), усиление национальных движений и рост австро-венгерских противоречий вновь возродили, казалось бы, угасшие идеи иллиризма в среде южных славян империи. Именно в 60-х годах XIX в. на политическую сцену выходит новая интеграционная идеология, явившаяся развитием идей иллиризма и панславизма — югославизм. Известный отечественный балкановед В.И. Фрейдзон дал ему следующее определение: «Югославизм — система

¹ Подробнее, см.: *Погодин А.Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 38.

² Стоит сказать, что в годы Первой мировой войны русофильские взгляды среди австрийских славян еще более усилились. Вслед за победами русского оружия, все смелее звучали мнения, что славянские государства могут надеяться на помощь России в деле своего освобождения, а лидер чешских реалистов, будущий президент Чехословакии Томаш Масарик (1850–1937) и вовсе писал о возможности создания «независимого чешского государства во главе с представителем российской династии». См.: *Ведерников М.В.* Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. №6 (66). С. 124.

представлений и идей, исходящих из принципа общности происхождения и культурно-языкового родства всех южных славян. На его основе делались различные политические выводы — от программы сотрудничества южных славян, как в сфере культуры, так и в политической борьбе вплоть до создания независимого государства»¹. Вслед за Фрейдзоном можно утверждать, что в своем концептуальном развитии югославизм прошел несколько этапов: 1) иллиризм 30–40-х гг. XIX в., связанный с культурным подъемом и «национальным возрождением» славянских народов; 2) югославизм 60-х гг. XIX в., с господствовавшими в нем либеральными представлениями и проектами федерализации Австрийской империи на равноправных началах; 3) югославизм 70-х – середины 90-х гг. XIX в., характеризующийся упадком идеологии и обострением сербскохорватских противоречий; 4) югославизм конца 90-х гг. XIX в. – начала XX в., отличавшийся радикализацией движения и методов борьбы за создание независимого югославянского государства². Дальнейшее свое развитие и реализацию идеи югославизма нашли при создании сначала Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1929 г., а затем и социалистической Югославии в 1945 г.

Как верно отмечает все тот же Фрейдзон, вначале идеи югославизма зародились в среде хорватского духовенства, и лишь только в 1903 г. «на хорватском югославизме начало сказываться сильное влияние сербской национальной идеологии и внешней политики Сербии»³. Это было обусловлено тем, что в 1903 г. в Белграде было совершено убийство короля Александра Обреновича представителями организации «Черная рука», объединивших в своих рядах недовольных (в том числе и внешнеполитическим курсом монарха) военных. Девизом организации был лозунг «Объединение или смерть!» (Уједињење или смрт), а главной целью провозглашалось объединение всех южнославянских народов под властью Сербии. Взошедший на престол король Петр Карагеоргиевич вынужден был считаться с влиятельной организацией, устранившей его предшественника. Кроме того, «Черной рукой» руководил полковник Драгутин Димитриевич (1876–1917), известный как Апис, он возглавлял разведывательный

¹ Фрейдзон В.И. Хорватский югославизм в 30-90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 3.

² Подробнее о классификации См.: Фрейдзон В.И. Хорватский югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. №5. С. 3–4.

³ Там же. С. 4.

отдел Генерального штаба Сербии, и по признанию многих современников, являлся самым влиятельным человеком в государстве¹.

В связи с вышесказанным интересно обратиться к словам современного сербского автора Александры Колакович, замечаящей, что усиление Сербии как независимого государства сделало ее центром проюгославских настроений, что немедленно вызвало противодействие со стороны Австро-Венгрии, для которой молодое балканское государство стало «главным врагом». Именно для того, чтобы «разрушить сербское государство» и раз и навсегда покончить с идеями югославизма, Австро-Венгрия взяла курс на дискредитацию югославистского движения и поддержку «хорватского шовинизма». Но победы в Балканских войнах (1912–1913 гг.) сумели придать новый импульс идее югославизма и утвердить мнение о Сербии как о возможной собирательнице славянских земель².

Подобная трактовка, популярная в современной Сербии, говорит, на наш взгляд, о том, что обе стороны — и хорваты, и сербы, пытаются утвердить идею о собственном первенстве в разработке «югославизма». Эти попытки должны были бы противоречить самой сути идеологии, в основе которой лежит мысль о едином «югославском народе», о том, что нет серба или хорвата, а есть югослав. Но постоянное воспроизведение, в том числе и в современном научном дискурсе, идей о первенстве или хорватов или сербов, говорит о глубоко укоренившихся противоречиях между обоими народами, претендующими на лидерство среди южных славян. Как итог, ни сербы, ни хорваты, не готовы отказаться от взаимных обид и национальных претензий. Хотя не стоит отрицать, что в начале XX в. первенство в пропаганде югославизма действительно перешло к Сербии, что соответствовало ее внешнеполитическим интересам.

Возвращаясь к возрождению идей возможного объединения южных славян в начале 60-х гг. XIX в., сразу следует обозначить, что стоявшие у истоков югославизма хорваты видели возможность реше-

¹ Существует мнение, что Драгутин Дмитриевич и возглавляемая им организация «Черная рука» были причастны и к убийству эрцгерцога Франса Фердинанда, послужившего поводом к началу Первой мировой войны. Об этом пишет, например, немецкий исследователь Лефельдт Вернер. См.: *Lehfeldt W. A Russian shadow over the assassination in Sarajevo // SLOVÈNE. 2016. Т. V. №.1. P. 218-225.*

² См.: *Kolakovic Aleksandra. Road to Great War. Serbian Intellectuals and Austro-Hungarian Policy in the Balkans (1894–1914) // Serbian Political Thought. № 1 / 2014. Year VI. Vol. 9. P. 77-84.*

ния данной проблемы путем объединения всех югославянских земель, входящих в состав Австрийской империи, в Триединое королевство, которое стало бы третьим составляющим элементом до этого двуединой монархии. То есть, по сути, югославизм развивался в общем русле федералистских тенденций, приобретавших популярность в монархии Габсбургов. Объединение именно вокруг Хорватии виделось югославистам вполне логичным шагом, так как в основе него лежал бы принцип исторического права — ведь Хорватия, когда-то имевшая независимое государство, по их мысли, заключила личную унию с Габсбургами и добровольно выбрала в 1527 г. Фердинанда Австрийского своим королем. Подобная апелляция к принципам исторического права использовалась не только либерально настроенными югославистами, но и сторонниками радикально-националистической идеологии «Великой Хорватии», утверждавшей, что на Балканах существует лишь один общий хорватский народ и задача политических лидеров Хорватии объединить его в одно независимое государство¹.

Использование принципов исторического права сыграло злую шутку с теоретиками югославизма. Несмотря на то, что они с уважением относились к культурным и национальным особенностям других народов Балканского полуострова, отсутствие у словенцев, словаков, румын, русинов и сербов государственной традиции в пределах империи автоматически ставило эти народы в подчиненное положение к хорватам, они рассматривались лишь как «довесок» к возможной возродившейся хорватской государственности. Об этом, например, свидетельствует союз между хорватскими югославистами и чешскими либералами в период конституционных реформ в империи (60-е гг. XIX в.). Выступая за федерализацию монархии на основе «исторического права земель» (речь идет о Чешском, Венгерском и Хорватском королевстве), они интересы других «негосударственных» народов попросту игнорировали и не учитывали всерьез². Хорватские югосла-

¹ Подробнее о великохорватизме как радикальной интеграционной идеологии см.: *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С.167–174; *Фрейдзон В.И.* Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке // *Славяноведение*. 1998. №5. С. 18–24; *Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // *На путях к Югославии: за и против*. М. 1997. С.201–229; *Освободительные движения народов Австрийской империи*. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 161–164.

² Подробнее о союзе хорватов и чехов См.: *Фрейдзон В.И.* Югославизм

висты признавали за сербами все гражданские права, свободу вероисповедания, право на занятие государственных должностей, однако требовали взамен полной лояльности хорватскому государству. Подобная расстановка сил вступала в противоречие с зарождающимися национальными идеологиями, кроме того, именно в этот период происходит активное утверждение этнонимов «серб» и «хорват» (взамен региональных наименований «далматинец», «славонец» и т.п.). Конфликт между национализмом и либеральным югославизмом стал основным камнем преткновения, не позволившим реализовать югославянский проект до конца.

Однако возникший дуализм империи в соответствии с договором между Австрией и Венгрией (1867 г.), согласно которому хорватские земли признавались неотъемлемой частью Венгерской короны, что усилило процессы мадьяризации внутри них, нанес сильный удар по чаяниям югославистов. Однако, парадокс в том, что венские политики всегда рассматривали югославизм как противовес венгерскому влиянию и зачастую негласно поощряли славянских деятелей. Венгрия же, в свою очередь, видя в югославизме политического противника, всеми возможными способами пыталась ограничить развитие этого движения.

В основе идей югославизма на разных этапах его существования лежал принцип взаимного сотрудничества и устранения национальных и культурных противоречий между балканскими народами (и прежде всего между сербами и хорватами). Создание общего культурного поля и формирование единого литературного языка виделось главной задачей на пути интеграции разрозненных славянских народов полуострова. Одними из главных популяризаторов югославизма стали хорватский епископ Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905) и хорватский историк Франьо Рачки (1828–1894). Оба этих политика, выступая за усиление культурного сотрудничества и взаимодействия славянских народов, все же прочно стояли на принципах федеративного развития в рамках империи. Лишь после австро-венгерского соглашения 1867 г., испытав разочарование из-за краха надежд на повышение политического статуса Хорватии, Штросмайер выразил готовность поддержать «борьбу Сербии и создаваемого ею балканского союза против Турции за присоединение Боснии к Сербии», а при возможном крахе Австрийской империи и вовсе был готов на созда-

и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века// На путях к Югославии: за и против. М. 1997. С. 206-207.

ние федеративного государства под крылом Сербского королевства¹. Однако, на наш взгляд, подобный разворот стоит воспринимать лишь как политический реверанс в сторону набиравшей силу Сербии, предопределенный изменением политической конъюнктуры. В конечном итоге этим планам не суждено было сбыться и Штросмайер остался верен австрийской короне.

Подробнее останавливаясь на взглядах Штросмайера, следует сказать о том огромном значении, которое он придавал устранению религиозных противоречий между южными славянами. Именно Штросмайер одним из первых выступил за расширение католического богослужения на старохорватском языке по глаголическим текстам, что позволило бы, по мысли епископа, возродить культурно-языковое родство и единство языка, господствовавшее в прошлом. Другим ключевым моментом концепции Штросмайера стало развитие идеи Людевита Гая о создании единого языка² как средства межкультурного общения и объединения. Однако этот проект также вызвал сильное сопротивление националистически настроенных элит.

Несмотря на то, что в дальнейшем в Югославии сербскохорватский язык по факту стал единым для всей территории страны, на нем могли свободно изъясняться и понимать друг друга как сербы и хорваты, так и черногорцы, боснийцы и словенцы, дальнейшие тенденции, проявившиеся в XX в. после распада страны, и вылившиеся в выделение в каждой бывшей республике собственного языка (черногорского, боснийского и т.п.), стали иллюстрацией тех глубоко уко-

¹ См.: *Фрейдзон В.И.* Хорватский югославизм в 30-90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 4.

² Так известный теоретик илиризма, хорват Людевит Гай (1809–1872) пытался создать общий «литературный язык» на основе распространенного штокавского диалекта, на котором говорило большинство сербов и боснийцев. Как пишет переводчик программной статьи Л.Гая «Наш народ» А.В. Мырикова выбор штокавского диалекта был обусловлен тем, что «Гай убедился, что кайкавское наречие, во-первых, не имеет литературной традиции, а во-вторых, — мало понятно другим ветвям сербохорватской народности». См.: *Мырикова А. В.* Статья Людевита Гая «Наш народ» // SCHOLA — 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года. М., 2013. С. 153. Так же об этом См.: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017. С. 87; *Фрейдзон В.И.* Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 5.

ренившихся стереотипов и противоречий, которые так и не удалось преодолеть ни югославистам, ни коммунистам.

Вопреки тому, что Загребский университет и Югославянская академия наук и искусств, находившаяся в Загребе, долгое время были оплотами югославизма, на рубеже веков политическое лидерство на Балканах постепенно стало переходить к Сербии. Здесь обнажилась и другая проблема югославизма — сербские политики видели его совершенно не так, как хорватские идеологи и общественные деятели, а если рассматривать проблему в контексте всего югославянского ареала, то на лидерство в нем претендовали не только Сербия и Хорватия, но и Болгария. Таким образом, идея югославизма, удачно вписывающаяся во внешнеполитический курс молодого сербского государства, в конце XIX – начале XX в. становится обоснованием претензий Сербии на лидерство на Балканах. Кроме того, неудача либерально настроенных югославинов 60-х гг. XIX в. приводит к радикализации самой идеи, и распространению убеждения, что только насилем можно объединить страдающие под гнетом славянские народы.

Таким образом, рассмотрение моделей панславизма (австрославизм, югославизм), выработанных у западных и южных славян, позволяет выделить их следующие ключевые особенности. Во-первых, то, что стремление к объединению было продиктовано экономическим и политическим упадком славянских народов, лишившихся своей государственности. Тенденции мадьяризации, германизации и итальянизации (в случае хорватов) представлялись славянским деятелям реальной угрозой. В данном историческом контексте создание панидеологий вновь становится идеологическим ответом на угрозы. Во-вторых, западные и южные славяне к моменту появления идей панславизма уже в течение долгого времени находились под властью других государств. Присущий славянским народам консерватизм, слабость политических институтов, а также экономическая неоднородность славянских земель предопределили стойкий легализм теоретиков панславизма, ориентацию на сотрудничество с правительством с целью повышения политического веса славянских территорий, усиления культурной и политической автономии в рамках империи Габсбургов. Отсюда и появляются идеи о федерализации Австрии, рухнувшие с установлением австро-венгерского соглашения и переходом к дуализму. Именно тогда намечается разворот представителей славянской интеллигенции в сторону России, как потенциального союзника в деле борьбы за возможную политическую независимость.

Снижение доверия к австрийскому правительству, а также изменение исторического контекста, усложнение экономических отношений, вылившихся в увеличение разрыва между развитыми и отсталыми территориями империи, отразилось и на радикализации панславистских проектов в конце XIX – начале XX в., а также и на пересмотре роли России в этом процессе. Однако, по-прежнему, в большинстве проектов Россия рассматривалась как важный, но временный союзник в деле достижения собственных политических целей. В-третьих, ни австрославизм, ни югославизм не удалось реализовать в полной мере, что было предопределенно огромными противоречиями между самими славянами и нежеланием их отказаться от конкретных и сиюминутных в пользу долгосрочных наднациональных интересов. Даже создание государства Югославии нельзя назвать в полной мере эффективным воплощением идей югославизма, о чем говорят примеры коллаборационизма в годы Второй мировой войны, а также Балканские войны, захлестнувшие республики бывшей Югославии после распада страны в XX в. Тенденции к сецессии и распаду проявляются на Балканах и в наши дни (создание независимой Черногории в 2006 г., объявление о независимости Косово в 2008 г., «Македонский вопрос» в Греции и «Албанский вопрос» в Македонии). В-четвертых, механизмы формирования идентичности, использовавшиеся идеологами австрославизма и югославизма, объединяют эти идейно-теоретические комплексы с другими панидеологиями. Однако в данном случае создание единого языка, формирование общей литературы и культурного поля нашло серьезное противодействие со стороны национальных элит, не желавших поступиться собственными политическими целями. Идеи объединения использовались австрийскими славянами лишь для лоббирования собственных интересов, а интересы славянства часто отходили на второй план. С одной стороны, чувствуя общую судьбу, общее «горе» потери государственности, каждый славянский народ империи в то же время претендовал на лидерство в среде «угнетенного» славянства. Хорваты видели себя в авангарде объединения южных славян, с чем не могли примириться сербы. Чехи брали на себя роль инициатора федерализации империи, не беря в расчет интересы не только других славянских народов, но и румын и венгров, что, естественно, встречало противодействие с их стороны. Поляки, разделенные на три государства, изначально не верили в идею федерализации и мечтали о воссоздании независимой Польши. А австрийское правительство, в свою очередь, лишь поддерживало распри между славянскими народами. Политический торг с

различными славянскими деятелями — вот то орудие, которое принесло Венскому кабинету результат, не позволило австрийским славянам выступить единым фронтом.

Тем не менее, идеи панславизма оказали огромное влияние на культурное возрождение славянских народов, на популяризацию национальной литературы, истории, стимулировало изучение собственных языков. Возможно, именно рост идей панславизма так и не позволил славянам австрийской империи окончательно раствориться под действием культурной и политической ассимиляции.

Вопросы для самопроверки

1. Какие основные модели панславизма выделяют в научной литературе?
2. Каковы предпосылки появления идей австрославизма?
3. Какие проекты федерализации империи Габсбургов предлагали общественные деятели? Почему они не удались?

Темы докладов и рефератов

1. Ю. Крижанич и его роль в формировании представлений о единстве славян.
2. Югославизм в истории политики и мысли.

Литература

«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. М., 1977.

«Требования народа» // Симакова О.А. История южных славян с древнейших времен до 1914 г.: учеб.-метод. комплекс для студ. ист. фак. спец. 1–21 03 01 «История». Минск, 2007. С. 139-141.

Багдасарян В.Э. Панславизм // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 381.

Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2018.

Ведерников М.В. Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 122-129.

Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013.

- Дианова В.М., Скочинский Я.Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82-91.
- Егорова К.Б. Т.Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции»* // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 339-357.
- Лебедева О.В.* Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политическая борьба в странах Европы в Средние века и Новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 130-144.
- Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
- Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.
- Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2023.
- Погодин А.Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915.
- Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.
- Шурина А.А., Мыркова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010.
- Kolakovic A.* Road to Great War. Serbian Intellectuals and Austro-Hungarian Policy in the Balkans (1894–1914) // Serbian Political Thought. № 1 / 2014. Year VI. Vol. 9. P. 77-84.
- Lehfeldt W.* A Russian shadow over the assassination in Sarajevo // SLOVĚNE. 2016. T. V. № 1. P. 218-225.

ТЕМА 7

ПОЯВЛЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ПАНСЛАВИЗМА В РОССИИ

Возникновение и развитие панславистского идейно-теоретического комплекса в России разворачивалось несколько иначе, нежели чем у западных и южных славян. Несмотря на то, что впервые концептуально панславизм оформился именно у наших западных братьев, именно в России панславизм нашел благодатную почву для развития и обретения своей политической формы. Славянская идея,

глубоко укоренившаяся в русском общественном сознании, со временем начинает разделяться представителями разных общественно-политических сил, а различные тезисы «всеславянства» с завидной регулярностью воспроизводились как левыми, так и правыми, как либералами, так и консерваторами. Кроме того, идея славянской солидарности нашла поддержку и в широких народных массах, у простого народа, причем гораздо искреннее и шире, чем у тех же прародителей панславизма — чехов. О чем говорят, например, массовые случаи записи в добровольцы в годы Сербско-турецкой войны (1876–1877) или же Балканских войн (1912–1913 гг.), проявление солидарности с «братьями-славянами» в отечественной прессе тех лет, призывы к культурному и научному единению. В чем же были причины такого «успеха» панславизма в России? И как проходил процесс проникновения панславистских идей в нашу страну?

Впервые мысли о необходимости объединения славянства зазвучали в России еще в XVII в., и примечательно, что принадлежали они перу хорватского богослова и философа Юрия Крижанича (ок. 1617–1683), служившего при дворе русского царя Алексея Михайловича (1629–1676). В своем наиболее известном трактате «Политика», который по факту представлял перевод и осмысление ряда идей Аристотеля, Крижанич помимо прочего высказывает идею о культурной, языковой и этнической близости славянских народов. Особую роль в деле объединения славян Крижанич возлагал на московского государя и на Россию как единственное сильное и независимое славянское государство. Все остальные славянские земли, считал он, в той или иной степени уже подверглись онемечиванию и поэтому неспособны самостоятельно возродить свое прежнее величие¹. Развивая мысль о роли Московского царства в славянском деле, Крижанич обращается с призывом к русскому царю повести славянство за собой. Именно Россия и русский царь должны были помочь славянским народам вернуть утраченную государственность, при этом Крижанич не конкретизирует, каким образом Россия должна добиться этого. Бо-

¹ Крижанич пишет: «На него (царя. — В. Б.) обращены все взоры славянства, он один может собрать рассеянное стадо и вернуть человеческий вид народам, превращенным в скотское состояние влиянием иностранцев <...> но для того, чтобы сыграть роль в славянстве, Россия сама должна очиститься от греха “чужебесия”». Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 231–232. Чужебесие же, по мысли Крижанича, заключалось в засилье иностранцев, копировании их образа жизни в укор собственным национальным традициям и нравам. Там же. С. 194–195.

лее того, «встать во главе славянства», по Крижаничу, далеко не означало объединения все славянские земли под скипетром русского царя, а скорее наоборот, помощь России должна была носить безвозмездный и дружеский характер, воспринимаясь как особая и важная миссия.

Несмотря на активность Крижанича, его идеи так и не нашли отклик при русском дворе. В одном из исследований отмечены следующие причины этого: «Идеи предшественника панславизма в России, который не был ни русским, ни православным, при дворе Алексея Михайловича, а затем Федора Алексеевича Романовых так и не были востребованы. В частности из-за того, что Крижанич приехал в Россию в качестве католического проповедника, и его призыв к славянскому единству являлся во многом призывом к объединению православной и католической церкви»¹.

Вскоре после того, как Крижанич покинул Россию в 1676 г., идеи славянской солидарности надолго исчезли из лексикона и умов отечественных мыслителей и политиков. Здесь нельзя не согласиться с А.Н. Пыпиным, который отмечал, что вплоть до эпохи Александра I о славянских народах вспоминали лишь в контексте просьб последних, обращенных к русскому правительству с целью найти защиту и покровительство². Только изменение внешнеполитических условий, и, в частности, войны с Турцией, оживляли внимание к славянской проблеме, рождая дискуссии о роли России в славянском мире, «о возможном возрастании независимости этих родственных племен, о союзе с ним, о будущем могуществе славянского народа в соединении с Россией, под ее охраной и предводительством»³.

Ключевым фактором, предопределившим активизацию интереса к славянским народам в России, стала победа в войне с Наполеоном и участие российской армии в заграничных походах (1813–1814 гг.). Кроме того, не стоит забывать и о внутривнутриполитических процессах, либерализации внутренней жизни в эпоху реформ 60–70 гг. XIX в. в России, что также не могло не сказаться на росте интеллектуальных течений, заинтересованных передовыми европейскими идеями того времени. Хотя нужно оговориться, что возрастание внимания к сла-

¹ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 32.

² См.: Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 75.

³ Там же. С. 76.

вянской проблематике далеко не означало поддержку идеи «славянского единства» на государственном уровне. Скорее наоборот, официальный внешнеполитический курс, взятый Россией после победы над Наполеоном и ее участие в «Священном союзе» с Пруссией и Австрией, скорее противоречили идеям славянского объединения, ставящим под угрозу территориальную целостность союзников России. Этот факт еще раз опровергает тезис о панславизме как внешнеполитической доктрине русских монархов.

А вот русская интеллигенция и мыслящие слои общества далеко не всегда разделяли внешнеполитическую ориентацию правительства. Охваченная национальным подъемом после победе в войне 1812 г., увлекавшаяся передовыми и популярными идеями А.И. Гердера, А.Л. Шлецера и П. Шафарика, бывшим близким другом многих отечественных общественных деятелей, русская интеллигенция подхватывает идеи о культурной и национальной самодостаточности и самобытности славянского племени. Как отмечает Г.В. Рокина, работы Шафарика открыли русскому взору удивительный и ранее неизведанный мир славянства, с которым Россия составляла единое и неделимое целое. Из всего из этого вытекало то, что российское общественное мнение трактовало славянский вопрос «прямо противоположно тому, как он рассматривался в официальной внешнеполитической доктрине России — участнице Священного союза»¹.

Интересный вектор исследования зарождения панславизма в России был предложен Б.А. Прокудиным, который сосредоточил внимание на влиянии масонских лож на распространение идей панславизма, и на тех последствиях, которые данный факт имел для развития славянской идеи в России. Автор отмечает, что после Наполеоновских войн масонские ложи вновь начинают обретать популярность в России и именно в них впервые и стал подниматься «славянский вопрос». Прокудин пишет: «В 1818 г. была основана ложа «Соединенных славян» (фамилии членов русские и польские). Точнее говоря, в России мысль о славянской солидарности зародилась в масонской ложе «Соединенных славян» и декабристском обществе с тем же названием, выдвигавшем идею федерации славянских республик»².

¹ Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских культурных связей XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. С. 99.

² Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 33.

Упомянутое «Общество соединенных славян» было создано в 1823 г. Согласно его уставу, главной целью провозглашалось «введение чистой демократии в России, которая устранит не только сам титул монарха, но и дворянство, как и другие сословия, и объединит их в одно сословие — граждан»¹. Интересно, что в состав общества входило несколько поляков, высланных в Россию после участия в польском освободительном движении. Именно благодаря ним организаторы общества узнают об идее сплочения славян для борьбы с тиранией и угнетением, развивая ее до создания демократической федеративной республики, способной объединить в себе все славянские народы².

Упомянутое «Общество соединенных славян» было создано в 1823 г. Согласно его уставу, главной целью провозглашалось «введение чистой демократии в России, которая устранит не только сам титул монарха, но и дворянство, как и другие сословия, и объединит их в одно сословие — граждан». Особый интерес, представляет собой клятва, выражающая твердость намерений участников общества и произносимая неофитами при вступлении в него: «Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян»³.

Ряд членов общества в дальнейшем принял активное участие в подготовке и проведении декабристского восстания на Сенатской площади (1825 г.). Восстание декабристов оставило неизгладимый след на всей дальнейшей общественно-политической жизни в России. По мысли Г.В. Рокиной, «последствия выступлений 14 декабря имели и “славянский аспект”. Когда стала известна причастность декабристов к организации “Общества соединенных славян”, меняется отношение официальной России к значению славянского вопроса в общественной жизни»⁴. Отталкиваясь от вышесказанного, можно предположить, что декабристское восстание, а также наличие масонского следа в «славянском вопросе», убедили императора Николая I

¹ Цит. по.: *Йосифова Бригита*. Декабристы. М., 1983. С. 82.

² Об «Обществе соединенных славян», которое ставило своей целью объединить восемь колен славянского племени на федеративных началах, пишет и А.Н. Пыпин. См.: *Пыпин А.Н.* Русское славяноведение в XIX столетии // *Вестник Европы*. 1889. № 8. С. 706.

³ Цит. по.: *Йосифова Бригита*. Декабристы. М., 1983. С. 82, 83.

⁴ *Рокина Г.В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских культурных связей XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. С. 103.

в опасности «идеи славянской солидарности», подтвердив его решимость следовать выбранному внешнеполитическому курсу. Действительно, в годы царствования Николая I славянский вопрос отодвигается на периферию политического спектра и «даже во время Турецкой войны 1828 г., когда русские солдаты и офицеры воочию увидели бедствия южных славян, из-за действий цензуры эти впечатления не оказали заметного воздействия на общественное мнение»¹.

В таком контексте крайне показательны рукописные заметки императора на полях ответов И.С. Аксакова на вопросы III отделения Его Величества канцелярии: «...под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым»². И далее: «...Один Бог может определить, что готовится в дальнем будущем; но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению (славянских народностей с русской. — В. Б.), то оно будет на гибель России»³.

Но как не парадоксально, несмотря на игнорирование славянского вопроса со стороны официальных властей, именно в эпоху правления Николая I зародился интерес не только к панславизму, но и сла-

¹ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.36. В данном контексте крайне показательны рукописные заметки императора на полях ответов И.С. Аксакова на вопросы III отделения Его Величества канцелярии: «...под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым». Аксаков И.С. Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III-м отделением // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002. С.348. И далее: «...Один Бог может определить, что готовится в дальнем будущем; но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению (славянских народностей с русской. — В. Б.), то оно будет на гибель России». Там же. С. 353.

² Аксаков И.С. Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III-м отделением // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002. С. 348.

³ Там же. С. 353.

вянским исследованиям. Об этом, в частности, упоминает и известный русский философ Н.А. Бердяев¹. И первое, по-настоящему концептуальное воплощение, славянская идея находит в мировоззрении славянофилов.

Появление концепции славянской взаимности, предложенной славянофилами, приходится на период 40-х гг. XIX в. Однако стоит отметить, что собственно «славянофилом» себя впервые назвал на рубеже 1845–1846 гг. К.С. Аксаков (1817–1860)², до этого как самоназвание этот термин не применялся. Предшественниками же движения «славянофилов» по праву можно считать участников кружка³, сложившегося в самом начале XIX в. вокруг адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754–1841), ставшего затем Президентом Российской академии (1818 г.) и Министром народного просвещения (1824–1828 гг.), и писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) — отца будущих «славянофилов» Константина и Ивана. Члены кружка выступали за архаизацию русского языка, были убежденными противниками изменений русского литературного стиля, предпринятой сторонниками реформирования русского языка во главе с историком и литератором Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826)⁴.

Как отмечает польский историк философии Анджей Валицкий, возглавляемое Шишковым и поэтом Гавриилом Романовичем Державиным (1743–1816) литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811–1816) выступало не только в защиту «старого стиля», но и стояло на позициях консерватизма и национализма, с их требованиями самобытности и народности литературы. В свою оче-

¹ См.: Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 2000. С. 22.

² Об этом, например, пишет отечественный историк Н.И. Цимбаев. См.: Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 31.

³ Некоторая терминологическая путаница возникает и из-за этого, что известный литературный критик, оппонент «славянофилов» В.Г. Белинский, обвиняя в ретроградстве, отождествлял их то с «шишковистами», то с «консерваторами», осознанно стирая линию демаркации между разными общественно-политическими идеологиями. Об этом, например, пишет А.А. Тесля. См.: Тесля А.А. Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018. С. 81–82.

⁴ См.: Шириняц А.А., Мыркова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 18–19.

редь, защита вытесняемого из литературы церковнославянского языка была напрямую связана, по мнению «шишковистов», с борьбой против секуляризации, а борьба с галлицизмами переходила в «галлофобию уже политического свойства»¹.

Выстраивая свою концепцию славянской взаимности, славянофилы многое заимствовали из немецкой идеалистической философии. Во-первых, они опирались на философско-теоретические построения немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), который имел огромную популярность в среде русской интеллигенции. За основу славянофилы взяли идею Гегеля о том, что каждому народу присуще некое абсолютное «начало». Именно раскрытие сущности и содержания этого «начала» и составляет историю народа. Как отмечает Б.А. Прокудин, «подобная мировоззренческая позиция, опираясь на традиционное сознание, вела к тому, что всякая нация, государство, или просто историческая общность имеет некий изначальный иррациональный генезис и априорную метафизическую “подкладку”. В нашем случае подразумевалось, что славянский “дух”, выражаясь в стиле Гегеля, сущность которого составляют единый язык и христианство, влечет разрозненные народы к объединению, а мешают этому лишь корыстные интересы, злой умысел или историческая недалекость политиков»². Стоит, однако подчеркнуть, что славянофилы не только творчески переосмыслили Гегеля, но порой даже и критиковали немецкого философа³.

Еще одним идейным вдохновителем славянофилов становится немецкий философ Фридрих Шеллинг (1775–1854). При этом славянофилы критически переосмысливали философскую систему немецкого идеалиста, выстраивая на ее основе собственные оригинальные положения. В преломлении славянофилов идеи Шеллинга могут слу-

¹ См.: Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Выпуск 2. М., 1992. С.41; *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С.287-288.

² *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 20.

³ Тем не менее, существует и другая точка зрения, например, немецкий философ Б. Гройс утверждает о неоригинальности выводов славянофилов по отношению к немецкой философии. Такая точка зрения, на наш взгляд, представляется неоправданной. См.: *Гройс Борис.* Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993. С. 30-53.

жить не только основой национальной философии, но и инструментом критики рационализма¹. Также у славянофилов можно проследить и духовное влияние немецкого романтизма, в частности Гердера. Но в силу того, что славянофильство оформляется лишь в 40-е гг. XIX в., к этому времени философия Гегеля и Шеллинга вытесняет по популярности романтизм Гердера.

Но еще раз стоит особо отметить, что философская база славянофильства не предопределялась сугубо идеями гегельянства или шеллингианства, а была оформлена под влиянием общего модного тогда круга идей немецкой идеалистической философии².

Еще одним отличительным признаком славянофильства стал отстаиваемый ими тезис о непреодолимости противоречий между носителями «византийской», «восточно-христианской» культуры и представителями «римской», «западно-христианской» цивилизационной матрицы. Позже американский политолог С. Хантингтон назовет данное явление «столкновением цивилизаций»³. Источником всех бед Запада славянофилы видели в распространении рационализма, выросшего из католической схоластики. Заменяв духовность на вещественность, «внутреннюю правду» на начала юридического авторитета, рационализм привел Европу к духовному кризису и как следствие — к государственным переворотам и революциям. В свою очередь православ-

¹ О влиянии Шеллинга на славянофилов подробно пишет Н.О. Лосский. См.: *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 10-49. Также см.: *Penchev V.* The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // *Traditions*. Vol. 40. № 2. P. 100.

² Существует и иная точка зрения на данный вопрос. А.Тесля утверждает, что воззрения славянофилов формируются отнюдь не под влиянием Гегеля: «обращение даже к обзорным работам по истории славянофильства могло сообщить автору, что формирование воззрений А.С. Хомякова и И.В. Киреевского (обмен их в 1839 г. текстами «О старом и новом» и «Ответ А.С. Хомякову» традиционно принято считать за начальную дату образования славянофильства) происходит независимо от гегелевской философии, оказавшей серьезное воздействие на молодых Ю.Ф. Самарина и К.С. Аксакова. Во многом именно со споров Хомякова с Самариним о Гегеле и опровержения опытов Самарина в приложении философии последнего к православию начинается соединение двух поколений московских национально настроенных дворян в «московское направление». *Тесля А.А.* Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 11. № 2. С. 183.

³ См.: *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22-49.

но-славянский мир не подвергся влиянию рационализма, «второго грехопадения человечества», сохранив в чистоте христианскую религию¹.

Но было бы ошибочно думать, что славянофилы мыслили себя в отрыве от Европейской цивилизации и культуры. Как верно отмечает А.А. Тесля, «славянофилы принадлежали, пожалуй, к первому вполне европеизированному поколению», и европейская культура была для них тем, вне чего они себя не мыслили, в чем они выросли². Недаром журнал И.В. Киреевского (1806–1856), одного из отцов-основателей славянофильства, носил название «Европеец». Для славянофилов быть «европейцем» означало быть «русским», «французом», «немцем», так как не существует «универсального европейца», универсальной культуры. Не зря Г.А. Ильинский называет славянофила А.С. Хомякова «великим эмансипатором», главным поборником индивидуальной свободы, который в отличие от «западников» был более последовательным гуманистом, не ограничиваясь отстаиванием духовной и политической свободы человека как индивидуальной личности, а распространил принцип свободы на всю коллективную личность — народность. Именно Хомяков кажется Ильинскому настоящим либералом, развенчавшим мифы об универсальности западной культуры и несостоятельности культуры национальной³.

В целом взгляды славянофилов представляли собой глубокую и самобытную философию, идея славянского единства в которой занимала особое место. Однако многие русские панслависты начала XX в. критиковали славянофильство за излишний мистицизм, отсутствие четкой политической ориентации, видя в нем скорее мировоззрение, нежели политическую идеологию, способную решить славянский вопрос. Но в то же время никто не отрицал огромного гуманистического потенциала славянофильства, впервые позволившего взглянуть не только на Россию, но и на все славянство как на уникальный и особый культурно-исторический тип, обладающей собственной логикой развития, своими сильными и слабыми чертами. Не стоит упрекать сла-

¹ См.: Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 21; Тесля А.А. Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018. С. 90-91.

² См.: Тесля А.А. Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018. С. 94.

³ Ильинский Г.А. Великий эмансипатор (А.С.Хомяков) // Славянский век. 1901. Вып. 18. С. 4-8.

вянофильство за излишнюю романтизацию славянства и его социально-психологических черт, подобный идеализм в принципе был свойственен многим общественно-политическим движениям и мировоззрениям того времени. Главное, что именно славянофилы популяризировали славянскую идею, сумев доказать важность изучения культуры братских по менталитету, культуре и языку славянских народов и их сплочения. Этим был обеспечен рост популярности славянских исследований в науке, а также возрастание общественного интереса к политическим и социальным проблемам славян, которые начинают восприниматься в российском общественном сознании как члены общей славянской семьи.

Идеи славянофилов о славянском сотрудничестве и объединении подхватили разные «партии» — начиная от русских социалистов (А.И. Герцен), анархистов (М.А. Бакунин) и заканчивая почвенниками (Ф.М. Достоевский) и либералами (В.А. Маклаков). Но все-таки идея славянского единства для указанных авторов была не основной, а скорее дополняющей их собственные политические концепции. Наивысшее же свое оформление русский панславизм, на наш взгляд, нашел в работах М.П. Погодина (1800–1875), Ф.И. Тютчева (1803–1873), Н.Я. Данилевского (1822–1885), В.И. Ламанского (1833–1914). Подробному освещению социально-политических взглядов и панславистских программ данных мыслителей посвящены многие исследования¹. В нашем случае подробное обращение к работам этих авторов сознательно опускается, взамен обобщающим выводам об общих чертах русского панславизма.

Еще раз необходимо подчеркнуть тот факт, что в «истории развития панславистских идей в России были различные периоды, когда они то становились популярными, то забывались, запрещались правительством или наоборот использовались для оправдания тех или иных внешнеполитических действий². Поэтому было бы методологически неверно отождествлять русский панславизм с теми или иными официальными доктринами. Панславизм то находил поддержку в высших

¹ См.: *Шириняц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008; *Мыркова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М., 2004; *Аринин А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996; *Шириняц А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119; и др.

² См.: *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 31.

эшелонах власти, когда возникала благоприятная политическая ситуация и это могло сыграть на руку правительству, то наоборот, объявлялся опасной тенденцией. Зачастую идеологи и теоретики панславизма, особенно в начале XX в., находились в оппозиции к правительству. Поэтому о единстве взглядов на панславизм в разные исторические периоды со стороны представителей государства не может быть и речи. В свою очередь взгляды панславистов на различные социально-политические и экономические проблемы также различались, что позволяет сделать вывод о том, что никакого единого консолидированного «панславистского» движения в России не было. Особенно споры между панславистами усилились в начале XX в., когда стремительно модернизирующаяся Россия стояла на перепутье и стремилась дать ответы на вызовы новой эпохи.

Однако русский панславизм можно подвергнуть определенной классификации, исходя из основных целей и задач, которые ставили перед собой его теоретики, а также методов объединения славян, видевшихся для них наиболее приемлемыми. Наиболее подходящая и систематизированная классификация в свое время была представлена А.А. Шириняцем: «В рамках русского панславизма можно выделить “культурное” и “политическое” направления. “Культурный панславизм” развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык. “Политический панславизм” создавал проекты политического объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона. Эта ветвь панславизма существовала в нескольких вариантах, одни из которых можно обозначить как “революционные” или “радикальные”, другие — как “консервативные” или “имперские”»¹.

Однако из-за существующей в отечественной науке дихотомии «панславизм-неославизм», о которой говорилось выше, и попытках представить панславизм в начале XX в. как качественно новую идеологию, порывающую с прошлой традицией (что, как было показано нами, является не вполне корректным), приведенная выше классификация требует своей доработки и расширения. Для преодоления сложившегося противопоставления и дихотомии, предлагается дополнить классификацию русского панславизма следующей категорией —

¹ Шириняц А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. С. 75.

«культурно-экономический панславизм»). Именно таковым он и был в начале XX в. Такой термин является наиболее подходящим, так как с одной стороны подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой, выделяет и его основное отличие — экономический аспект.

Также несколько слов стоит сказать и о характеристике русского панславизма, данной в недавнем исследовании О.В. Павленко. Признавая его особость и отличность от панславистских проектов западных и южных славян, Павленко следующим образом детерминирует его: «Особое место в истории панславизма занимают представления о доминирующей роли России в славянском мире. Эти идеи, ориентированные либо на расширение сферы морального влияния России, либо на создание славяно-русской империи, в историографии были объединены под общими названиями — “большой панславизм”, “русский панславизм”, “имперский панславизм”»¹. Павленко утверждает, что возникновение панславизма в России «было типичным проявлением» эпохи модерна. Все европейские нации, не исключая и русскую, проходили «через соблазн расширения своего жизненного пространства». Стремясь максимально расширить сферы своего влияния, экономический, политический и культурный потенциал, государство создавало собственные проекты расширения своего влияния. И российский панславизм не стал здесь исключением².

Соглашаясь с автором в вопросе закономерности формирования панидеологий под влиянием объективных причин, целей и потребностей государств, в то же время тезис о сугубо расширительных, экспансионистских тенденциях внутри идеологии русского панславизма представляется не совсем оправданным. Безусловно, подобные идеи имели место среди проектов некоторых русских панславистов, однако, как было показано выше, русский панславизм как идеология не был единым убеждением, он был гораздо сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Напротив, многие идеологи панславизма стремились не только отойти в своих проектах от приоритета России в деле объединения славян, но и показать заинтересованность в равноценном диалоге и мирных намерениях. Принимая за отправную точку гипотезу о родстве и общих источниках всех панславистских идей в России, мы в то же время придерживаемся твердого убеждения, что

¹ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 10.

² Там же.

панславизм в России носил разный характер, начиная от откровенно имперского и заканчивая вполне либеральным и революционным. Поэтому утверждать о единстве взглядов на роль России в деле объединения славян, а также об основных направлениях и средствах этого объединения не представляется возможным.

Таким образом, резюмируя выводы, можно утверждать, что русский панславизм произошел из тех же идейных оснований, что и панславизм западных и южных славян, и скорее продолжил и развил проекты западнославянских идеологов. Однако, Россия, в отличие от других славянских территорий, занимала совершенно отличное политическое положение в мире. Обладая огромными ресурсами, собственной государственной традицией, богатой историей, самобытной философией, Россия создала уникальный синтез западного панславизма и собственных общественно-политических традиций. К тому же геополитическое положение России в мире оказывало влияние и на формирование идеологии панславизма у нас в стране. Русские идеологи панславизма попросту не мыслили категориями своих западных коллег. А особые представления о роли и месте русского народа, уходящие корнями в нашу духовно-политическую мысль¹, не могли не отразиться и на представлениях о месте России в деле объединения славян. Кроме того, идеи панславизма порой использовались и для обоснования места России в мире, ее претензий на ведущую роль в международной политике и геополитические приобретения, что отчасти роднит панславизм с пангерманизмом. При всем при этом пангерманизм всегда лежал в основе внешнеполитического курса Германии, а панславизм использовался лишь как сиюминутное политическое орудие. Поэтому говорить о его «официальном» характере или главной инструменте влияния России, так называемой «мягкой силе»² —

¹ Подробное исследование русской общественно-политической традиции было дано в цикле работ «Хранители России». См.: Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018; Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018.

² Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии подразумевает инструменты внешнеполитического влияния государства, основанные на интеллектуальном, символическом, когнитивном воз-

значит упрощать его. Панславизм всегда был идеей интеллигенции, общественных деятелей, журналистов и философов, но никак не чиновников и политиков. Но не стоит забывать, что представления о «всеславянстве» в российской интеллигенции носили различный и часто диаметрально противоположный характер. В этом и раскрывается специфика русского панславизма, как многообразного и идейно богатого направления русской социально-политической мысли.

* * *

Процесс генезиса панславизма проходил по совершенно тому же сценарию, что и в других панидеологиях. Его появление было обусловлено тем социально-политическим и культурным состоянием славянского общества, в котором оно находилось после потери большинством славянских народов своей государственности. Угроза растворения и культурной ассимиляции подталкивала славян на выработку идеологии, способной консолидировать славянские народы и обеспечить их выживание. По сути, панславизм стал ответом на усиление гнета над славянами и страхом перед собственным исчезновением как самостоятельного культурного племени. Угроза культурной и национальной ассимиляции, исходившая вкупе от немцев, венгров и турок, вызвала идейный ответ в славянском обществе — процесс славянского национального возрождения, следствием которого и стало появление панславизма. Небывалый рост интереса к литературе, наукам, истории и традициям славянского мира стал лишь следствием чувства страха на коллективном и бессознательном уровне. Помимо прочего, зарождение панславизма, впервые появившегося у западных славян, следует рассматривать в теснейшей связи с появлением главного его оппонента — пангерманизма. Двусторонние тенденции нагнетания взаимных упреков, обоюдное формирование политических мифов об «экспансионистской» роли двух идеологий сыграли

действию на другие государства с целью достижения своих политических целей. Противопоставляется «жесткой силе» (hard power) заключающейся в использовании методов военного, административно-правового и иного принуждения. Подробнее см.: *Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173-192. Так же см.: *Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. XXX Харакский форум. 26-30 мая 2016, г. Ялта (Республика Крым). С. 5-21.

роль катализаторов интеграции, усиливая символический капитал, обосновывая идею защиты от внешних врагов. Миф «панславизма» был выгоден Габсбургам для укрепления внутреннего единства империи, миф «пангерманизма» — оправдывал национальные устремления и притязания на независимость славянской интеллигенции.

Краеугольным камнем в вопросе формирования славянской идентичности стала проблема преодоления полилингвистического многообразия славянского мира. В отличие от пангерманизма (стремившегося к созданию моноэтнического государства), панславизм претендовал на консолидацию совершенно разных в историческом, культурном, политическом и экономическом отношении народностей. Несмотря на общее культурно-языковое прошлое, за многие годы в славянском мире накопились огромные противоречия и конфликты, которые не так-то легко было преодолеть. История причудливым образом сталкивала братские славянские народы между собой, что приводило к накоплению взаимных обид. Кроме того, религиозный раскол некогда единого славянства на католиков, протестантов и православных привел и к языковому отдалению славянских народов друг от друга. Центрами духовной жизни в славянских странах традиционно были церкви и монастыри, а духовенство играло особую роль в сохранении и поддержании национальных традиций. Распространение образования и науки также велось через монастыри, что сказывалось и на литературных и языковых традициях. Все это приводило к некому ментальному и культурологическому расколу между славянами-католиками, которые в принципе принадлежали к общеевропейской католической семье, и славянами-православными, главными ориентиром для которых традиционно была православная Россия.

Именно на преодоление всех указанных выше сложностей и были направлены появившиеся в дальнейшем различные модели панславизма. Ведь без ответов на ключевые вопросы, разобщающие славянский мир, славянское племя ставило себя под угрозу исчезновения. А то, как идеологи панславизма видели выход из сложившейся ситуации, во многом предопределялось тем культурным кодом, той самобытной спецификой, на почве которой вырастали их идеи. Именно поэтому появившийся из общего «литературного» корня, панславизм в каждой славянской стране нашел свое уникальное и самобытное продолжение и воплощение в политических программах, зачастую придерживающихся разных целей и задач, но при этом всегда объединенных общими заветами «отцов-основателей» панславизма — Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика.

Для решения указанных проблем у западных и южных славян сложились собственные интеграционные панславистские модели — австрославизм и югославизм. Резюмируя причины их появления и специфику, были установлены любопытные факты. Во-первых, стремление к объединению было продиктовано экономическим и политическим упадком славянских народов, лишившихся своей государственности. Тенденции мадьяризации, германизации и италянизации (в случае хорватов) выделялись славянским деятелям реальной угрозой. В данном историческом контексте создание панидеологий вновь становится идеологическим ответом на угрозы; идеей, способной объединить и консолидировать разрозненное славянское племя. Во-вторых, западные и южные славяне к моменту появления идей панславизма уже в течение долгого времени находилось под властью других государств (в частности, Австро-Венгрии). Присущий славянским народам консерватизм, слабость политических институтов, а также экономическая неоднородность славянских земель предопределили стойкий легализм идеологов панславизма, ориентацию на сотрудничество с правительством с целью повышения политического веса славянских территорий, усиления культурной и политической автономии в рамках империи. Отсюда и появляются идеи о федерализации Австрии, рухнувшие с установлением австро-венгерского соглашения и переходом к дуализму. Именно тогда намечается разворот представителей славянской интеллигенции в сторону России, как потенциальному союзнику в деле борьбы за возможную политическую независимость. Снижение доверия к австрийскому правительству, а также изменение исторического контекста, усложнение экономических отношений, вылившихся в увеличении разрыва между развитыми и отсталыми территориями империи, отразилось и на радикализации панславистских проектов в конце XIX – начале XX в., а также и на пересмотре роли России в этом процессе. Однако, по-прежнему, в большинстве проектов Россия рассматривалась как важный, но временный союзник в деле достижения собственных политических целей. В-третьих, в отличие от иных панидеологий и проектов, ни австрославизм, ни югославизм не удалось реализовать в полной мере, что было предопределенно огромными противоречиями между самими славянами и нежеланием их отказаться от конкретных и сиюминутных национальных интересов в пользу «мифических» и долгосрочных наднациональных. Даже создание государства Югославии нельзя назвать в полной мере эффективным воплощением идей югославизма, о чем говорят примеры коллаборационизма в годы Второй мировой

войны, а также Балканские войны, захлестнувшие республики бывшей Югославии после распада страны. Тенденции к сецессии и распаду проявляются на Балканах и в наши дни (создание независимой Черногории в 2006 г., объявление о независимости Косово в 2008 г.). В-четвертых, механизмы формирования идентичности, использовавшиеся идеологами австрославизма и югославизма, объединяют эти идеологии с другими панидеологиями. Однако в данном случае создание единого языка, формирование общей литературы и культурного поля нашло серьезное противодействие со стороны национальных элит, не желавших посягнуть собственными политическими целями. Идеи объединения использовались австрийскими славянами лишь для лоббирования собственных интересов, а интересы славянства часто отходили на второй план. С одной стороны, чувствуя общую судьбу, общее «горе» потери государственности, каждый славянский народ империи в то же время претендовал на лидерство в среде «угнетенного» славянства. Хорваты видели себя в авангарде объединения южных славян, с чем не могли примириться сербы. Чехи брали на себя роль инициатора федерализации империи, не беря в расчет интересы не только других славянских народов, но и румын и венгров, что естественно встречало противодействие с их стороны. Поляки, разделенные на три государства, изначально не верили в идею федерализации и мечтали о воссоздании независимой Польши. А Австрийское правительство в свою очередь лишь поддерживало распри между славянскими народами, что играло им на руку в деле поддержания стабильности в империи. Политический торг с различными славянскими деятелями — вот то оружие, которое принесло Венскому кабинету верный результат и так и не позволило австрийским славянам выступить единым фронтом.

С другой стороны, идеи панславизма оказали огромное влияние на культурное возрождение славянских народов, на популяризацию национальной литературы, истории, стимулировало изучение собственных языков. Возможно, именно рост идей панславизма так и не позволил славянам австрийской империи окончательно раствориться под действием культурной и политической ассимиляции.

Что касается появления и развития идеологии панславизма в России, то русский панславизм произошел из тех же идейных оснований, что и панславизм западных и южных славян, и скорее продолжил и развил проекты западнославянских идеологов. Однако, Россия, в отличие от других славянских территорий, занимала совершенно отличное политическое положение в мире. Обладая огромными ре-

сурсами, собственной государственной традицией, богатой историей, самобытной философией, Россия создала уникальный синтез западного панславизма и собственных общественно-политических традиций. К тому же геополитическое положение России в мире оказывало влияние и на формирование идеологии панславизма у нас в стране. Русские идеологи панславизма попросту не мыслили категориями своих западных коллег. А особые представления о роли и месте русского народа, уходящие корнями в нашу духовно-политическую мысль, не могли не отразиться и на представлениях о месте России в деле объединения славян. Кроме того, идеи панславизма порой использовались и для обоснования места России в мире, ее претензий на ведущую роль в международной политике и геополитические приобретения, что отчасти роднит панславизм с пангерманизмом. При всем при этом пангерманизм всегда лежал в основе внешнеполитического курса Германии, а панславизм использовался лишь как сиюминутное политическое оружие. Поэтому говорить о его «официальном» характере или главной инструменте влияния России, так называемой «мягкой силе» — значит упрощать его. Панславизм всегда был идеей интеллигенции, общественных деятелей, журналистов и философов, но никак не чиновников и политиков. Но не стоит забывать, что представления о «всеславянстве» в российской интеллигенции носили различный и часто диаметрально противоположный характер. В этом то и раскрывается специфика русского панславизма, как многообразного и идейно богатого направления русской социально-политической мысли.

Кроме того, для преодоления сложившегося противопоставления и дихотомии «панславизм-неославизм», возникшего в отечественной науке, предлагается дополнить классификацию русского панславизма следующей категорией — *«культурно-экономический панславизм»*. Именно таковым он и был в начале XX в. Этот термин является наиболее подходящим, так как, с одной стороны, подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой, выделяет и его основное отличие — экономический аспект.

Вопросы для самопроверки

1. В чем специфика панславизма в России?
2. В чем ключевые отличия «культурного», «политического» и «культурно-экономического» направлений внутри русского панславизма?
3. В чем суть дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке?

Темы докладов и рефератов

1. Н.Я.Данилевский и В.И.Ламанский — о единстве славянского мира.
2. Эволюция панславистских концепций в XIX – начале XX в.
3. «Революционный» панславизм А.И. Герцена и М.А. Бакунина.

Литература

- Аринин А.Н., Михеев В.М. Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996.
- Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 2000.
- Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М., 2018.
- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.
- Ильинский Г.А. Великий эмансипатор (А.С.Хомяков) // Славянский век. 1901. Вып.18. С. 4-8
- Йосифова Б. Декабристы. М., 1983.
- Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
- Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017.
- Мырикова А.В. Политические идеи Ф.И. Тютчева. М., 2004.
- Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.
- Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2023.
- Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.
- Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
- Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских культурных связей XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005.
- Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018.
- Хранители России. Антология. Т.1-6. М., 2015–2018.
- Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

Шириняну А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.

Шириняну А.А., Гудков А.Д. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94-119.

Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22-49.

РАЗДЕЛ II

**РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ
«ПАНИДЕОЛОГИИ В ИСТОРИИ
ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ»**

Рабочая программа дисциплины (модуля) разработана в соответствии с самостоятельно установленным МГУ образовательным стандартом (ОС МГУ) для реализуемых основных профессиональных образовательных программ высшего образования по направлению подготовки / специальности «Политология» в редакции приказа МГУ от 29 декабря 2018 г (с учетом изменений 10 июня 2021 г.) (если это Интегрированный бакалавриат и магистратура по Политологии).

**1. Место дисциплины (модуля)
в структуре ОПОП ВО**

Вариативная часть: дисциплина профиля по выбору студента.

**2. Входные требования
для освоения дисциплины (модуля), предварительные условия**

Освоение дисциплины «Панидеологии в истории политики и мысли» основывается на знании таких дисциплин как:

Философия

История

Русский язык и культура речи

История социально-политических учений России

История социально-политических учений зарубежных стран.

**3. Результаты обучения
по дисциплине (модулю)**

Планируемые результаты обучения по дисциплине (модулю), соотнесенные с планируемыми результатами освоения образовательной программы (компетенциями выпускников).

Планируемые результаты обучения по дисциплине (модулю)
<p>Знать: основные категории философии, методологию и методику политической науки; основные особенности различных исторических форм панидеологий, их когнитивно-эвристическое, мировоззренческое и социально-политическое наполнение; корпус основной и дополнительной литературы по тематике курса, содержащей различные интерпретации понятия панидеологии как полисемантического понятия.</p>
<p>Уметь: вычленять концептуальное содержание различных социально-политических теорий и сравнивать их между собой; ориентироваться в историографии зарубежной и отечественной политической мысли; давать оценку разноуровневым общественно-политическим и социально-экономическим событиям и процессам; использовать на практике теоретический, методологический и методический инструментарий политологии и применять для решения научно-исследовательских задач.</p>
<p>Владеть / иметь навык (опыт): интерпретации понятийного, мировоззренческого и идейно-политического содержания различных панидеологий в контексте истории политики и мысли; способностью к междисциплинарному синтезу, опирающемуся на философские концепции, навыками использования современных программных средств и приемов, обработки и интерпретации полученной информации; методами содержательного и исторического анализа произведений мировой социально-политической и политико-философской мысли; методами подготовки информационно-аналитических материалов</p>

Компетенция	Индикатор достижения компетенции	Планируемые результаты обучения
УК – Б3. Способен применять философские категории, анализировать философ-	Индикатор УК- Б 3.1 Применяет философские категории, анализирует	Знает основные категории философии Умеет проводить анализ содержания философских

<p>ские тексты и учитывать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач.</p>	<p>философские тексты и учитывает философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач</p>	<p>текстов, выявляя их основные идеи и структуру аргументации</p> <p>Знает главные направления философии в их историческом измерении, характеризующем межкультурное разнообразие общества</p> <p>Умеет ориентироваться в мировоззренческой проблематике, связанной с системным решением поставленных задач</p> <p>Владеет способностью к междисциплинарному синтезу, опирающемуся на философские концепции</p>
<p>ОПК- Б3. Способен выделять содержательно значимые данные из массивов информации в соответствии с видом деятельности, обрабатывать их с использованием современных программных средств и приемов, интерпретировать полученные результаты.</p>	<p>Индикатор ОПК-Б 3.1. Выделяет содержательно значимые данные из массивов информации в соответствии с видом деятельности; обрабатывает их с использованием современных программных средств и приемов; интерпретирует полученные результаты</p>	<p>Знает о массивах информации</p> <p>Знает о современных программных средствах и приемах</p> <p>Умеет выделять значимые события</p> <p>Умеет обрабатывать информацию и интерпретировать результаты</p> <p>Владеет навыками использования современных программных средств и приемов</p>

		Владеет навыками обработки и интерпретации полученной информации
ПК – Б2. Способен осуществлять анализ и интерпретацию произведений мировой социально-политической и политико-философской мысли, понимать особенности ее эволюции в отдельных странах и регионах мира в различные исторические эпохи.	Индикатор ПК- Б 2.1. Осуществляет анализ и интерпретацию произведений мировой социально-политической и политико-философской мысли, понимает особенности ее эволюции в отдельных странах и регионах мира в различные исторические эпохи	Знает главные произведения мировой социально-политической и политико-философской мысли Умеет анализировать и интерпретировать произведения мировой социально-политической и политико-философской мысли Владеет методами содержательного и исторического анализа произведений мировой социально-политической и политико-философской мысли
ПК - Б7. Способен осуществлять историко-политологический и социально-экономический анализ научных, публицистических, художественных, символически-аллегорических текстов для подготовки информационно-аналитических материалов стандартного формата.	Индикатор ПК- Б 7.1. Осуществляет историко-политологический и социально-экономический анализ научных, публицистических, художественных, символически-аллегорических текстов для подготовки информационно-аналитических материалов стандартного формата	Знает специфику научных, публицистических, художественных текстов Умеет анализировать и интерпретировать тексты произведений Владеет методами подготовки информационно-аналитических материалов

4. Объем дисциплины (модуля)

составляет 1 з.е., в том числе 18 академических часов, отведенных на контактную работу обучающихся с преподавателем, 18 академических часов на самостоятельную работу обучающихся.

5. Содержание дисциплины (модуля), структурированное по темам (разделам) с указанием отведенного на них количества академических часов и виды учебных занятий:

5.1. Структура дисциплины (модуля) по темам (разделам) с указанием отведенного на них количества академических часов и виды учебных занятий (в строгом соответствии с учебным планом)

Наименование разделов и тем дисциплины (модуля) Форма промежуточной аттестации по дисциплине (модулю)	Вс его (часы)	В том числе		Самостоятельная работа обучающегося, часы	Форма промежуточного контроля (при наличии)	Вс его
		Контактная работа (работа во взаимодействии с преподавателем) Виды контактной работы, часы				
		Занятия лекционного типа	Занятия семинарского типа			
Тема 1. Панидеологии в истории политики и мысли: механизмы формирования наднациональных идентичностей.		4		4	Р/Д	

Тема 2. Панэллинизм как первая панидеология.		2		2	Р/Д	
Тема 3. Иллиризм – панидеология южных славян.		2		2	Р/Д	
Тема 4. Пангерманизм и панславизм – «два великих знамени эпохи».		2		2	Р/Д	
Тема 5. Сущность и происхождение панславизма как панидеологии.		2		2	Р/Д	
Тема 6. Модели панславизма у западных и южных славян: австрославизм и югославизм.		2		2	Р/Д	
Тема 7. Появление и становление идеологии панславизма в России.		2		2	Р/Д	
Самостоятельная работа:						
<i>Творческая работа (эссе)</i>						
<i>Другие виды самостоятельной работы</i>						
Вид промежуточной аттестации (зачет)		2		2		
Итого		18		18		36

5.2. Содержание разделов дисциплины

№ п/п	Наименование разделов дисциплин	Содержание разделов дисциплин
1	Тема 1. Панидеологии в истории политики и мысли: механизмы формирования наднациональных идентичностей.	Трактовки и подходы к определению сущности панидеологических концептов. «Панидеологии», «наднациональные идеологии», «паннационализм», «панидеи». К. Хаусхофер «Панидеи в геополитике» (1931). Макронационализм. «Классический» и «неклассический» национализм в современной мировой политике. Роль политической мифологии в конструировании нации. Дихотомия «друг-враг». «Значимый Другой».
2	Тема 2. Панэллинизм как первая панидеология.	Зарождение идей панэллинизма. Распад Афинского морского союза (478–404 гг. до н.э.). Панэллинизм Аристофана (около 444–386 гг. до н.э.). Речи Горгия (ок. 480–380 гг. до н.э.) и Лисия (ок. 445–380 гг. до н.э.). Исократ (436–338 гг. до н.э.) — «отец панэллинизма». Исторические труды Ксенофонта (ок. 430–356 гг. до н.э.). Воплощение программы панэллинизма в годы правления Александра Македонского (356–323 гг. до н.э.).
3	Тема 3. Иллиризм — панидеология южных славян.	Эпоха Просвещения и ее влияние на формирование идей иллиризма. Иммануила Кант и его идея «вечного мира». Теория И.Гердера о культурно-национальной индивидуальности. Появление интеграционных концепций у южных славян. Идеологи национального Возрождения Людевит Гай (1809–1872), Иван Ку-

		<p>кулевич–Сакцинский (1816–1889), Янко Драшкович (1770–1856), Станко Враз (1810–1851). Статья Л. Гая «Наш народ». Деятельность бана полковника Йосипа Елачича (1801–1859). Политическая программа иллирийского движения. Национально-политическая программа «Начертание» Илии Гарашанина (1812–1874) как альтернативный проект югославянского объединения. Развитие идей иллиризма в идеологии «югославизма». Националистические «пан» идеологии.</p>
4	<p>Тема 4. Пангерманизм и панславизм — «два великих знамени эпохи».</p>	<p>Особенности пангерманизма как панидеологии. А.С. Будилович (1846–1908) о генезисе пангерманизма и панславизма. «Пангерманизм и панславизм». Роль литературы и языка в утверждении идей пангерманизма. Георг Риттер фон Шенерер (1842–1941) как основоположник идей пангерманизма. Пангерманский союз. Роль политической публицистики в пропаганде идей пангерманизма. Теодор Райсманн-Гроне, Эрнст Хассе, Генрих Класс. Влияние идей пангерманизма на внешнюю политику Германии в XIX–XX вв.</p>
5	<p>Тема 5. Сущность и происхождение панславизма как панидеологии.</p>	<p>Возникновении первых идей панславизма. Юрий Крижанича (ок. 1618–1683). Возникновение термина «панславизм». Политический миф о панславизме. Современные отечественные исследования о панславизме. Причины появления идей панславизма у западных сла-</p>

		<p>ван в XIX. «Отцы-основатели» идеи славянской взаимности — Ян Коллар (1793–1852) и Ян Геркель (1786–1853). Тракта́т Я. Коллара «Дочь Славы» (Slavy Dcera) (1824 г.). Павел Шафарик (1795–1861) — «первый ученый» раннего панславизма. Славянские древности» (Slovanské starožitnosti) (1826) П. Шафарика. Политическая программа Людовита Штура (1815–1856).</p>
6	<p>Тема 6. Модели панславизма у западных и южных славян: австрославизм и югославизм.</p>	<p>Рост национально-освободительных настроений славянской интеллигенции. Идея федерализации империи Габсбургов. Появление идей «австрославизма». Политическая деятельность Карела Гавличека-Боровского (1821–1856) и Франтишека Палацкого (1798–1876). «Славянская Австрия». Первый всеславянский съезд в Праге (1868). Карел Крамарж (1860–1937) и «младочехи». Появление идей югославизма в 60-е гг. XIX в. Эволюция идей югославизма. «Историческое право» хорватских земель. Договор между Австрией и Венгрией (1867 г.) и возникновение дуализма. Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905) и Франьо Рачки (1828–1894). Реализация идеи югославизма (Королевство Сербов, Хорватов и словенцев 1929 г., социалистическая Югославия 1945 г.).</p>
7	<p>Тема 7. Появление и становление идеологии панславизма в России.</p>	<p>«Общество соединенных славян» (1823) и «славянский вопрос». Деятельность литературного общества «Беседа любителей русского слова»</p>

		<p>(1811–1816). Концепция славянской взаимности в учении славянофилов (40-е гг. XIX в.). Оформление идей русского панславизма в творчестве М.П. Погодина (1800–1875), Ф.И. Тютчева (1803–1873), Н.Я. Данилевского (1822–1885), В.И. Ламанского (1833–1914). «Революционный» панславизм А.И. Герцена (1812–1870) и М.А. Бакунина. Классификации русского панславизма. Литературный, политический и культурно-экономический панславизма. Эволюция панславистских политических концепций в начале XX в. Дихотомия «панславизм-неославизм» в отечественной науке.</p>
--	--	---

**6. Фонд оценочных средств (ФОС)
для оценивания результатов обучения
по дисциплине (модулю).**

**6.1. Типовые контрольные задания или иные материалы
для проведения текущего контроля успеваемости,
критерии и шкалы оценивания**

Тематика и вопросы для устного обсуждения

1. Каковы основные трактовки и подходы к определению сущности панидеологий?
2. В чем заключается консолидирующий потенциал негативной идентификации?
3. В чем заключается роль политической мифологии в конструировании нации?
4. Почему панэллинизм считают первой наднациональной идеологией?
5. Кого называют «отцом панэллинизма»?
6. Исторические труды Ксенофонта и их роль в формировании идеологии панэллизма.

7. Какова роль литературы и языка в формирование национального самосознания?
8. В чем специфика иллиризма как панидеологии?
9. Почему А.С.Будилович называл «пангерманизм» и «панславизм» – двумя великими знаменами эпохи?
10. Какие основные концептуальные черты присущи большинству панидеологий?
11. Какие методы и механизмы лежали в основе формирования наднациональных идентичностей?
12. С чьим именем связывают появление первых идей панславизма?
13. Когда и как возникает термин «панславизм»?
14. Кто считается «отцом-основателем» идеи славянской взаимности в XIX в.?
15. Какие основные модели панславизма выделяют в научной литературе?
16. В чем специфика панславизма в России?
17. В чем ключевые отличия «культурного», «политического» и «культурно-экономического» направлений внутри русского панславизма?
18. В чем суть дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке?
19. Георг Риттер фон Шенерер (1842–1941) как основоположник идей пангерманизма.
20. Югославизм в истории политики и мысли.

6.2. Типовые контрольные задания или иные материалы для проведения промежуточной аттестации по дисциплине (модулю), критерии и шкалы оценивания

Примерные зачетные вопросы

1. Основные идеи работы К.Хаусхофера «Панидеи в геополитике».
2. Антон Семенович Будилович о генезисе панславизма и пангерманизма.
3. Творчество древнегреческих авторов (Аристофан, Исократ, Горгий, Лисий) в контексте формирования идеологии панэллинизма.

4. Основные идеи статьи Л.Гая «Наш народ» и его роль в формировании идей иллиризма.
5. Основные политико-философские идеи Г.Гердера и их влияние на формирование панидеологий.
6. Влияние идей пангерманизма на формирование внешнеполитического курса Германской империи.
7. Мифы о «панславизме» в зарубежной историографии.
8. Яна Коллар и Павел Йозеф Шафарик – «отцы-основатели» славянской взаимности.
9. Ю.Крижанич и его роль в формировании представлений о единстве славян.
10. Теория культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского.
11. Эволюция панславистских концепций в XIX – начале XX в.
12. «Классический» и «неклассический» национализм в современной мировой политике.
13. Концепция «Значимого Другого» в современных политологических исследованиях.
14. Основные модели панславизма: генезис, специфика, представители.
15. «Культурный», «политический» и «культурно-экономический» панславизм.
16. Основные механизмы формирования наднациональных идентичностей.
17. В.И.Ламанский – о единстве славянского мира.
18. Политический панславизм М.П.Погодина.
19. Концепция славянской взаимности в учении славянофилов.
20. «Революционный» панславизм А.И. Герцена и М.А. Бакунина.

Критерии и шкала оценивания зачета

Шкала	Критерии оценивания знаний обучающегося
зачтено	Студент полно излагает материал, дает правильное определение основных понятий; обнаруживает понимание материала, может обосновать свои суждения, применить знания на практике, привести необходимые примеры не только из учебника, но и самостоятельно составленные.

не зачтено	Студент обнаруживает незнание большей части соответствующего вопроса, допускает ошибки в формулировке определений и правил, искажающие их смысл, беспорядочно и неуверенно излагает материал.
------------	---

7. Ресурсное обеспечение:

7.1. Перечень основной и дополнительной литературы

Основная литература

Аристофан. Ахарняне // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 5-71.

Аристофан. Лисистрат // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 473-544.

Аристофан. Мир // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 302-376.

Будилович А.С. Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство. М., 2014. С. 130-136.

Будилович А.С. Мечта ли панславизм // Беседа. 1872. Кн. 1. Отд. I. С. 195-215.

Будилович А.С. Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства // Беседа. 1871. № 6. С. 146-164.

Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других языков древней и новой Европы. Т. 2. Варшава, 1892.

Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959.

Илия Гарашанин. «Начертание» // Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 235-249.

Ильинский Г.А. Великий эмансипатор (А.С. Хомяков) // Славянский век. 1901. Вып. 18. С. 4-8.

Ильинский Г.А. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып. 33–34. С. 261-264.

Исократ. Панегирик // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 46-80.

Исократ. Похвала Елене // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 200-213.

Исократ. Филипп // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 81-109.

- Каменский И.В.* Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса, 1902.
- Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322-325.
- Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 205-241.
- Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
- Ксенофонт.* Гиерон // Штраус Лео. О тирании. СПб., 2006. С. 39-62.
- Ксенофонт.* Греческая история. Изд. 3-е. СПб., 2000.
- Ксенофонт.* Киропедия. М. 1976.
- Ламанский В.И.* Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 2-15.
- Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. Т. CLII. Февр. Отд. I. С. 649-702. Т. CLIV. Май. С. 353-380.
- Ламанский В.И.* Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 2-8.
- Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 166-188.
- Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 548-616.
- Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос // Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 1–2. С. 122-163.
- Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
- Ламанский В.И.* Проекты славянских федераций. Обзор // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.
- Ламанский В.И.* Славянский союз // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.
- Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.
- Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1867.

Ламанский В.И. Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1867.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.

Леонтьев К.Н. Полное собр. соч. и писем в 12-ти тт. Т. 7. Кн. 1. Публицистика 1862–1879 годов. СПб., 2005.

Лисий. Олимпийская речь // Речи. М. 1994. С. 283-285.

Погодин А.Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 249-265.

Погодин А.Л. Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915.

Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010.

Погодин М.П. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. СПб., 1878.

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85-92.

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2017. № 2. С. 101-109.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37-67.

Herkels J. Elemencia universalis linguae Slavicaevins dialectis eruta. Budaë, 1826.

Kollar J. Dobre vlastnosti narodu slovanskeho. Pesth, 1831.

Kollar J. Üeber die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation. Pesth, 1837.

Kollár Ján. Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze. W kommissi u Kronbergra i Řiwnáče, 1846.

Šafárik P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826.

Šafárik P.J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.

Дополнительная литература

Алленова И.В. Панэллинизм Исократы // Вестник ТГУ. 2002. Вып. 2 (26). С. 63-66.

Болдин В.А. Механизмы формирования наднациональных идентичностей: историко-политологический очерк // Этносоциальные про-

- цессы в Республике Казахстан. Сборник научных трудов. Т. 2. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2021. С. 65-83.
- Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. М., 2018.
- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.
- Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16.
- Кулаковский П.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894.
- Малинов А.В., Куприянов В.А.* Академик В.И.Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности. СПб., 2020.
- Маслин М.А.* Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017.
- Меланченко И.В.* Панэллинизм и концепция межполюсных отношений Исократы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М., 2004.
- Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.
- Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2023.
- Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.
- Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
- Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970.
- Тесля А.А.* Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018.
- Тесля А.А.* Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.
- Хранители России. Антология. Т. 1-6. М., 2015–2018.
- Цимбаев К.Н.* Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. 1 (17). С. 42-63.
- Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 2013.

- Шириняну А., Мирикова А.* Русофобский мит на «панславизма» // Политически изследвания. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85-110.
- Шириняну А.А.* Михаил Петрович Погодин // Вестник Московско-го университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 60-81.
- Шириняну А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.
- Шириняну А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94-119.
- Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010.
- Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Русофобский миф панславизма // Актуальные проблемы современного россиеведения. М., 2007. С. 240-244.
- Шириняну А.А., Шириняну С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М., 1997.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
- Boeckh K.* The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 // Boeckh K., Rutar S. The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory. Palgrave: Basingstoke. 2016. P. 105-137.
- Boldin V.A.* On the origins of pan-ideologies: Pan-Hellenism // Русская политология. 2019. no. 1(10). P. 103-109.
- Cloche P.* Isocrate et son temps. P., 1963.
- Cohen L.* Russian and the Balkans — pan-slavism, partnership and power // International journal. 1994. Vol. 49. Iss. 4. P. 814-845.
- Fadner F.* Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1962.
- Gulseven A.Y.* Rethinking Russian pan-Slavism in the Ottoman Balkans: NP Ignatiev and the Slavic Benevolent Committee (1856–77) // Middle Eastern studies. Vol. 53. Iss. 3. P. 332-348.
- Gutorov V.A.* Citizenship, National Identity and Political Education: some disputable questions // Studies of Transition States and Societies (STSS). 2015. Vol. 7. Issue 1. P. 77-93.

- Hugh Seton-Watson*. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford, 1967.
- Huntington Samuel P*. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22–49.
- Kohn H*. Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Panslavismus. Wien, 1957.
- Kohn H*. Nationalism: Its Meaning and History. N. Y., 1955.
- Kohn H*. Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. N. Y., 1960.
- Kohn H*. The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // The Review of Politics. Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). P. 323–333.
- Kolakovic A*. Road to Great War. Serbian Intellectuals and Austro–Hungarian Policy in the Balkans (1894–1914) // Serbian Political Thought. №. 1/2014. Year VI. Vol. 9. P. 77–84.
- Lehfeldt W*. A Russian shadow over the assassination in Sarajevo // SLOVĚNE. 2016. T. V. № 1. P. 218–225.
- Levine L*. Pan-Slavism and European Politics // Political Science Quarterly. 1914. Vol. 29. No. 4. P. 664–686.
- Mackenzie D*. The Serbs and Russian Pan-Slavism: 1875–1878. N. Y., 1967.
- MacMaster R*. Danilevsky. A. Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. press, 1967.
- Maxwell A*. Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism. London, 2017.
- Maxwell A*. Effacing Panslavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation // Nationalities Papers. 2018. Vol. 46. P. 633–653.
- Maxwell A*. Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Ju-raj Križanić / Юрий Крижанич // Slavonic and East European Review. 2020. Vol. 98. № 2. P. 201–234.
- Maxwell A*. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // Traditions. 2011. Vol. 40. № 2. P. 79–95.
- Meyer Ed*. Geschichte des Altertums, Bd. V. Stuttgart – B., 1902.
- Milojkovic-Djuric J*. Panslavism and National Identity in the Balkans, 1830–1880. N. Y.: East European Monographs, 1994.
- Nevrly M*. Russian Pan-Slavism. Reality and fiction // Historicky casopis. 2003. Vol. 51 Iss. 2. P. 348–350.

- Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice / Ed. by A. Maxwell. Routledge, 2023.
- Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe / Ed. by Mikhail Suslov, Marek Čejka, Vladimir Đorđević. Palgrave Macmillan Cham, 2023.
- Penchev V.* The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // Traditions. Vol. 40. №2. P. 97-110.
- Petrovich M.B.* The emergence of Russian Panslavism 1856–1870. N. Y.: Columbia University Press, 1956.
- Sandor Kostya.* Pan-Slavism / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981.
- Savino G.* Il nazionalismo russo, 1900–1914: identità, politica, società. Napoli: FedOAPress, 2022.
- Smith Anthony D.* National Identity. Penguin Books, 1991.
- Snyder L.* Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984.
- Snyder L.L.* Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990.
- Szyrinianc A.A., Myrikowa A.W.* «Wewnętrzna» rusofobia i «kwestia polska» w Rosji w XIX w. // Politeja. 2015. № 7 (34 / 2). S. 233-246.

7.2. Перечень лицензионного программного обеспечения

MS WINDOWS (системное)
MS WORD
MS POWER POINT
MS EXCEL

7.3. Перечень профессиональных баз данных и информационных справочных систем

<i>Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU</i>	https://www.elibrary.ru/project_risc.asp
<i>Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»</i>	https://cyberleninka.ru/
<i>Электронно-библиотечная система ZNANIUM.RU</i>	https://znanium.com/

<i>Университетская библиотека online</i>	http://www.biblioclub.ru/
<i>Информационно-правовой портал Гарант.ру</i>	https://www.garant.ru/
<i>Информационно-правовая система Консультант</i>	http://www.consultant.ru/

7.4. Перечень ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

<i>Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова</i>	https://polit.msu.ru/
<i>Библиотека студента факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова</i>	https://polit.msu.ru/students/biblioteka-studenta-fp/
<i>Журнал «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки»</i>	http://vestnikpolit.ru/
<i>ПолитНаука - политология в России и мире</i>	http://www.politnauka.org/
<i>Библиотека Гумер - Политология</i>	http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php
<i>Библиотека Михаила Грачева по политологии</i>	http://grachev62.narod.ru/
<i>Журнала «Полис» (Политические исследования)</i>	https://www.politstudies.ru/
<i>Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer»</i>	https://i-sng.ru/biblioteka/zhurnaly/nauchno-analiticheskiy-zhurnal-obozre/
<i>Журнал «ПолитЭкс» (Политическая экспертиза)</i>	https://politex.spbu.ru/index
<i>Журнал «Социс» (Социологические исследования)</i>	https://www.isras.ru/socis.html
<i>Журнал «Власть»</i>	https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast

Сетевое издание «Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)». <http://vestnik-mgou.ru/>

Журнал «Россия в глобальной политике» <https://globalaffairs.ru/>

Журнал «Вестник Российской нации» http://rosnation.ru/?page_id=385

7.5. Описание материально-технического обеспечения

Для проведения учебных занятий используются: учебные аудитории; возможности мультимедийного оборудования, установленного в учебных аудиториях, а также персональных компьютеров с выходом в сеть «Интернет» для обеспечения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий; электронный каталог и библиотечный фонд вуза; научно-образовательные ресурсы с возможностями удаленного доступа на базе современного телекоммуникационного комплекса.

8. Автор программы

Болдин Владимир Алексеевич, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

БИБЛИОГРАФИЯ

- «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. М., 1977.
- «Требования народа» // *Симакова О.А.* История южных славян с древнейших времен до 1914 г.: учеб.-метод. комплекс для студ. ист. фак. спец. 1–21 03 01 «История». Минск, 2007. С. 139-141.
- Аксаков И.С.* Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III–м отделением // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002. С. 345-355.
- Аксенова Е.П.* Славянская идея в интерпретации А.Н. Пыпина // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 87-97.
- Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М., 2018.
- Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. XXX Харакский форум. 26-30 мая 2016, г. Ялта (Республика Крым). С. 5-21.
- Алленова И.В.* Панэллинизм Исократы // Вестник ТГУ. 2002. Вып. 2 (26). С. 63-66.
- Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Шириняц А.А.* Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 110-136.
- Арендт Ханна.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
- Аринин А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996.
- Аристофан.* Ахарняне // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 5-71.

- Аристофан*. Лисистрат // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 473-544.
- Аристофан*. Мир // Комедии. Фрагменты. М., 2008. С. 302-376.
- Асонов Н.В.* Византизм и российская власть: уроки и смыслы // Власть. 2010. № 9. С. 26-29.
- Асонов Н.В.* К вопросу об идейных истоках российской государственности // Власть. 2012. № 2. С. 47-49.
- Асонов Н.В.* Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация. М., 2009.
- Атякшев М.В.* Идея христианской общественности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров: дис... канд. филос. наук. М., 2013.
- Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л.* Забытая трагедия русинов: Национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны. Брянск, 2016.
- Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л.* Русинский вопрос в национальной политике Австро-Венгрии накануне и в годы Первой мировой войны. Брянск, 2018.
- Ачкасов В.А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. № 1. С. 106-128.
- Багдасарян В.Э.* Панславизм // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 381.
- Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997.
- Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999.
- Баранкова Г.С., Еськова И.Б.* Труды и дни Григория Андреевича Ильинского (1876–1937) // Московский журнал. 2000. № 7. С. 2-14.
- Баранкова Г.С.* Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) // Русская речь. 2001. № 2. С. 55-74.
- Бахтин М.В.* Кризис культуры начала XX века и историческое познание // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2011. № 3. С. 60-66.
- Беклянтишева М.М.* А.А. Башмаков (1858–1943): общественно-политические взгляды и деятельность в дореволюционной России: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.

- Белова Е.В.* Национально-освободительная борьба балканских народов и Крымская война // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 6. С. 56-68.
- Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 2000.
- Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004.
- Билунов Б.Н.* Русское славянофильство и болгарское национальное движение // Болгария и Россия: Сборник трудов Б.Н. Билунова. М., 1996. С. 101-122.
- Бойцова О.Ю.* Концепция Ханны Арендт в современном дискурсе политической власти // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 72-79.
- Бойцова О.Ю.* Стратегия концептуализации власти в философии Ханны Арендт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 4(53). С. 219-226.
- Бойцова О.Ю.* Шмитт // Философия политики и права. 100 основных персоналий. Словарь: Учебное пособие. М., 2015. С. 337-340.
- Брага Т.В.* Дмитрий Николаевич Вергун о славянах // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина. М., 2008. Ч. 2. С. 398-402.
- Будилович А.С.* Пангерманизм и панславизм // *Будилович А.С.* Славянское единство. М., 2014. С. 130-136.
- Будилович А.С.* Мечта ли панславизм // Беседа. 1872. Кн. 1. Отд. I. С. 195-215.
- Будилович А.С.* Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства // Беседа. 1871. № 6. С. 146-164.
- Будилович А.С.* Общеславянский язык в ряду других языков древней и новой Европы. Т. 2. Варшава, 1892.
- Ваврик В.Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен, 1973.
- Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период Второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 73-91.

- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.
- Васильев А.А.* Мирозрение почвенников (Ф.М. и М.М. Достоевских, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова: забытые страницы русской консервативной мысли. М., 2010.
- Ведерников М.В.* Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 122-129.
- Вергун Д.* От редактора-издателя // Славянский век. 1904. Вып. 92. С. 561-562.
- Вергун Д.* Русско-австрийский таможенный союз // Славянский век. 1901. Вып. 33–34. С. 278-279.
- Вергун Д.Н.* От редактора // Славянский век. 1904. Вып. 82. С. 293.
- Вергун Д.Н.* Славянство и война // Славянский век. 1904. Вып. 75. С. 66-70.
- Вишняков Я.В.* «Подальше от нашего порога». Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года // Родина. 2011. № 8. С. 137-138.
- Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25-69.
- Воробьева И.Г.* С.А. Никитин о деятельности историка-слависта Н.А. Попова // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 72-77.
- Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. М., 2011.
- Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16.
- Ганс Кон.* Национализм: его смысл и история // [Электронный ресурс] // Библиотека Егора Холмогорова [сайт]. — <http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/6.htm> (август, 2024).
- Гердер И.Г.* Избранные сочинения. М.; Л., 1959.
- Гилязов М.Ф.* Политические идеи и проекты Р.А. Фадеева (1824–1884): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002.
- Гончарик А.А.* Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // Политическая наука. 2009. № 4. С. 79-87.

- Горяинов А.Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 147-159.
- Григорий Богослов.* Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. 1. СПб., 1912.
- Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е гг. XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010.
- Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013.
- Григорьева А.А.* Балканская политика России и панславизм в 80-е гг. XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. 1. С. 78-82.
- Гройс Борис.* Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993. С. 30-53.
- Гулыга А.В.* Кант. 3-е изд. М., 1994.
- Гуторов В.А.* Россия и Первая мировая война: «конфликт интерпретаций» в историческом и этическом измерениях // Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне. СПб., 2017. С. 3-36.
- Гуторов В.А.* «Русский вопрос» и Первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретаций // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С. 21-29.
- Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 63-74.
- Гуторов В.А., Шириняц А.А.* «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231-237.
- Гуторов В., Шириняц А.* Терроризм как политический и исторический феномен: современные проблемы интерпретации // Przegląd Strategiczny. 2017. № 10. С. 275-296.
- Джонг Х.-С.* Идея славянской интеграции в российской общественной мысли первой половины XIX века. М., 1995.
- Джонг Хи Сок.* Идея славянской интеграции в Российской общественно-политической мысли XIX в: дис. ... доктора полит. наук. М., 1990.

- Дианова В.М., Скочиньский Я.Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82-91.
- Досталь М.Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // «Славянский Альманах — 2006». М., 2007. С. 114-140.
- Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 85-95.
- Достян И.С.* Панславистские тенденции в русской общественной мысли начала XIX в. // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 48-62.
- Достян И.С.* Российская политика в восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С. 6-15.
- Дронов А.М.* Политический панславизм в современной России // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 177-183.
- Дудник С.И., Солонин Ю.Н.* Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. СПб., 2001.
- Дьяков В.А.* Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. storocia. Bratislava, 1978. S. 9-28.
- Дьяков В.А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 232-260.
- Дьяков В.А.* Славянская идея в России периода империализма // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 28-41.
- Дьяков В.А.* Идея славянского единства в пореформенной России // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 16-32.
- Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
- Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М., 2003.
- Егоров Б.Ф.* О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 23-32.

- Егорова К.Б.* Т.Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции» // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 339-357.
- Егорова К.Б.* Письма Д.Н. Вергуна к П.А. Кулаковскому // Библиотека журнала «Русин». 2017. № 1. С. 155-159.
- Загора Роман.* Идеолог словацкого национального возрождения Людовит Штур и представители российских общественных и научных кругов в 1830-х – первой половине 1850-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959.
- Закіпна Г.В.* Духовний спадкоємець // Дім князя Гагаріна: Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей. Вип. 4. Одеса, 2007. С. 61-85.
- Зимовец Л.Г.* Кризис культуры и его отражение в западно-европейской и русской культурологической мысли // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 5. С. 24-32.
- Зиновьев В.П., Казаков В.В.* Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. № 1. С. 120-127.
- Зоткин А.А.* Проблема войны и мира в творчестве Канта, Фихте и Гегеля // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 4. С. 1-10. — <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/784> (август, 2024 г.).
- Иванников Д.А.* Общественно-политические взгляды и деятельность М.П. Погодина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Иванов А.А., Репников А.В.* «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина. 2014. № 8. С. 15-18.
- Илия Гарашанин.* «Начертание» // *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 235-249.
- Ильинский Г.А.* Великий эмансипатор (А.С. Хомяков) // Славянский век. 1901. Вып. 18. С. 4-8.
- Ильинский Г.А.* Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып. 33–34. С. 261-264.
- Йосифова Бригита.* Декабристы. М., 1983.

- Исократ.* Панегирик // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 46-80.
- Исократ.* Похвала Елене // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 200-213.
- Исократ.* Филипп // Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013. С. 81-109.
- Истомин Ф.М.* Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868–1893. СПб., 1893.
- Каменский И.В.* Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса, 1902.
- Каменский И.В.* Славянская идея и клерикализм // Славянский век. 1901. Вып. 24. С. 4-9.
- Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322-325.
- Каменский И.В.* Центральный Славянский комитет // Славянский век. 1902. Вып. 47. С. 644-645.
- Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 205-241.
- Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время (1880–1900 годы). Т. 6. Последняя треть XIX века, Ч. 2. СПб., 1910.
- Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011.
- Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900–1907. М., 2003.
- Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.
- Клопова М.Э.* «Русское дело» в Австро-Венгрии: участники, сторонники, оппоненты // Механизмы формирования этнокультурной идентичности: Россия, Украина, Белоруссия, Польша. М., 2011. С. 216–233.
- Ковтуненко М.К.* Развитие панславизма в Российской Империи в начале XX века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Сiю-2013». М., 2013. С. 184-189.

- Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 222-227.
- Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского: дис. ... канд. полит. наук. М, 2015.
- Козиков И.А.* Российские естествоиспытатели о славянах (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский) // Вестник Российской нации. 2009. № 3. С. 49-65.
- Козиков И.А.* Российские естествоиспытатели о славянах // Славяне. 2017. № 2 (7). С. 46-49.
- Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1961.
- Коллар Я.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. № 8. С. 65-94.
- Кораблев В.Н.* Академик А.Н. Пыпин и славянский вопрос // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9. С. 67-78.
- Кораблев В.Н.* Крах неославизма // Славянские известия. 1910. № 2. С. 170-177.
- Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
- Котов А.Э.* Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016.
- Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
- Ксенофонт.* Гиерон // Штраус Лео. О тирании. СПб., 2006. С. 39-62.
- Ксенофонт.* Греческая история. Изд. 3-е. СПб., 2000.
- Ксенофонт.* Киропедия. М. 1976.
- Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев — генерал и публицист. Волгоград, 1998.
- Кулаковский П.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894.
- Кун Т.* Структура научных революций. С ввводной статьей и дополнениями. 1969 г. М., 1977.
- Курдин Ю.А., Панов А.Р., Ширинянц А.А.* Поездка М.Г. Черняева по Европе после сербско-турецкой войны (конец 1876 – начало 1877 г.) // Российская история. 2022. № 5. С. 108-116.

- Курдин Ю.А., Панов А.Р., Шириняц А.А.* Сербско-турецкая война 1876 г. в освещении австралийской прессы (на примере Sydney Morning Herald) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 73-82.
- Лабанов С.С.* Политическая философия Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2001.
- Лаврик Э.Г.* Панславизм // Русская философия. Словарь. М. 2001. С. 363-364.
- Ламанский В.И.* Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 2-15.
- Ламанский В.И.* Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 2-8.
- Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
- Ламанский В.И.* Славянский союз // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.
- Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.
- Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1867.
- Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. Т. CLII. Февр. Отд. I. С. 649-702. Т. CLIV. Май. С. 353-380.
- Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 166-188.
- Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. № 12. С. 548-616.
- Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос // Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 1–2. С. 122-163.
- Ламанский В.И.* Проекты славянских федераций. Обзор // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.
- Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1867.

- Лантева Л.П.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 118–129.
- Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
- Лантева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014. С. 47–59.
- Лантева Л.П.* Г.А. Ильинский о славянофильстве // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 175–182.
- Лантева Л.П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 5–20.
- Лебедева Г.Н.* Славянское Возрождение в первой половине XIX в.: рождение наций // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 2. С. 74–84.
- Лебедева Г.Н.* У истоков славянского мира: П.Й. Шафарик и В. Ганка // Славянские языки и культура. история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2015.
- Лебедева О.В.* Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политическая борьба в странах Европы в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 130–144.
- Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
- Леонтьев К.Н.* Полное собр. соч. и писем в 12-ти тт. Т. 7. Кн. 1. Публицистика 1862–1879 годов. СПб., 2005.
- Лециловская И.И.* Иллиризм. М., 1968.
- Лециловская И.И.* Концепция славянской общности в конце XVIII–XIX века // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 75–92.
- Линькова Е.В.* Национально-консервативная идея в творческом наследии Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2008.
- Лисий.* Олимпийская речь // Речи. М. 1994. С. 283–285.
- Лопатина Е.Б.* Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890-е гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2011.
- Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991.

- Луцки Р.Я.* Дмитрий Николаевич Вергун // *Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона.* Львов, 1938. С. 76-80.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005.
- Малинов А.В., Куприянов В.А.* Академик В.И.Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности. СПб, 2020.
- Малинов А.В.* «Славянский мир» или «русский космос»: о нереализованном издательском проекте В.И. Ламанского. // Альманах «Русский мир». СПб., 2011. № 6. С. 32-47.
- Масланов Е.В.* Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011.
- Маслин М.А.* Иван Киреевский и русская философия // Иван Киреевский. Духовный путь в русской мысли XIX–XXI веков (К 200-летию со дня рождения). М., 2007. С. 103-112.
- Маслин М.А.* Идея славянской взаимности в творчестве Ф.И. Тютчева // Три лика Тютчева: дипломат, поэт, мыслитель. К 200-летию со дня рождения. М.; Ростов н / Д., 2004. С. 331-337.
- Маслин М.А.* Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017.
- Маслин М.А.* Философия славянофилов. Становление и основные особенности // История русской философии: Учеб. Для вузов. М., 2008. С. 131-133.
- Матевчик А.* Ян Геркель и его идея славянского литературного единства // *L'udovid Stur und die slawische Wechselseitigkeit.* Bratislava. 1969. S. 27-31.
- Материалы для журнальной статистики // *Славянский век.* 1904. Вып. 92. С. 576.
- Мацевко І.* Слов'янська ідея на сторінках часопису «Славянский век» (1900–1904 рр.) // *Дрогобицький красназавчий збірник.* Вип. VII. Дрогобич, 2003. С. 351-360.
- Медоваров М.В.* Поздний славянофил А.А. Киреев и династия Романовых // *Христианское чтение.* 2018. № 2. С. 113-126.
- Меланченко И.В.* Идея панэллинизма в древнегреческой литературе // *Вестник МГЛУ.* 2014. Вып. 21 (707). С. 97-108.

- Меланченко И.В.* Панэллинизм и концепция межполюсных отношений Исократ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.
- Миллер Т.А.* От поэзии к прозе. Риторическая проза Горгия и Исократ // Античная поэтика. М., 1991. С. 60-105.
- Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. СПб., 1902.
- Михайлов А.А.* Очерки по истории славянофильства 40–50-х годов (панславистские тенденции в раннем славянофильстве). Тезисы к диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Л., 1939.
- Михайлов Валентин.* Цивилизационные и геополитические крестопутья на славянских свят // Понедельник. 2008. бр. 11 / 12 – год. XI. С. 118-134.
- Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62-82.
- Модельски Дж.* Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 124-142.
- Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л., 1990.
- Моцелков Е.Н.* Фадеев Ростислав Андреевич // Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Антология: Учебное пособие. В 5 т. Т. 4. М., 2006. С. 248-259.
- Моцелков Е.Н., Гилязов М.Ф.* Р.А. Фадеев — консервативный политический философ XIX в.: мысли о России и Западе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2002. № 1. С. 106-118.
- Мчедлова М.М.* Шпенглер // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 1168-1169.
- Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М., 2004.
- Мырикова А.В.* Статья Людевита Гая «Наш народ» // SCHOLA – 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года. М., 2013. С. 153-156.
- Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.

- Мырикова А.В., Ширинянец А.А.* «Внутренняя» русофобия и «польский вопрос» в России XIX века // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2015. Т. 8, № 1 (39). С. 15-27.
- Мырикова А.В., Ширинянец А.А.* Вокруг Тютчева: Был ли Тютчев панславистом? // Русская социально-политическая мысль: Ф.И. Тютчев. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ширинянца; Сост. А.В. Мырикова, подг. текстов А.В. Мырикова. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 584-615.
- Мячин А.Г., Ширинянец А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М., 1995.
- Недашковская Н.И.* «Европа есть собственно полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2009. Том 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 157-163.
- Ненашева З.С.* Братья славяне // Родина. 2006. № 4. С. 60-63.
- Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984.
- Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1. С. 131-133.
- Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960.
- Новейшая история стран Европы и Америки: XX век. Учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 3-х ч. Ч. 2.: 1945–2000. М., 2001.
- Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
- Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
- Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М., 2023.
- Павленко О.В.* Миф о панславизме в западной историографии периода Холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–1 (10). С. 9-15.
- Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3-15.
- Павленко. О.В.* Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 116-134.

- Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. – 1914 г.): дис. ...д-ра. ист. наук. М., 2023.
- Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв.. М., 1964.
- Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867.
- Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2023.
- Перевезенцев С.В.* Грозный царь: известный и неведомый // Наш современник. 2010. № 4. С. 217-243.
- Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007.
- Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Очерки истории русского хранительства. Монография. Часть I. М.: Издательство Московского университета, 2021.
- Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Страницы истории русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета, № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/781> (август, 2024).
- Пилат Р.* Чешская торговая жизнь // Славянский век. 1900. Вып. 4. С. 20-24.
- Плаканс Андрес.* Краткая история стран Балтии. М., 2016.
- Погодин А.Л.* Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 249-265.
- Погодин А.Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915.
- Погодин М.П.* Избранные труды. М., 2010.
- Погодин М.П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. СПб., 1878.
- Покровский М.Н.* Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. № 142. 26 июня.
- Полянников Т.Л.* Неклассический национализм в современной мировой политике: социально-политический и культурный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

- Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: дис...канд. ист. наук. Воронеж, 2013.
- Потемкин В.П.* История дипломатии. Том 1. С древнейших времен до нового времени. М., 2015.
- Прокудин Б.А.* Неопубликованная статья В.И. Ламанского Славянский союз // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Второй международной конференции молодых ученых и специалистов Сlio–2013. М., 2013. С. 339-345.
- Прокудин Б.А.* Панславизм Ф.М. Достоевского // Английский язык на гуманитарных факультетах: Теория и практика. Т. 8. М., 2015. С. 100-101.
- Прокудин Б.А., Болдин В.А.* Концепции славянского единства конца XIX– начала XX вв. (Ф.М. Достоевский, И.В. Каменский) // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 125-137.
- Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дис ... канд. полит. наук. М., 2007.
- Прокудин Б.А.* Историософские и геополитические идеи В.И. Ламанского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 117-127.
- Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.
- Прокудин Б.А.* Панславизм в России: к методологии изучения // SCHOLA – 2003: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2004. С. 160-163.
- Прокудин Б.А.* Панславизм как модернистский политический проект // SCHOLA – 2009: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2009. С. 46-49.
- Прокудин Б.А.* Религиозный аспект панславизма и идеи всечеловечности Ф.М. Достоевского // SCHOLA – 2004: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2004. С. 205-208.
- Прокудин Б.А.* Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA – 2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2006. С. 203-208.

- Прокудин Б.А.* Славянский федерализм в мировоззрении А.И. Герцена и М.А. Бакунина // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 6. С. 76-85.
- Прокудин Б.А.* Тезисы панславизма И.В. Каменского в контексте развития идеи славянского единства в России // SCHOLA – 2007: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2007. С. 109-112.
- Прокудин Б.А.* Три этапа развития русского панславизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 3. С. 91-92.
- Пуховская Е.Ю.* География, геополитика, пангерманизм: у истоков немецкой харизмы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 1. С. 106-115.
- Пытин А.Н.* Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. Т. 4. Кн. 8. С. 683-728.
- Пытин А.Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 6. С. 591-633; № 8. С. 711-748; № 9. С. 307-335.
- Пытин А.Н.* Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 1. С. 185-214; № 2. С. 479-510; № 3. С. 81-113.
- Пытин А.Н.* Давность славянской идеи в русском обществе // Вестник Европы. 1878. № 5. С. 283-316.
- Пытин А.Н.* Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3. С. 127-173; № 4. С. 323-372.
- Пытин А.Н.* К вопросу о «славянской идее». Братья — чехи // Вестник Европы. 1877. № 11. С. 429-443.
- Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
- Пытин А.Н.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII в. // Вестник Европы. 1884. Т. III. С. 212-256; С. 548-600; Т. IV. С. 72-116.
- Пытин А.Н.* Теория общеславянского языка // Вестник Европы. 1892. № 4. С. 762-804.
- Радич С.А.* Нерусские славяне на перепутье истории // Славянский век. 1902. Вып. 51.
- Радич Степан.* Второй период славянского возрождения // Славянский век. 1901. Вып. 25. С. 4-7; Вып. 26. С. 44-46; Вып. 28. С. 101-105; Вып. 29. С. 133-136; Вып. 30. С. 163-166.

- Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970.
- Репников А.В.* Борцы за славянское единство. // «Перспективы». — http://www.perspektivy.info/book/borcy_za_slavyanskoe_edinstvo_2007_7_31_26_31.htm (август, 2024).
- Репников А.В.* Данилевский Н.Я. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 133-135.
- Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006.
- Репников А.В.* «Позднее славянофильство» С.Ф. Шарапова // Гуманитарный вестник. 2012. № 3. С. 109-124.
- Репников А.В.* Данилевский Николай Яковлевич // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М., 2007. Т. 8. С. 286-287.
- Репников А.В.* Дусинский Иван Иванович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 167-170.
- Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014.
- Репников А.В.* Панславизм, консерватизм и прогресс в условиях российских модернизационных изменений конца XIX – начала XX вв. // Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Материалы международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27–28 сентября 2013 г. Рязань, 2014. С. 217-234.
- Репников А.В.* Аксаков Николай Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 28-30.
- Робинсон М.А.* В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 90-106.
- Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 91-111.

- Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
- Робинсон М.А.* В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 136-151.
- Родригес А.М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2011.
- Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005.
- Рокина Г.В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005.
- Романенко С.А.* Национальные движения югославянских народов Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 67-81.
- Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина 19 – начало 21 века. М., 2002.
- Ромашов Ю.В.* Геополитика России на Балканах и идея славянского единства // Вестник СГТУ, 2012. № 4 (86). С. 259-262.
- Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000.
- Рунг Э.В.* Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 12. С. 81-98.
- Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173-192.
- Рыхтик П.П.* Социалистический панславизм в начале XX века: рецепция идеи «балканской федерации» в работах В.Я. Богучарского (Яковлева) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 90–96.
- Рыхтик П.П.* Элементы панславизма в официальных документах военного ведомства Российской империи начала XX века: условия проникновения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Т. 67. 2020. № 2. С. 25–36.
- Рясенцев К.В.* Политический консерватизм М.П. Погодина (1800–1875): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.

- Самодурова В.В.* Геополитический изгой: жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879–1919) // *Вісник Одеського національного університету*. 2013. Т. 18. Вип. 2. С. 9-18.
- Сапрыкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: дисс...канд. ист. наук. М., 2004.
- Сапрыкина О.В.* Академик В. И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // *Новый исторический вестник*. 2001. № 4. С. 172-174.
- Сахаров Н.* Славянские рабочие в Берлине // *Славянский век*. 1903. Вып. 67. С. 602-604.
- Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.
- Сколота З.Н.* Кризис культуры как угроза жизнестойкости цивилизации // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012, № 1 (30). С. 248-253.
- Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого*. Выпуск 2. М., 1992.
- Славянская идея: История и современность*. М., 1998.
- Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994.
- Славянское движение XIX–XX вв.: съезды, конгрессы совещания, манифесты, обращения*. М., 1998.
- Смолин М.Б.* Панславистский политический теоретик в истории русской геополитики // *Дусинский И.И. Геополитика*. М., 2003. С. 5-22.
- Соколова В.А.* Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920–1945 гг.: био-библиографические материалы к истории русской филологии в эмиграции // *Новые российские гуманитарные исследования*. 2009. № 4. С. 1-13.
- Соловьев Э.Г.* Панславизм // *Федерализм: Энциклопедия*. М., 2000. С. 369-370.
- Сорокопудова О.Е. Шириняц А.А.* «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // *Вестник Московского государственного областного университета*, 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/555> (август, 2024)
- Сорокопудова О.Е. Шириняц А.А.* «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке. Статья вторая // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*,

- 2022, №4. [Электронный ресурс]. URL: www.evestnik-mgou.ru (август, 2024).
- Сталин И.В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Письмо членам Политбюро ЦК ВКП (б) 19 июля 1934 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 18-23.
- Стейнберг Дж.* Бисмарк. Биография. М., 2014.
- Стейнберг М.* Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018.
- Стоянович Люб.* Обще-славянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому) // Славянский век. 1901. Вып. 15. С. 2-12.
- Суляк С.Г.* А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166-181.
- Суляк С.Г.* Борец за единство Русского народа // Библиотека журнала «Русин». 2017. № 1 (6). С. 5-13.
- Терох И.И.* Украинизация Галичины // Украина — это Русь: Литературнопублицистический сборник. СПб., 2000. С. 130-139.
- Тесля А.А.* Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.
- Тесля А.А.* Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 11. № 2. С. 177-185.
- Тесля А.А.* Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018.
- Трубецкой Г.Н.* Славянский вопрос в Думе // Вестник Европы. 1908. № 50. С. 16-20.
- Федорова М.М.* Традиция в контексте политико-философских дискурсов // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 74-92.
- Федорова М.М.* Классическая политическая философия. М., 2001.
- Филитов А.Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта // Карл Шмитт. Понятие политического. СПб., 2016. С. 432-551.
- Филострат Старший.* Горгий // Жизнеописания софистов [Электронный ресурс] // Симпосий (Συμπόσιον). — <http://simposium.ru/ru/node/10962> (август, 2024).
- Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.
- Филошкин А.И.* Фатальна и губительна. Откровения врагов Московии // Родина. 2004. № 12. С. 50-52.

- Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1 (39). С. 83-94.
- Фоминых С.Ф., Степнов А.О.* Публицистика С. Радича на страницах журнала «славянский век» (1900–1905 гг.) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 86-96.
- Фомичева О.А.* Деятельность А.С. Будиловича (1846–1908) в национальных регионах Российской Империи: автореф. дис. ... к.и.н. М., 2013.
- Французова О.А.* Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5 (4). С. 78-84.
- Французова О.А.* Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Фрейдзон В.И.* «Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке // Славяноведение. 1998. № 5. С. 18-24.
- Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.
- Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.
- Фрейдзон В.И.* Статьи Степана Радича в журнале «Славянский век» (1901 г.) // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне (XVIII – начало XX века). М., 1992. С. 215-222.
- Фрейдзон В.И.* Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. № 5. С. 3-10.
- Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // На путях к Югославии: за и против. М. 1997. С. 201-230.
- Фурсова Е.Б.* Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова (1823–1886): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
- Халудоров Т.В.* Политические аспекты идеологии панмонголизма: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
- Хаманн Б.* Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности / ред. М. Зоркая. М., 2016.

- Хаусхофер К.* Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85-92.
- Хаусхофер К.* Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2017. № 2. С. 101-109.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017.
- Хорева О.А.* Славянский съезд 1848 г. В Праге и некоторые проблемы современного национального развития // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 21-29.
- Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. М., 2015.
- Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. М., 2015.
- Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. М., 2016.
- Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М., 2016.
- Хранители России. Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018.
- Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018.
- Цанков Стефан.* Славянская идея в Болгарии // Славянский век. 1902. Вып. 46. С. 620-624.
- Царегородцев С.С., Шириняну А.А.* В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации, 2018. № 1. С. 64-78.
- Цимбаев К.Н.* Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. 1 (17). С. 42-63.
- Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 2013.
- Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
- Чемакин А.А.* «Мы осмелились выступить с новыми лозунгами...»: петербургская группа национал-демократов и сборник «Лад» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. С. 45-54.

- Чемакин А.А.* Имперская народная партия и Независимая группа IV Государственной думы: русские национал-демократы в 1913–1917 гг.: дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2016.
- Черных А.В.* Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга: 1831–1872: дисс... канд. ист. наук. М., 2012.
- Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого: к 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992. С. 22-35.
- Шапошников Б.М.* Мозг армии. В 3-х книгах: Кн. 1. М.–Л., 1927.
- Шевченко К.В.* Славянская Атлантида. Карпатская Русь и Русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010.
- Шиманская О.К.* Принципы философии кризиса в творчестве Н.Я. Данилевского // Вестник ННГУ. Социальные науки. 2006. № 1 (5). С. 626-633.
- Шириняню А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М., 2002.
- Шириняню А.А.* Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники. 2024. № 2. [Электронный ресурс] URL: history2014.esrae.ru/44-421 (август, 2024).
- Шириняню А.А.* Из истории панславизма: М.П. Погодин // Роман-журнал XXI век. Путеводитель русской литературы. 2006. № 12. С. 22-38.
- Шириняню А.А.* Интеллигенция и власть в контексте политико-культурного подхода // Элитология и стратегия развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21–22 октября 2016 г., Ростов-на-Дону. Т. 1. Ростов н / Д., 2016. С. 596-606.
- Шириняню А.А.* Михаил Петрович Погодин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 60-81.
- Шириняню А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.
- Шириняню А.А.* Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений Московского университета // SCHOLA – 2016: Политическая текстология и история идей. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 290-297.
- Шириняню А.А.* Проект Дунайского союза М.П. Погодина // SCHOLA – 2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2006. С. 91-97.

- Шириняну А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008.
- Шириняну А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 38-49.
- Шириняну А.А.* С.П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. № 1. С. 5-16.
- Шириняну А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94-119.
- Шириняну А., Мирикова А.* Русофобский мит на «панславизма» // Политически изследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1-2. 2010. С. 85-110.
- Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010.
- Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Русофобский миф панславизма // Актуальные проблемы современного руссиеведения. М., 2007. С. 240-244.
- Шириняну А.А., Шириняну С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М., 1997.
- Шириняну А.* Ламански // Енциклопедија Руске Философије. Logos Beograd; Ваќка Palanka, 2009. С. 392-393.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37-67.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М., 1993.
- Шутов А.Ю и др.* Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 175-207.
- Щипков А.В.* Вопросы идеологии. М., 2018.
- Щипков А.В., Козырев А.П.* Выйти из череды разрывов // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 277-287.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
- Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб., 2000.

- Beloch U.* Griechische Geschichte, Bd. II. Strassburg, 1897.
- Boeckh K.* The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 // Boeckh K., Rutar S. The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory. Palgrave: Basingstoke. 2016. P. 105-137.
- Cloche P.* Isocrate et son temps. P., 1963.
- Cohen L.* Russian and the Balkans — pan-slavism, partnership and power // International journal. 1994. Vol. 49. Iss. 4. P. 814-845.
- Fadner F.* Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1962.
- Gulseven A.Y.* Rethinking Russian pan-Slavism in the Ottoman Balkans: NP Ignatiev and the Slavic Benevolent Committee (1856–77) // Middle Eastern studies. Vol. 53. Iss. 3. P. 332-348.
- Gutorov V.A.* Citizenship, National Identity and Political Education: some disputable questions // Studies of Transition States and Societies (STSS). 2015. Vol. 7. Issue 1. P. 77-93.
- Gutorov V.A., Myrikova A.V., Shirinyants A.A.* Russophobia concept in modern political discourse // Political Expertise: POLITEX, 2023. Vol. 19, No. 2. P. 166–177.
- Gutorov V. A., Shirinyants A. A., Shutov A. Yu.* Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century // The Baltic Region. 2018 Vol. 10, No.4. P.132-141.
- Herkels J.* Elemencia universalis linguae Slavicaevins dialectis eruta. Budaë, 1826.
- Hugh Seton-Watson.* The Russian Empire: 1801–1917. Oxford, 1967.
- Huntington, Samuel P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22-49.
- Kohn H.* Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Panslavismus. Wien, 1957.
- Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. N. Y., 1955.
- Kohn H.* Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. N. Y., 1960.
- Kohn Hans.* The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // The Review of Politics. Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). P. 323-333.
- Kolakovic Aleksandra.* Road to Great War. Serbian Intellectuals and Austro–Hungarian Policy in the Balkans (1894–1914) // Serbian Political Thought. №. 1/2014. Year VI. Vol. 9. P. 77-84.

- Kollar J.* Dobre vlastnosti narodu slovanskeho. Pesth, 1831.
- Kollar J.* Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation. Pesth, 1837.
- Kollár Ján.* Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze. W kommissi u Kronbergra i Řiwnáče, 1846.
- Lehfeldt W.* A Russian shadow over the assassination in Sarajevo // SLOVĚNE. 2016. T. V. № 1. P. 218-225.
- Levine Louis.* Pan-Slavism and European Politics // Political Science Quarterly. 1914. Vol. 29. No. 4. P. 664-686.
- Mackenzie D.* The Serbs and Russian Pan-Slavism: 1875–1878. N. Y., 1967.
- MacMaster R.* Danilevsky. A. Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. press, 1967.
- Maxwell Alexander.* Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism. London, 2017.
- Maxwell Alexander.* Effacing Panslavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation // Nationalities Papers. 2018. Vol. 46. Is. 4. P. 633-653.
- Maxwell Alexander.* Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Križanić/Юрий Крижанич // Slavonic and East European Review. 2020. Vol.98. № 2. P. 201-234.
- Maxwell Alexander.* Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // Traditions. 2011. Vol. 40. № 2. P. 79-95.
- Meyer Ed.* Geschichte des Altertums, Bd. V. Stuttgart – B., 1902.
- Milojkovic-Djuric J.* Panslavism and National Identity in the Balkans, 1830–1880. N. Y.: East European Monographs, 1994.
- Nevrly M.* Russian Pan-Slavism. Reality and fiction // Historicky casopis. 2003. Vol. 51 Iss. 2. P. 348-350.
- Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe / Ed. by Mikhail Suslov, Marek Čejka, Vladimir Đorđević. Palgrave Macmillan Cham, 2023.
- Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice / Ed. by A. Maxwell. Routledge, 2023.
- Penchev V.* The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // Traditions. Vol. 40. № 2. P. 97-110.

- Petrovich M.B.* The emergence of Russian Panslavism 1856–1870. N. Y.: Columbia University Press, 1956.
- Šafárik P.J.* Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826.
- Šafařík P.J.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.
- Sandor Kostya.* Pan-Slavism / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981.
- Savino G.* Il nazionalismo russo, 1900–1914: identità, politica, società. Napoli: FedOAPress, 2022.
- Smith Anthony D.* National Identity. Penguin Books, 1991.
- Snyder L.* Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984.
- Snyder L.L.* Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990.
- Szyrinianc A.A., Myrikowa A.W.,* «Wewnętrzna» rusofobia i «kwestia polska» w Rosji w XIX w. // Politeja. 2015. № 7 (34 / 2). S. 233-246.

Л. ГАЙ

НАШ НАРОД¹ДАНИЦА ХРВАТСКА, СЛАВОНСКА И ДАЛМАТИНСКА
(ЗАГРЕБ, 29.8.1835)

На одной половине Европы лежит неукротимый великан. Его темя — в синем море Адриатическом; а его огромные ноги упираются сквозь северный лёд и снег в стены Китайские; в крепкой, сквозь сердце турецкого царства протянутой, руке несет Черное море, а в левой, сквозь сердце Немецкой земли простёртой, руке держит Балтику. Его голова есть средняя Иллирия, увенчанная цветением теплого юга; его грудь Венгрия; его груди — Горы хорватские [карпатские]; его сердце — под старыми Татрами; его желудок — равнина Польская, а живот и ноги — неизмеримые просторы Русские. И этот великан есть наш народ, народ в Европе наибольший, народ Славянский; потому что кости и мясо этого необузданного тела — братья Славяне, а кровь, которая это огромное тело оживляет, — это одна кровь нашей матери Славы, то есть одна нация Славянская.

Истина в том, что не течёт та кровь одинаково по всем частям этого тела, а и у Немцев это течение так же затруднено, но они не перестают своих братьев-соплеменников держать за естественные части одного немецкого тела, и никому не придет в голову это запретить, потому что это именно так, и никак иначе, и изменить это не в силах человеческих. Верные нашему всеми любимому Царю Австрийцы естественным путем и законом держатся за части этого же тела, к которому и Баварцы, Саксонцы, Пруссы и остальные Немцы принадлежат, и все они имеют одну цель — образованность и счастье Немецкого народа, который один, но состоит из многих народов и между многими владениями разделен. Так же и мы, Славяне, которым только одним божественным и государственным законом позволено цель иметь, можем и должны, чтобы наша нация во всех странах, государственной властью разлученных, благородно образовалась. Кроме того, необходимо, чтобы всем частям нашего народного тела стала известна

* В подготовке текстов принимали участие М.А. Лагузова и А.А. Вуколов.

¹ Перевод с хорватского *А.В. Мыриковой*. См.: *Мырикова А.В.* Статья Людевита Гая «Наш народ» // SCHOLA – 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года. М., 2013. С. 153-156.

сегодняшняя точка зрения всех Славянских племен, обусловленная близостью или родственностью государств, в которых живут Славяне. Число и различие Славянских народов зависит не только от положения земли, гораздо больше бросается в глаза большее или меньшее родство народностей между собой. Это сильное родство не распознается в близком соседстве, потому что некоторые народы когда-то были соседями, а сейчас обитают в отдалении; не различается оно и в устных преданиях, сочиняющих приключения, которые часто обманывают; приключения не могут удовлетворить всех. Для признания родства народов и народностей единственное неоспоримое средство — языковедение; или мудрое и трезвое исследование корней слов и сравнение их образования и склонения. Только таким путем будет возможно разные части славянского ствола распознать, различить между собой и определить. Только таким способом возможно весь Славянский язык на основные наречия распределить.

Таким вот способом языкознания определим, где обитают жители Великой Иллирии, то есть Хорватии, Славонии, Далмации, нижней Венгрии, Нижней Штирии, Крайне, Каринтии, Истрии, Боснии, Черногории, Герцеговины, Дубровника, Сербии, Болгарии и т.д., затем жители Великой Польши, Галиции, Великой Чехии, Моравии и верхней Венгрии; и жители Великой России, Славяне числом 80 миллионов, которые все вместе больше, чем половина Европы, и занимают треть Азии. Все эти Славянские племена, которые уже здесь по родству поделены, можно разделить также по причине определенных языковых знаков на два главных ряда, которые Adelung¹ под своевольным и двузначным наименованием Антов и Словенов цитирует; Добровски² и Копитар³ гораздо лучше разделяют Славян на юго-восточных и северо-западных. Мы их делим на Иллиро-Русских и Чешско-Польских Славян. К первому разряду относятся все Иллирийцы и Русские, а к другому — все Чехи и Поляки.

¹ Аделунг Иоганн Кристоф (1732–1806) — немецкий библиотекарь и лингвист.

² Добровский Йозеф (1753–1829) — чешский филолог и историк, одна из важнейших фигур чешского национального движения.

³ Копитар Йерней (1780–1844) — словенский языковед. Он был директором Венской королевской библиотеки и цензором славянских и новогреческих книг, работал над созданием общего литературного языка словенцев. С реформой сербского языка Йернейю Копитару удалось разрушить культурный мост между православными сербами и Россией и, таким образом, связать их с хорватами и монархией Габсбургов.

А. ИЛЛИРО-РУССКИЕ ВЕТВИ

1. *Иллирийское колено*

1. Словенцы [Винды]¹ живут в нижней Штирии, Крайне, Каринтии, или Хорутании, в одном из районов Истрии, в Лашко-Горице, далее в западной Венгрии в Железном комитате вокруг Муры и Раба; общим количеством 1,240,000 римского² вероисповедания; всего несколько так называемых Протестантов.

2. Хорваты в провинции, в Крайне и в Приморье, в одном из районов Истрии, в Венгрии в Банате, в Бараньи, Шинеге, Шомоде, в Саладской, Железной, Шопронской и Пожунской вармеджии³, затем в Австрийской империи и в Боснии в Бая-Лукском санджаке все вместе в количестве 1,620,000 и находящиеся за пределами 194,000 староверцев являются католиками. Наречие хорватское есть действующий старый иллирийский мост между Словенцами [Виндами] и Сербией.

3. Славонцы, жители Славонии и славонской границы, и Срема. Число их составляет 500,000, из которых одни 247,000 греческого⁴, а другие 253,000 римского вероисповедания.

4. Далматины живут в Далмации у Адриатического моря, затем на островах и в Дубровнике, и числом они до 400,000 душ, к ним надо еще прибавить и те 80,000, которые под Турками и которые живут в Герцеговине, и, таким образом, всего их 480,000, из которых 410,000 принадлежит римской, а остальные 70,000 — греческой церкви.

5. Боснийцы живут между Дриной, Вербасом, Савой, Далмацией и Хемом, числом 450,000, делятся на население исламского, то есть турецкого, и римского и греческого вероисповедания.

6. Черногорцы — в Черногории, которая растянулась от приморья Адриатического до Боснии. Они никогда не были покорены Турками, и на сегодняшний день они свободны и независимы. Ими владеет и управляет их Епископ и Митрополит. Их около 100,000, из которых около 20,000 он может выставить против неприятеля, все они греческого вероисповедания.

¹ Винды, венды (Адриатика) — народ, который жил на территории современной Венеции. Это название словенцев было принято в Германии.

² Здесь — Католического.

³ Вармеджия (венг. *Vármegye*) — округ, комитат, историческая административно-территориальная единица Венгерского королевства, существовавшая с X века до 1918 г.

⁴ Здесь — Православного.

7. Сербы прежде в Королевстве Сербском (нынешнем районе Турции Serf Vilaet¹) по обе стороны от Моравы между Тимоком, Дриной, Хемом, Савой и Дунаем обитали; позже — перешли в Австрийскую Славонию, южную Венгрию и там поселились. Иностранцы неправильно называли их Рачи, потому что некое количество Сербов живет около реки Рачи, которая когда-то делила всю Сербию на Сербию и Рачу. Некоторые из наших простаков называют их Валахи, все они единого вероисповедания. В сербском районе (бывшем Сербском Королевстве) и в Венгрии всего проживает 1,730,000 Сербов; все они греческого вероисповедания.

8. Болгары когда-то в прошлом жили в Королевстве Болгарском, а сейчас в турецком государстве в так называемом Sofia Vilaet, между Дунаем, Черным морем, Балканскими горами и Сербией. Всего Болгар около 550,000, из которых 480,000 принадлежат греческой, а остальные — римской церкви.

II. Русское колено

1. Русские — основные жители великой России, населяющие, прежде всего, среднюю Россию между озером Ильмень и Белым озером вдоль рек Двина, Волга, Москва, Ока и губернии на Дону. Много их разбросано и с другими народами перемешано по всей империи и в большей части русской Азии. Их огромное множество, около 70,000,000 крепостных крестьян и 48,000,000 дворян, многие роды расколоты, это легко можно представить; и действительность нам это также подтверждает, потому что тяжело найти родословную каждого поколения. Так, есть Казаки в губерниях Малороссии около Буга, южного Днепра и Дона, у Черного и Азовского морей и т.д., которые могут выставить более миллиона вооруженных мужчин, они — единственные потомки старых Русских, а другие, по языку и вероисповеданию, во всем — обрусевшие черкесы и татары. Латов в Курляндии и Литвинов в Вильно, Гродно, Белостоке, которые говорят на латышском языке, не следует причислять к Славянам, потому что они ветви смешанного финско-скифского народа. Сербские колонии обрусели во всем. В основном все Русские греческого вероисповедания.

2. Русины — в Малороссии, Польше, Галиции, Буковине, северо-восточной Венгрии — числом до 3,000,000 и в основном греческого вероисповедания.

¹ Serf Vilaet (тур.) — крепостной район.

В. ЧЕШСКО-ПОЛЬСКИЕ ВЕТВИ

I. *Колено Чешское*

1. Чехи в Королевстве Чешском составляют 3,500,000 и в преобладающем большинстве принадлежат римской церкви; встречается и немного общин Протестантов.

2. Моравы живут в Маркграфстве Моравском числом 1,430,000, в основном католического вероисповедания.

3. Словаки обитают в северной Венгрии, в комитатах Пожунском, Нитранском, Тренчинском, Турочском, Барском, Арвенском, Липтовском, Солском, Хонтском, Неоградском, Гемерском, Спишском, Шарошском, Абуйварском, Земплинском и др.

Их всего более 3,000,000, из них всего треть Протестантов, остальные преимущественно римского вероисповедания.

4. Сербы (Сораби). Эти Венды, как их Немцы называют, являются потомками прежних Сербов и других племен Славянских в Саксонской верхней и нижней Лужице¹. Всего их рассеяно в Саксонии, в Пруссии и в Бранденбурге до 540,000. В большинстве — Протестанты.

II. *Польское колено*

1. В настоящем Поляки проживают в 1-ом, основанном в 1814 году, Королевстве Польском², это те, которые были в 1772, 1793 и 1795 годах присоединены к России; опять же в Пруссии и воеводствах Познанском и Силезском, в Австрийской Галиции и в слободе Краковской. К Полякам также относятся Слазы (Силезцы) и Кашубы. Мало среди них Протестантов, основное их число до 15,000,000 принадлежит Римской церкви, латинского и греческого обычая.

Помимо упомянутых здесь Славянских колен есть еще кое-где остатки Славянские в Немецких государствах и в других местах;

¹ Лужицкие сербы, лужичане — неассимилированное славянское население восточной Германии, и сейчас проживающие в исторической области Лужица, входящей в состав современной Германии. Лужица делится на Нижнюю Лужицу (земля Бранденбург) и Верхнюю Лужицу (земля Саксония).

² Королевство Польское (Царство Польское) — название части Польши, которая по решению Венского конгресса 1814–15 гг. отошла к России. 27 ноября 1815 г. Александр I подписал Конституцию Королевства Польского. К.П. получало статус конституционной монархии, связанной с Российской империей реальной унией.

например, Полабы¹ в Линебурге²; есть славяне также и в Италии в Милане, в Трансильвании, Молдавии, Валахии, Турции, в Греции и даже в Азии. Число их мало и незаметно, и легко определить его невозможно. Что касается конкретных Славянских колен, как они делятся, об этом будем говорить в другой раз.

¹ Полабы (полабские славяне) — условное название для различных ветвей славянского племени, занимавших, приблизительно с половины V-го века, южное побережье Балтийского моря и бассейн р. Лабы (Эльбы) и дробившихся на массу мелких колен.

² Линебург (город) — расположен в Нижней Саксонии, Германия, в 50 километрах от Гамбурга.

А.С. БУДИЛОВИЧ

ПАНГЕРМАНИЗМ И ПАНСЛАВИЗМ¹

Если до последнего времени могло еще оставаться сомнительным решение вопроса о том, что должно быть принимаемо руководящим мотивом и центральной осью политических движений XIX века, то после знаменательных событий наших дней ответ на этот вопрос не может быть ни колеблющимся, ни двусмысленным. Ни различие вероисповеданий, ни округление границ, ни отношения династические, ни политическое равновесие, ни исторические предания, ни интересы экономические, — а начало народностей служит знаменем времени, главным двигателем политических событий века. Это та же борьба рас, которою открывается новоевропейская история и которою, без сомнения, она закончится, потому что борьба за существование началась в первый день возникновения живых сил, и она окончится в последний день их существования. Быть может, это печально и безотрадно, но оно неминуемо и необходимо как закон жизни. Можно сказать, что и те, по-видимому, совершенно духовные и отвлеченные идеи, за которые приходилось бороться странам и народам, в сущности, были лишь внешнею оболочкою, закрывавшею бессознательные инстинкты рас и племен в их борьбе за существование. Так, напр., борьба католицизма с православием не была ли продолжением исконной борьбы эллинизма и романизма, из коих первый с течением времени усыновил себе славянские народы Востока, а второй — кельтические и германские Запада? А протестантизм не был ли реакцией чистого германизма преобладанию чисто романских народов? Бывали, правда, кровавые столкновения между народами одного племени, напр., столкновения Франции с Испаниею и Италиею, Германии со Швециею и Англиею; особенно это явление было частым в кругу племени славянского, где братоусобия болгар с сербами, поляков с чехами и русскими и т.д. почти не прерывались. Близорукое служение чужим целям, мелкое самолюбие и корысть были главными причинами подобных столкновений. Эта внутренняя племенная борьба имела и полезные результаты: она выдвигала из среды племени один член, наиболее способный стать его представителем и центром. Но зато она же позволяла соседям и иноплеменникам отрывать кровное

¹ *Будилович А.С. Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство. М., 2014. С. 130-136.*

достояние племени, отнимать пограничные земли и искоренять их население. И эти уроки прошлого постепенно умудряли поколения: они убеждались, что их сила и независимость могут быть сохранены лишь совокупными усилиями всего племени. Идея народностей из области темных инстинктов и предчувствий постепенно переходила в ясное сознание и становилась заправляющим двигателем политической жизни государств и народов. Было еще другое обстоятельство, к концу прошлого века приготовившее окончательное торжество идеи народностей. В те века, когда политическая деятельность была в исключительном обладании немногочисленного класса людей привилегированных, политика мало заботилась об языке, быте и понятиях, о сочувствиях и стремлениях народных масс. Территория определенная и округленная считалась тогда гораздо более важною принадлежностью политического организма, чем народ определенный и округленный. Владетельные дома смотрели на свои владения как на личную собственность, которую они имеют право отчуждать, обменивать, завещать и т.д. Дряхлые хартии считались гораздо более важными, чем воля и интересы миллионов людей. Но с успехами народного образования, с развитием общественного смысла в народах стало вырабатываться сознание, что им одним принадлежит право устраивать свое политическое положение, точно так, как и отношения социальные и экономические. С тех пор все политические предания, все трактаты и договоры получили смысл совершенно условный и удержали значение лишь настолько, насколько они соответствовали потребностям народной жизни и стремлениям народной воли. Все политические образования, опирающиеся на традиции, а не на внутреннюю необходимость и целесообразность, должны были уступить место новым политическим организациям, слагающимся если не исключительно, то преимущественно по группам племенным. Французская революция и наполеоновские войны имели в этом отношении влияние столь же решительное на новую Европу, как крестовые походы на среднюю. Самыми ранними произведениями этого движения были освобождение Сербии и Греции от Турции и Голландии от Австрии.

В дальнейшем своем развитии это плодотворное начало коснулось разделенной и истощенной Италии, окончательное объединение которой совершается на наших глазах. Знамя народности подняли также мадьяры и поляки, но к этому благородному знамени они привязали гнилые лоскутья старых и заплесневелых хартий, вследствие чего оно может сделаться для них знаменем погрязлым.

Но все эти отдельные знамена должны поникнуть и склонить голову перед двумя великими знаменами. Пангерманизм и панславизм почти ровесники по времени рождения, если не говорить о неудавшихся попытках подобных комбинаций во времена от нас отдаленные. Первое возрождение как того, так и другого относится ко времени Иосифа II¹. Его германизаторские стремления вызвали реакцию в славянских землях Австрии, которая была усилена событиями конца прошедшего и начала настоящего века. Последняя попытка создать всемирную монархию Наполеона I² разлетелась дымом, и, быть может, мы были бы свидетелями совершенно других политических комбинаций, если бы консервативные силы старой Европы не водворили на целые полвека политику реакции, которая лишь теперь начинает окончательно и, надеемся, безвозвратно терять под собою почву. Но этот полувековой политический сон не мог приостановить тихого развития общественной мысли в области науки, и эта незаметная литературная пропаганда, на которую не обращали внимания и над которой трунили как над бесплодными умничаньями и фразерством, подготовила почву для деятельности уже чисто политической. Мы знаем, как полезны были Бисмарку³ литературная пропаганда пангерманизма и сочувствие к этому молодой либеральной части образованного общества как Северной, так и Южной Германии. Пангерманизм впервые сказался теперь положительными фактами, и как блистательно выступление этого нового одушевленного и самоуверенного деятеля на поприще политической жизни Европы! Не беспричинен этот беспредельный энтузиазм всего германского населения; не случайны успехи оружия этой новой силы, и не преходяща слава нового деятеля. Бисмарк успеваеет главным образом потому, что он плывет с течением. В том именно и заключается величие исторического деятеля, чтобы разгадать стремления и потребности времени и места и овладеть существующими силами, как физическими, так и нравственными. История нашего времени так богата всякого рода неожиданностями, что трудно кому-нибудь поручиться, что та же армия, которая чрез два года после Копенгагена побывала близ Вены, а чрез четыре года после Вены очутилась под Парижем, что та же самая миллионная армия

¹ Иосиф II (1741–1790) — Император «Священной Римской империи» в 1765–1790 гг.

² Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский император (1804–1814, 1815), полководец и государственный деятель.

³ Отто фон Бисмарк (1815–1898) — немецкий государственный и политический деятель, Рейхсканцлер Германской империи (1871–1890).

через несколько лет вдруг не очутится под Петербургом и Москвою... Конечно, и вторичный пожар не отнимет у Москвы права на имя Третьего Рима; конечно, и самые печальные поражения не сокрушат России, потому что молот, дробящий стекло, лишь кует булат, потому что неисчерпаемы ее силы и не выполнено еще ее историческое призвание. Но если преступно малодушие, то еще преступнее та слепая самоуверенность, которая на наших глазах погубила императорскую Францию: как ни громадны естественные силы России, как ни беспределен патриотизм ее населения и как ни тверда, ни надежна связь престола с народом, но все же мы не должны забывать, что мы будем иметь против себя громадную коалицию всей почти Европы, что наши границы слабо защищены и неудобны для обороны, что наши пути сообщения не могут равняться в стратегическом отношении с громадными перевозочными средствами наших будущих противников, в руках которых будут находиться Зунд и Босфор, что перевооружение нашей армии далеко еще не окончено, что по многим статьям военных потребностей Россия находится в зависимости от заграничных рынков, которые всегда могут быть для нас закрыты, что наши финансы находятся далеко не в таком твердом положении, чтобы не пошатнуться под тяжестью борьбы с европейскою коалициею. Итак, нельзя не видеть, что Россия не вполне приготовлена к событиям, которые могут предстоять ей в более или менее близком будущем. Хорошо, если обстоятельства отсрочат столкновение до той минуты, когда мы с большим правом, чем злополучной памяти маршал Лебёф¹, в состоянии будем сказать: «Россия готова». Но станут ли нас ожидать? Не знают ли недруги России, что каждый день мира уменьшает шансы их успеха, увеличивая наши? Потому-то нельзя быть достаточно поспешными в приготовлении к великим событиям, которыми так чревато ближайшее будущее.

Но правильный ход внутренних приготовлений не может составлять единственной заботы нашего общества. Внимательное изучение событий последнего времени убеждает нас, что при всех достоинствах военного устройства, финансового управления и системы народного образования в Пруссии это государство не в состоянии было бы достигнуть таких блистательных результатов, если бы оно не объявило себя центром новой политической организации, устройство которой почти удвоило прусские силы и на долгое время обеспечило за Гер-

¹ Эдмон Лебёф (1809–1888) — французский военный и государственный деятель.

манию преобладание в Средней и Западной Европе. Урок этот лишь тогда не пропадет для России даром, она тогда лишь станет на высоте предназначенного ей исторического призвания, когда она возьмет в свои руки знамя славянства, подобно тому как Пруссия подняла знамя германизма. Необходимо раз и навсегда поставить вопрос твердо и определенно: в континентальной Европе образуется великая сила, которая раньше или позже естественною силою событий соберет около себя весь германский народ от Балтийского до Адриатического и, чрез гогенцоллернскую¹ Румынию, до Черного моря. Синий славянский Дунай становится рекою такою же немецкою, какими стали Лаба, Одра и Рейн. Та же участь угрожает Висле и Неману. Наш балтийский флот замкнут в своих ледяных гаванях и отрезан от океана новою повелительницею Зунда и Бельтов. Боковые линии железных дорог от Либавы и Риги до Киева и Одессы становятся под охранительную сень немецких пушек... Разве это сонный бред? Есть ли в Европе хоть один наивный политик, который не знал бы, что нет ничего легче, как образовать против России европейскую коалицию, коль скоро есть шансы хоть некоторого успеха. А где наши союзники? Австрия? Турция? Англия? Дай Бог, чтобы современная война научила Францию, что нет в Европе державы, менее враждебной ее интересам, как Россия. Но старые предрассудки долго сохраняют власть над умами, особенно если во Франции будет восстановлено всегда враждебное России наполеоновское правительство. Американские штаты? Мы верим их практическому смыслу, их умению разгадывать своих друзей и недругов; надеемся, что Америка будет с Россией, особенно если будет видеть в последней все шансы на успех. А иначе?..

Есть, впрочем, в Европе еще один 30-миллионный народ, побочная ветвь того 70-миллионного славянского племени, которое составляет основу русского государства. Разнообразно его современное положение, различна степень силы и образования, различны направление и характер деятельности; но все это 30-миллионное славянское племя за пределами России одинаково недовольно современными политическими порядками и жаждет возрождения и освобождения. Напрасно у нас думают, что политическое сознание в них еще слишком слабо пробуждено, что России нельзя на них рассчитывать. Падение папизма и восстановление православия на славянском западе

¹ Гогенцоллерны — германская династия, одна из ветвей рода стала курфюрстами Бранденбурга, а затем королями Пруссии.

должны будут уничтожить последнюю грань, разделявшую славянство на два враждебные лагеря. С другой стороны, возрастающее давление со стороны германизма будет вызывать западных славян на борьбу за существование, в которой они должны искать точки опоры в России, потому что иначе даже соединенная федерация западнославянских народностей не в состоянии будет долго выдерживать германизаторского напора. Тогда, быть может, и Польша умудрится и разглядит наконец, что не с востока, а с запада приближается опасность народности, особенно если демократический поток смоеет и снесет окончательно шляхетскую шелуху, которая в продолжение стольких веков выдавала себя за польский народ, бесчестнейшим образом эксплуатируя его труд, силы и позоря польское имя.

Федеративное славянство в 100 миллионов человек могло бы тогда спокойно и доверчиво смотреть на существование рядом с ним той самой 50-миллионной державы, которая в настоящее время внушает ему справедливые опасения. Господство в Восточной Европе свежего и сильного, но миролюбивого и добродушного народа было бы залогом многих веков мирного преуспеяния наук и искусств, промыслов и торговли.

В.И. ЛАМАНСКИЙ

ВЗГЛЯД НА СУДЬБЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО СЛАВЯНСТВА¹

В Европе и отчасти в Америке живет слишком 36 милл. Западных Славян (при этом мы считаем поляков в России, но исключаем русское население Астро-Венгрии, потому что оно относится к славянству восточному). По-видимому, западное славянство представляет собой огромную силу и величину весьма почтенную, и должно бы было внушать соседям высокое уважение к себе. Но, к сожалению, не так это в действительности. Кроме сербов и болгар, ни один из западно-славянских народов не имеет своего государства. Черногорское княжество по площади своей и по числу населения так мало, что в строгом смысле и названия государства не заслуживает. Новейшая судьба Сербии, полная борьбы между королями — отцом и сыном — уронило значение этого небольшого, молодого государства. Основанное в 1879 г. болгарское княжество пережило за эти 20 лет очень много: переворот в Румелии, присоединение ее к княжеству, войну с Сербией, свержение с престола первого князя — Александра Баттенберга², попытки к восстанию болгарских эмигрантов и их казни, избрание князем Фердинанда Кобурга³, диктатуру и затем убийство Стамбулова⁴. В настоящее время Болгария переживает тяжелый экономический кризис. Во всяком случае, положение юго-западного славянства, как свободного, так и австро-венгерского, очень печальное.

В хорватско-славонском королевстве, невзирая на самоуправление, вполне хозяйничает венгерское правительство; в собственной Венгрии сербы совершенно принижены и подавлены мадьярами и уже давно не имеют на сейме ни одного представителя. Северо-западное славянство выше юго-западного по культуре (густота населения, ра-

¹ Ламанский В.И. Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 2–15.

² Александр Баттенберг (1857–1893) — первый князь Болгарии из германской династии Баттенбергов.

³ Фердинанд I (1861–1948) — князь, а с 1908 г. царь Болгарии.

⁴ Стефан Стамболов (1854–1895) — болгарский политический деятель, премьер-министр Болгарии.

циональное хозяйство, фабрики, заводы), по образованности, по богатству литератур, по несравненно большей значительности их старой национальной истории. Мы разумеем тут, конечно, не всех северо-западных славян, а преимущественно чехов и поляков. Но поляки уже сто лет как утратили свое государство и состоят подданными трех соседних государств. В Австрии (с конца 60-х годов нынешнего стол.), они пользуются, как балованные дети Вены, большими правами в Галиции и играют большую роль в парламенте; но это польское влияние сосредоточено в руках дворянства и духовенства, так назыв. партии станчиков, которая не пользуется ни уважением, ни любовью не только в малорусской половине галицкого населения, но и в польском крестьянстве и у лучших представителей польской интеллигенции. Печальное экономическое положение, постоянное выселение из Галиции в Америку, постоянные насилия и злоупотребления при выборах — таковы отличительные черты управления станчиков. Поляки в Пруссии по своей культуре, благодаря немецкой школе и высокой немецкой образованности, стоят выше своих земляков австрийских и русских, но положение их довольно безнадежное; ни от верховной власти, ни от парламента, куда они посылают своих представителей, ни от общественного мнения Германии они не могут ожидать даже задержки, а не то что отмены всего того, что ведет к давно уже начатой и энергически продолжаемой германизации слабо защищенного и неприкрытого славянского населения. Русские поляки не пользуются политическими правами австрийских и прусских поляков, но экономически они стоят гораздо выше галицких. Росту Варшавы и других русско-польских городов могут завидовать Краков и Познань, положению русско-польских крестьян — галицкие крестьяне и немногие прусские. Тем не менее, и поляки, самая крупная народность в сев.-зап. славянстве, не представляют ныне, в силу исторических обстоятельств, крупной величины ни в политическом, ни в экономическом мире. Польша, впрочем, сама по себе была сильна лишь однажды, и то очень давно (с конца X в. до 1025 г.) при Болеславе Храбром¹. Затем она вновь поднимается при Казимире Вел.², хотя она тогда потеряла близкое и сродное Поморье (Померанию) и чисто польскую Силезию, зато приобрела Червонную Русь. При Ягайловичах³ она становится

¹ Болеслав Храбрый (967–1025) — князь и первый король Польши.

² Казимир Великий (1310–1370) — король Польши.

³ Ягайловичи — великокняжеская и королевская династия, правившая в государствах Центральной и Восточной Европы в XIV–XVI веках.

большим государством, в соединении с великим княжеством Литовским: и по площади, и по населению она была тогда более русской и православной. Болезненное развитие магнатов и шляхты и латинский фанатизм возложили на Польшу непосильную задачу ополячения и окатоличения русского населения — и она пала в борьбе с восточной Русью. В народах соплеменных и равноспособных число населения и пространство занимаемой ими площади всегда играют роковую роль.

У чехов, в Чехии и Моравии, образование народное и вообще культура стоят выше, чем у поляков. Баловнями австрийского двора, каким являются галицкие поляки (собственно станчики), чехи не стали, хотя между магнатами и епископами чешскими не мало его любимцев и друзей, более близких ему по духу и влечениям Вене, чем даже галицкие магнаты и епископы. Против привилегированного положения поляков в Галиции ничего не имеют ни немецкие партии в Цислейтании, ни сама Германия; за сохранение этого положения говорит соседство Галиции с Россией, слабое развитие польского крестьянства и малорусского народа в Галиции. Но в Чехии магнаты и епископы не могут играть такой роли и забрать такой власти, как польские в Галиции, благодаря культурному развитию чешской народности, к которой не может питать расположения ни один из приемников Фердинанда II¹. По другим причинам нельзя ожидать восстановления исторического государственного права королевства чешского с государственным чешским языком, официально обязательным для всего немецкого населения Чехии. Немцы в Чехии составляют добрую треть населения, плотно примыкая к немецкому населению Германской империи. Как смотрят там на обязательное обучение чешских немцев чешскому языку — всем известно (Момзен), шлезвиг-голштинский вопрос дает указание, что могло бы за это ожидать Австрию.

Австрия ослаблена восстановлением прав короны св. Стефана; почему же корона св. Вячеслава, пожалованная чешскому королю лично, *а не потомственно*, императором Генрихом IV² (за помощь, ему оказанную против саксонцев и папы Григория VII³), окажет совершенно иное действие и укрепит Австрию, разделив ее, уже без того раздвоенную.

¹ Фердинанд II (1578–1673) — король Чехии.

² Генрих IV (1050–1106) — император Священной Римской империи.

³ Папа Григорий VII (1015–1085) — Папа Римский с 22 апреля 1073 г. по 25 мая 1085 г.

Западное славянство вообще несогласно признавать за истину то простое положение, что в борьбе за равноправность народностей с сильным противником нужно иметь, если не лучшее, то одинаковое с ним оружие. Немцы, как и итальянцы когда-то, как и по сие время славяне, имели несколько литературных языков, но, благодаря счастливому сочетанию разных внешних и внутренних обстоятельств, гению писателей и здравому смыслу народа, они объединились в литературе и образованности и возымели общий литературный язык. У 36 миллионов Славян — 7 или 8 (если считать кашубский) литературных языков. В Австро-Венгрии нет кашубов и почти нет болгар, но все-таки остается 6 языков. Можно ли ожидать, чтобы немцы хотя бы одной Цислейтании выучивались всем этим языкам и понимали бы речи славянских ораторов в венском парламенте на их родных языках? И не обречено ли племя, разделенное на несколько самостоятельных народностей, постоянно уступать племенам, не бросившим обработки своих наречий, но все же объединенным одним общим языком, обязательным для каждого образованного итальянца, немца, француза, испанца, англичанина, сев. американца. Если бы у 36 милл. западных Славян, по крайней мере, среди их интеллигенции, средней и высшей, мог как-нибудь утвердиться один из языков, более в мире распространенных и нужных для усвоения многим и многим иностранцам, один из языков, богатых или своим великим прошлым, или несомненно великим будущим, то славяне в своих собраниях с немецкими согражданами могли бы говорить с ними не по-немецки, а на этом общем их языке, и немцы могли бы легко выучиться одному языку, дабы свободно понимать речи западных славян. Ясного понимания речей и докладов в устном и письменном изложении на всех западно-славянских языках (хотя бы, например, на всех ученых съездах, кроме съездов филологов и лингвистов-славистов) нельзя требовать и ожидать когда-либо даже от иных славян не западных, напр., русских. В любом более или менее многочисленном собрании русских образованных людей всегда найдется значительное большинство хорошо понимающих языки французский, немецкий и английский — и лишь ничтожное меньшинство понимающих по-сербски, болгарски и т.д. Ни польская, ни чешская, ни сербская речь никогда не возымеют мирового значения. Для того требуются не одни дарования и культурные успехи известного народа, но и быстрое его размножение и распространение, и обширная государственная его территория.

Западно-славянские патриоты часто говорят, что поляки, чехи, сербо-хорваты составляют такие же национальные особи, как Италия,

Испания, Франция — в романском племени, или Германия, Великобритания и Сев.-Американские Соед. Штаты — в германском, и, следовательно, как французский язык не может быть общеобязательным для итальянцев и испанцев, или немецкий — для англо-саксов Британской империи и Американской республики, или обратно, точно также не может быть и такого славянского языка, который бы мог когда-либо стать общеобязательным для всех западных Славян высшего и среднего образования. Но так ли это? Одинаково ли расчленение славянского племени с расчленением племен романского и германского, одинакова ли историческая эволюция отдельных славянских народностей и народностей романских и германских? Романское племя распадается на три почти равнозначительные величины, если не в настоящем, то в историческом прошлом: Франция, Италия Испания (первая и вторая — с их швейцарскими частями); затем идут Португалия с своими колониями и с своим навыком, распространенным и в Новом Свете (в Бразилии), маленькая народность ладинов или фуриян, наконец, Румыния, с своими родичами в Бессарабии, Трансильвании, Вост. Венгрии, Болгарии, Греции и разных краях Европ. Турции. Румыны — единственный не католический народ между романскими, имеют в своем языке и в своей крови сильную примесь славянскую, живут вдали от прочих романцев и окружены славянами. Нет также сходства в расчленении славянства и с германским миром, представляемым тремя (или, собственно, двумя) великими национальностями; англо-саксонской в империи Вел. Британской, англо-саксонской в Северо-Американских Соедин. Штатах и немецкой, с Германской империей, немецкими кантонами швейцарскими и чисто немецкими областями Австрии (Цислейтании¹), и несколькими малыми национальностями: голландской с ее старым государством и важными колониями, фламандским населением Бельгии и скандинавскими народностями (Дания, Норвегия и Швеция).

Все славянство (вместе с русским народом) в своем расчленении только тогда походило бы на романское племя, когда бы последнее было представлено Францией со всеми ее колониями и некоторыми частями Италии, не соединенными в одно государство и не объединенными одним литературным языком, Португалии без ее колоний и

¹ Цислейтания — в 1867–1918 гг., название одной из составных частей монархии Австро-Венгрии, земли, непосредственно подконтрольные австрийской имперской короне.

затем королевством Румынским и ладинами или фуриянами¹. Точно также между германским племенем и славянским было бы сходство, если бы первое состояло или из одной англо-саксонской национальности, нескольких средних государств и нескольких маленьких безгосударственных народностей, не объединенных литературой.

Когда славяне австрийские указывают на свое численное преобладание над немцами австрийскими, то последние им справедливо замечают: «Вы забываете, что немцы австрийские — одна нация с немцами империи, соединенная одним языком, тогда как Славяне — не нация, а племена (Slämme), не объединенные одним языком, т.е. нечто вроде старых немецких или итальянских республик княжеств и королевств, только не объединенных, как итальянцы или германцы, ни папством, ни империей, ни общим литературным языком». Еще можно находить некоторую аналогию не всего славянства, а только западного с прежними средневековыми, не объединенными в одно государство и одну национальность Испанией и Италией — но и то лишь отчасти, так как ни та, ни другая не имели таких иноплеменных клиньев, какие издавна образовались между северным и южным славянством (немецкий, мадьярский и румынский). Была и Франция разделена на несколько народностей и на разные почти вполне самостоятельные государственные области; но Испания и Франция давно собрались в одно цельное государство, как недавно и Италия, и все три давно объединились общими литературными языками.

Ничего подобного в западном славянстве не было и не предвидится хотя бы только между юго-западными Славянами — болгарами, сербами, хорватами и словинцами, хотя все они связаны непрерывным соседством. У сербов и хорватов уже около полувека имеется, по-видимому, одна литература, один литературный язык, в разные времена различно называемый (словенский, иллирский, югославянский, сербо-хорватский). Сербские и хорватские писатели и деятели части высказывают пожелание, чтобы примеру хорватов-чакавцев и кайкавцев последовали болгары и словинцы, приняв сербо-хорватский язык за свой литературный язык; но ни болгары, ни словинцы (за исключением весьма немногих, напр., в 40-х гг. Станко Враз²) этим увещаниям не внемлют и если считают для себя обязательным хорошее знание иного славянского языка, кроме родного, *то только русского*. И болгары, и словинцы (не говоря о славистах) счи-

¹ Ладина и фурияны — народы, романской языковой группы.

² Станко Враз (1810–1851) — югославянский поэт и просветитель.

тают для себя гораздо более важным знакомство с русской литературой, чем с сербо-хорватской. Да и так называемое литературное объединение сербов и хорватов еще далеко нельзя назвать вполне состоявшимся. В большинстве случаев между сербской и хорватской книгами есть различия в формах, синтаксисе и словах, не говоря уже о разных алфавитах и разном, поэтому, правописании. Посторонним наблюдателем давно уже сделано замечание, недавно подтвержденное авторитетным голосом одного из первых сербских ученых и писателей, г. Новаковичем, что в настоящее даже время «ни хорваты сербских книг, ни сербы хорватских не читают (Новакович¹, «Српска книга»).

Число словинцев, знающих русский язык, быстро, увеличивается; число болгар, гораздо лучше знающих и больше читающих по-русски, чем по-сербски, давно уже превзошло число болгар, знающих лишь по-сербски. Трудно себе представить время, когда сербская книга могла бы вытеснить русскую у болгар и словинцев, тем более что число сербов и хорватов, знающих по-русски, постоянно увеличивается.

Что касается до северозападных славянских народностей, то они представлены двумя относительно большими народностями — чехами и поляками, и двумя совсем маленькими — словаками и серболужичанами. Ни чехов, ни поляков нельзя, однако, сопоставлять с большими романскими национальностями — Францией, Испанией и Италией, хотя между падавшей Испанией и падавшей Польшей даровитый Лелевель² проводит очень меткую и верную параллель. Нельзя северо-западных славян вполне сопоставлять ни с голландцами, ни с скандинавскими национальностями, ибо Голландия, со своими колониями — страна вполне независимая, богатая, непрерывно развивавшая свою оригинальную образованность, датчане же и норвежцы соединены литературно; а были соединены и политически, как шведы и теперь соединены с норвежцами. Нельзя также ожидать ни государственного, ни даже литературного объединения и для северно-западного славянства. Было время, когда словаки были литературно соединены с чехами, но это время прошло, хотя и поныне протестанты-словаки в своих кирках читают Библию и молитвы чешские (но

¹ Стоян Новакович (1842–1915) — сербский ученый и общественный деятель.

² Иоахим Лелевель (1786–1861) — польский историк и общественный деятель.

слушают проповеди обыкновенно словенские), да и вообще гораздо больше читают чешские книги, чем сербы — хорватские и хорваты — сербские. Разъединение (с нач. 50-х гг.) словаков и чехов не помешало ни тем, ни другим (по крайней мере, лучшей части их интеллигенции), особенно в последние два десятилетия, сделать огромные успехи в знакомстве с русским языком и русской литературой.

Нельзя ожидать, чтобы один из главных северо-западных славянских народов, будь то чехи или поляки, мог доставить своему языку преобладающее значение, роль хотя бы посреднического (*Vermittlungs-Sprache*), дипломатического, а не то, что общелитературного языка. Это невозможно потому, что чехи сходятся с поляками только в Силезии — отчасти в прусской, более в австрийской, где преимущественно те и другие имеют свои школы, журналы, собрания. Но здесь между поляками и чехами идет мало скрываемая борьба, несколько похожая на борьбу болгар и сербов в Македонии. Чехи сочувствуют полякам русским и прусским, но завидуют полякам австрийским и всем их правам и привилегиям, щедро им Веной раздаваемым с конца 60-х гг. Поляки не скрывают, что они с чехами заодно далеко идти не могут, дабы ничего из полученного от Вены не утратить и не упустить случаев к новым приобретениям. Поляков слишком в 2½ раза больше, чем чехов; они считают свое прошлое несравненно более блистательным и важным, чем прошлое чешское.

Поляки австрийские, как власть имущие в Галиции, налагают на галицких малорусов свою польскую речь, как бы своего рода язык государственный. Могут ли они думать о принятии чешского языка за язык дипломатический, а тем менее, когда-либо, за язык общелитературный? Еще менее могут думать о том поляки прусские и русские.

Точно также невероятно и невозможно приятие чехами языка польского за орган дипломатический и тем более общелитературный. Мало давшие, сравнительно с поляками, в художественной литературе, чехи справедливо указывают на свою, самую богатую из всех славянских средневековую литературу, имевшую такое сильное влияние на польскую (средневековые романы, повести, легенды, ранний и хороший перевод Библии, Александрия, Ткадлечек. Ф. Штитный, Я. Гус, Хельчицкий, старые правоведы, книга Розенберга, Андрей Дубский, Корн, Вшегорд, книга Товачевская, труды братьев Чешских, особенно их Кралицкая Библия, и наконец, Я. Ам. Коменский¹). И в новейшее время труды чехов (и словаков, писавших по-чешски)

¹ Ян Амос Коменский (1592–1670) — чешский педагог-гуманист.

по славянским древностям, славянской филологии и этнографии, по естествознанию, по медицине и вообще по прикладным знаниям, не говоря уже об их заботах по народному образованию, ставят чехов выше поляков в смысле умственного развития и вообще просвещения. Таким образом, хотя чехов и гораздо меньше, чем поляков, но нет никаких оснований рассчитывать на широкое среди первых распространение польского языка.

Между тем, за последнюю четверть века у чехов и вместе с тем у поляков (в России), хотя отчасти по разным причинам, русский язык и русская литература распространились еще более, чем даже у болгар, сербов и словинцев. Она имеет друзей и верных ценителей даже среди австрийских и прусских поляков (Третьяк, Ашкенази, Брикнер и др.). Года два тому назад *«Познанский Дневник»* выражал даже желание, чтобы *в средних школах познанских (или вообще прусских) было введено обязательное преподавание русского языка*, на что, впрочем, иные галицкие польские органы очень негодовали. Мысль о политическом объединении чехов и поляков была кое-где пущена в ход 60-х гг., вероятно не без вдохновения изобретательного на подобные прожекты Наполеона III, думавшего об отдаче Саксонии королю прусскому и о вознаграждении за это саксонской династии коронами польской и чешской. Во всяком случае, подобное государство, имевшее быть, по примеру нынешней Австро-Венгрии, дуалистическим, в настоящее время не может не представляться мечтой очень туманной.

И так, в ближайшем будущем не предвидится ни политического, ни литературного взаимного объединения как всего западного славянства, так и каждой из двух его отдельных групп, т.е. юго-западной (болгар, сербов, хорватов, словинцев) и северо-западной (поляков, чехов-мораван, словаков, сербов-лужичан). Оттого все славянство представляется совершенно своеобразно расчлененным на стотридцатимиллионную Русскую империю и на восемь народностей, с восемью литературными языками. Западные славянские племена, как отдельные национальности, слишком слабо вооружены и каждое из них слишком малочисленно для ежедневного соперничества и борьбы с немцами и отчасти итальянцами (а также мадьярами), объединенными государственно и литературно.

В. Ламанский

И.В. КАМЕНСКИЙ

ПАНСЛАВИЗМ, ПАНГЕРМАНИЗМ И ПАНРОМАНИЗМ В XX ВЕКЕ

ОЧЕРКИ И.В. КАМЕНСКОГО

ПОСВЯЩАЕТСЯ УЧАСТНИКАМ
ГААГСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ¹

Предисловие

Предлагаемые вниманию читателей очерки печатались в «Славянском Веке», всеславянском журнале, который издаётся в Вене доктором философии Дмитрием Николаевичем Вергуном

(Wien, VIII / 2 Bennogasse 22).

Так как панславизм есть лишь одно из проявлений федерализма, возвещенного официально созванием знаменитой мирной конференции в Гааге, то я и решаюсь посвятить мои скромные очерки Г.г. участникам этой конференции.

И. В. К.

1. Взгляд на современное положение Европы

Никто в настоящее время не сомневается, что человечество и особенно Европа находятся накануне великих событий. Войны греко-турецкая, японско-китайская, испано-американская, англо-африканская и недавнее столкновение Европы с Китаем являются грандиозными прелюдиями к предстоящим всемирно-историческим явлениям. Милитаризм, доведённый в Европе до небывалых размеров со времени франко-прусской войны 1870 года, закончившейся объединением почти всей Германии (за исключением немецких областей Австрии), возбуждал и возбуждает повсюду тревожные ожидания Великоевропейской войны.

Да и в самом деле! В Европе существует столько Гордиевых узлов, что даже гениальный ум Бисмарка не в состоянии был бы их мирно распутать. По-видимому, только мечом, по примеру Александра Македонского, можно разрубить эти узлы.

¹ *Каменский И.В.* Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса: типо-лит. А. Шульце, 1902.

Гордиевыми узлами современной Европы является целый ряд социальных и политических вопросов. Социальные вопросы мы в настоящих очерках оставим в стороне, а коснёмся лишь вопросов политических.

Поляки работают ныне спокойно, мирно и вполне сознательно над возрождением своего народа; они его и добьются рано или поздно, конечно при содействии прочих славян.

Ирландцы, изнемогавшие долго под гнётом Англии, стремятся к равноправности, а может быть, надеются и на полное обособление от своей порабительницы, если соседка Англии, многовековой враг её Франция поддержит национальные стремления ирландцев, территориально близких и этнографически родственных кельто-романскому населению юго-западной Европы,

Кроме польского и ирландского вопросов, на политическом горизонте Европы давно уже собралась грозная туча, известная под именем Восточного вопроса. В этой балканской туче скопилось много исторического электричества благодаря постоянному трению между элементами славянских с одной стороны, мадяро-романских с другой, турецким с третьей и греческим с четвёртой стороны.

Кроме польского, ирландского и балканского вопросов существует ещё целый ряд политических недоразумений и осложнений в пределах почти каждого европейского государства, особенно в пределах Австро-Венгрии, Германии и отчасти в России.

Итак, политическое состояние современной Европы можно считать ненормальным — и не только с точки зрения Гаагской мирной конференции¹, но даже с чисто медицинской точки зрения: пульс у европейских народов бьётся сильнее нормального, общая температура — повышенная, нервы — расстроенные, зрачки расширяются, кулаки инстинктивно сжимаются...

Скопление электричества в Европе объясняется, прежде всего, социально-политическим трением разнородного населения, почти уже переполняющего Европу. Невольно вспоминается теория Мальтуса о будущем переполнении земного шара человечеством! Избыток в населении Европы и погоня за новыми рынками для сбыта европейских товаров неизбежно привели Европу к колониационной политике. Результаты этого исторического процесса следующие: 1. обособление Америки (Америка для Американцев — теория Монроэ);

¹ Мирные конференции в Гааге (1899, 1907 гг.) — конференции, посвященные вопросам международного гуманитарного права.

2. обособление Австралии, номинально, правда, зависящей от одной из европейских держав; 3. постоянные столкновения европейцев с туземным населением в малокультурной Африке, а порою и друг с другом (англичане и французы в Фашоде); 4. что касается Азии, то здесь мы видим захват 200-миллионной Индии несколькими сотнями тысяч англичан, делёж Индо-Китая (англичане в Бирме, французы в Аннаме и Тонкине) и недавнюю попытку «европейского концерта» поделить, если возможно, и Китай по-братски между собою.

Но это оказалось невозможным! 400-миллионный Китай, этот старик в культурном отношении (какова бы ни была его культура) по сравнению с Европой, терпел-терпел бесцеремонное кусанье европейских комаров, напевавших ему на ухо свои концертные серенады, но не выдержал наконец и решил прихлопнуть назойливых незваных насекомых, прилетевших из-за моря, своим «большим китайским кулаком». Мы можем и должны жалеть своих павших в этом деле собратьев, но беспристрастный историк скажет, что столкновение Китая с Европой было неизбежным. Мало того: если рассуждать с исторической точки зрения (а не с узко-патриотической), то вполне возможно в XX–XXI веках вторжение в Европу (напр., вдоль Сибирской железной дороги) монгольской волны — на этот раз уже не гуннской, не татарской, не турецкой, а китайской многомиллионной волны, которую привёл в движение европейский ветер, всколыхнувший заплесневевшее восточно-азиатское культурное болото. Китайцам ведь тесно у себя, да и пищи не хватает для 400 миллионов голодных ртов: и китайцы тоже перейдут когда-нибудь к «колониционной» политике; куда же им направиться, как не в соседнюю Европу? В Индии ведь и без китайцев голодовки. Европе несомненно грозит в будущем серьёзная борьба с Азией: не только с Китаем, но пожалуй и с Индией, которая под влиянием соседнего с нею в Китае движения, скоро очнётся от английского гипноза; надо опасаться отчасти и передней Азии (вспомним убиение русского посланника Грибоедова персидской чернью); мусульманский мир азиатский, африканский и европейский не имеет основания быть расположенным к европейцам; притом, надо всегда предполагать худшее.

Выше мы видели, что Европе грозит опасность изнутри благодаря множеству политических и социальных осложнений; а теперь приходится сказать, что не лучше обстоит дело извне.

Для наглядности полезно сопоставить два газетных сообщения, знакомивших нас с воззрениями Востока по отношению к Европе.

В Шанхае получена была копия эдикта, опубликованного принцем Гуаном во время китайско-европейской войны.

«Теперь мы уже не в том положении, — говорится в этой прокламации, — в каком мы были, когда неприятель внезапно напал на наш народ, убивая наших братьев тысячами под самыми стенами Пекина. Теперь у нас — дальнобойные ружья и изобилие пушек¹. Мы также не оставим без внимания тех, которые будут сражаться во время этой богоугодной войны²; им выдадут вознаграждение. Все те, которые останутся верны своей клятве, получат в изобилии рис и вино, для того чтобы сохранить бодрость и силу. Иностранцы — люди маленькие и слабые, которые не могут оказать никакого сопротивления; они уже напуганы, и одним ударом вы их уничтожите. Избивайте их хорошенько, чтобы ни один из них не остался жив».

Турецкая печать выказала сочувствие китайцам, радуясь смятению Европы, и грозит ей в недалёком будущем гибелью вместе со всей христианской культурой.

«Напрасно, — заявлялось тогда в мусульманских газетах, — Европа думает, что Восток обречён на вымирание. Китай долго спал безмятежным сном, но теперь он просыпается. И — берегись, Европа! Много веков ты бесчинствовала на земном шаре, топчя и разрушая святыни народов... Европа воцарилась на свете, подобно вампиру, который липнет к дремлющему телёнку. На Азию Европа напала, как голодный хищник. В Америке, Австралии, Африке Европа обольщала доверчивых детей природы разными побрякушками и избивала целые народы с их верованиями, обычаями, общественными и семейными установлениями. Но час настал! Спящий удав вдруг очнулся и стал озираться кругом. Он не раскрыл ещё своей пасти, только чуть зевнул — и ты уже всполошилась. Что-то будет с тобой дальше? Если Китай в течение сорока лет мог настолько потряхнуть с себя апатию, что решил потягаться со всею Европой, то что станет с ним через сто лет или двести, — период в жизни государств такой, как неделя в жизни человека! ...Настанет день, когда, догнав Европу в технике, Азия захочет померяться силами с ненавистным ей христианским миром. И тогда христианский мир будет снесён, как сыпучий песок потоками разлившейся горной реки. У него, изнеженного и расслабленного, не будет достаточно материальных средств, не хватит нравственных сил, чтобы выдержать натиск Азии. У христианских народов не будет единодушия, чтобы общими усилиями остановить движение её грозных полчищ.

¹ Доставляемых англичанами и немцами.

² Сравн. крестовые походы Европы против мусульман.

II. Принципы исторической жизни

Разве не говорят нам правды китайские и турецкие воззвания, горячие и исходящие из глубины чувства, давно оскорбляемого европейской насильственностью? Если Европа теперь столкнулась с китайской многомиллионной массой и может столкнуться (уже не в первый раз) с миром мусульманским, незначительным осколком которого является Европейская Турция, то не пора ли нам (и историкам, и дипломатам, и всем, кто чувствует себя гражданином Европы) бросить сознательный взгляд на наше европейское прошлое, беспристрастно обсудить наше настоящее и проницательным оком заглянуть в будущее?

Что представляет собою в общих чертах почти 15-вековая жизнь Европы со времени окончательного разложения Римской империи? Какой период исторического процесса переживаем мы в настоящее время? К чему должны мы стремиться и каково близкое и отдалённое будущее человечества вообще, а Европы в частности? Закономерна ли историческая жизнь народов, или в ней господствует ряд случайностей и произвол отдельных, так называемых «исторических лиц»?

Разрешение всех этих вопросов в высшей степени важно не только для теоретического знания, но и для практической жизни. Если мореплавателям важно знать, в каком месте безбрежного океана они находятся в данную минуту, какие морские течения встретятся по близости, каких ветров следует ожидать, куда нужно направить корабль, чтобы достигнуть безопасного порта, то тем более правителям, законодателям, дипломатам, полководцам и вообще всем государственным и общественным деятелям надо сознательно относиться к жизни человеческих обществ, которые более сложны, бурны и загадочны, нежели все пять океанов земного шара. Давно уже великие мыслители стараются постигнуть тайны исторической жизни народов и подчинить эту жизнь воздействию науки, как подчинило уже человечество себе землю, воду, огонь (воздух всё ещё не вполне поддается человеческой воле), флору и фауну. Между прочими мыслителями и знаменитый панславист XVII столетия Юрий Крижанич старался положить основание науке, которая со времени Огюста Конта¹ получила название социологии.

Наука, эта столь важная для исторических деятелей, до сих пор ещё не дала вполне точных формул, которые бы определяли закономерность общественной жизни.

¹ Огюст Конт (1798–1857) — французский философ, основатель социологии.

Совокупность таких *истин*, которые станут для каждого *несомненными* и будут *точно формулировать закономерность* жизни человечества, получит название социологии.

Совокупность же взглядов и *гипотез*, которые до поры до времени не могут считаться несомненными истинами, а выражают собою лишь более или менее обоснованное *мировоззрение*, называется философией. Вот почему *философия истории* (субъективная наука) является подготовительной стадией для *социологии* (объективной науки). Что касается *истории*, то эта описательно-объяснительная наука должна точно воспроизводить *минушую* жизнь человечества и объяснять фактическую связь (*ad hoc*¹) между явлениями, происходившими в определённом месте и в определённое время. Философия же истории и социология, возвышаясь до общих положений и даже законов, не стесняются себя данным временем и пространством.

Социология имеет дело с законами исторической жизни, её аксиомами и теоремами, философия истории — по необходимости — довольствуется гипотезами, принципами и системами. Не будучи теперь в состоянии ответить на последний из поставленных выше вопросов (закономерна ли историческая жизнь народов или в ней господствует ряд случайностей и произвол «исторических личностей?»), — дадим краткий по возможности ответ на первые три вопроса.

Итак, что представляет собою в общих чертах 15-вековая жизнь Европы со времени разложения Римской империи?

В пределы римского государства постепенно проникли, мирно утверждались в них, а затем покорили его западную половину народы *германского* племени; восточную часть Римской империи постигло вторжение *славян*. Германцы и славяне не обладали ещё тогда национальным самосознанием. Смешавшись с кельтским и латинским населением юго-западной Европы, германцы образовали так называемое *романское* племя. Германцы и славяне долго оставались малокультурными племенами, впитывая в себя культуры одни римскую, другие византийскую. Обычным историческим процессом в жизни малокультурных народов, которые не обладают ещё прочными связями (организацией) экономического, юридического и политического свойства, а связаны лишь этнографическим единством, — в жизни таких народов преобладает начало (принцип) *дифференциации*. В самом деле, малокультурные народы представляют собою этнографическую стихию, свободную, удобоподвижную, неустойчивую, *не привыкшую ещё*

¹ *ad hoc* (лат.) — специально для этого, по особому случаю.

к определённой организации, но, с другой стороны, — однородную по языку, обычаям, преданиям, верованиям, физическому и умственному развитию. Малокультурные народности можно уподобить жидкости, которая получена из вещества, находившегося доселе в газообразном состоянии. Газ этот сгустился под влиянием известных причин в однородную, но легкоподвижную жидкость. Впоследствии, при давлении извне и внутренних реакциях составных элементов, этнографическая жидкость охлаждается и превращается постепенно в более или менее плотную массу. Отверждение жидкости совершается правильно лишь при спокойном состоянии атмосферы; но так как историческая атмосфера никогда не бывает абсолютно спокойной, то отсюда понятно, почему исторические кристаллы (государства) получили не везде правильную форму.

Западная Европа долго переживала период этнографической раздробленности (дифференциации); период этот в истории носит название феодального строя. В Восточной Европе под влиянием иной исторической обстановки процесс дифференциации принял характер несколько иной: у некоторых русских историков он получил название удельно-вечевой системы. При отсутствии прочной финансовой, судебной и административной организации правители малокультурных народов (сюзерены на Западе, великие князья на Востоке) в силу исторической необходимости предоставляли значительную автономию своим военным сотрудникам (вассалам на Западе) или своим ближайшим родственникам (удельным князьям на Востоке). Феод является тем же административно-государственным «уделом» (областью), только связь между феодалом и сюзереном была иная, нежели между членами княжеского дома: поэтому и передача феодалов по наследству была вотчинная, а не родовая, как на Востоке. В случайных пределах того или другого феодала на Западе, удела на Востоке развивалась своим путём этнографическая жизнь народа — семейно-бытовая, религиозная и экономическая. Религиозная и экономическая стороны жизни служили связующим звеном между военной властью и населением (сельскими и городскими общинами), а юридическая связь явилась значительно позже, подготавливая собою процесс *интеграции*. Однородность этнографического состава (население), развитие финансовой, административно-военной, административно-гражданской, религиозно-церковной и судебно-юридической организации (власть) и давления соседей извне, видоизменявшие границы обитания данного народа (территория), привели в конце концов к образованию плотных политических тел с единым законодательным центром: в этих поли-

тических телах надо различать этнографическое содержание, внутренний материал (национальность) от внешней организации, формы этого материала (государство).

Период дифференциации в исторической жизни Европы называют Средними Веками. Период интеграции, т.е. образования государств и национальностей, является уже под названием Новой Истории. К началу XX столетия процесс исторической интеграции достиг высокой степени развития, но не везде ещё закончился, так как в некоторых местах Европы понятия «национальности» и «государства» не соответствуют друг другу: у каждого этнографического комплекса (нация) должна быть своя внешняя оболочка (государство). Хотя национальная кристаллизация не везде совершилась исторически правильно, но в общих чертах определились основные нации, составляющие нынешнее население Европы. Итак, *феодализм* сменился *национализмом*. Пылкие космополиты, мысленно продолжая в уме дальнейший процесс интеграции, предвидят единение всего человечества на почве культурной солидарности. Если это и возможно, то не в близком будущем. Какой же период исторического процесса переживаем мы в настоящее время и что будет потом?

Свойство исторической эволюции состоит в том, что пока одно какое-нибудь явление развёртывается во всей силе, в глубине его зарождается уже следующее явление, которому суждено будет впоследствии развернуться и занять место первого; но и в недрах второго давно уже таится зародыш третьего, дальнейшего явления, которое в своё время тоже развернётся.

Когда в Зап. Европе развивался феодальный строй, в нём таились уже зародыши будущего национального строя. Людовик Немецкий¹ и Карл Лысый² клялись близ Страсбурга перед своими войсками на франко-романском и германском языках, а в 843 г. Верденским договором с Лотарем³ положили основание будущим нациям германской, французской и итальянской.

Когда в Зап. Европе *феодальный* строй уступал уже место централизации, подготовлявшей торжество *национального* начала, обнаружались зародыши дальнейшего *общественно-этнографического* периода, в который Европа, по-видимому, вступит на наших глазах

¹ Людовик II (804 / 805–876) — король Баварии в 817–843 гг.

² Карл II (823–877) — первый король Западно-Франкского королевства.

³ Лотарь I (798–855) — Император Запада с 817 по 855 гг.

или не далее, как в XXI столетии. В центре Европы между сформировавшимися национальностями французской, германской и итальянской зарождался (в XIV в.) будущий Швейцарский Союз. Микроскопическая Швейцария сформировалась в общественно-этнографический союз на границе трёх племён Европы — романского, германского и славянского (близость Чехии и Сербо-Хорватии).

Если феодально-общинные и удельно-вечевые ячейки сплотились постепенно в национальные ульи, а эти национальные пчелиные рои, живущие в одной европейской пасеке, устраивают в последнее время всё чаще и чаще общеевропейские «концерты», стало быть солидарность в Европе между нациями увеличивается; космополиты мечтают даже о солидарности всего человечества. Но история скачков не делает. Обозначим последовательные периоды нашей исторической эволюции буквами: *а, б, в, г, д*.

Феодальный строй (а) естественно сменился *национальным (б)*. Дипломаты, пытающиеся поддержать концерт *европейской расы (г)*, делают исторический скачок; поэтому Гаагская конференция, к сожалению, оказалась преждевременной; по этим же причинам общеевропейский концерт готов всегда расстроиться при первой брошенной кости. Космополиты, мечтающие о солидарности всего человечества, делают ещё больший исторический скачок от «б» прямо к «д». Какая же стадия исторической эволюции (*в*) оказалась незамеченной современными дипломатами и космополитами, хотя эта стадия назревает уже более 200 лет? Стадия эта — *этнографическое, т. е. племенное единение* европейских народов по группам: единение романской группы, германской и славянской. Любопытно, что согласно статистическим данным недавнего времени основное население Европы выражалось приблизительно следующими цифрами, доказывающими возможность *естественного этнографического равновесия в Европе*:

Славяне (русских, поляков, чехов и словаков, болгар, сербов, хорватов и словенцев) — около 118 миллионов.

Романских или латинских народов (французов и бельгийцев, кельтов, румын, итальянцев и португальцев) — около 110 миллионов.

Германских народов (немцев Германии и Австрии, голландцев, англичан, датчан и скандинавов) — около 118 миллионов.

Пережив феодальный период и доживая теперь национальный период своей исторической жизни, Европа в лице государственных и общественных деятелей должна заботиться покамест не о создании Общеевропейского Союза государств и народов, так как это преждевременно, и не о культурном единении всего человечества, так как и

это теперь немислимо, а о выполнении задачи, которая давно стоит на очереди. Надо стремиться к культурному, а если будет возможно, то и к политическому единению (в виде трёх союзов одноплеменных государств — Staatenbund'ов) Романских, Германских и Славянских народов. Когда Всероманский, Всегерманский и Всеславянский союзы из области исторических идей перейдут в область исторической действительности, тогда достигнуто будет в Европе естественное равновесие; милитаризм значительно уменьшится; можно будет поставить на очередь идею о союзе трёх европейских племён, а потом мечтать и о культурном единении всего человечества.

Почин в деле объединения славян может взять на себя Россия, почин в деле объединения германцев — Австрия (немецкая), почин в деле объединения романских народов — Франция. Ещё в XVI и XVII веках поэты и мыслители Славянства понимали всю важность этнографического, племенного единения; особенное внимание обращает на себя Юрий Крижанич¹, мыслитель XVII века, хорват по происхождению, католик по религии, панславист по убеждениям.

Итак, панроманизм, пангерманизм и панславизм — три исторические идеи, осуществление которых возможно в недалёком будущем при дружном содействии государственных и общественных деятелей романского, германского и славянского племени.

III. Взгляд панславистов на общий ход исторической жизни человечества

Путь, которым добыта истина, может быть сложен и трудно передаваем, может требовать для своего усвоения обширной предварительной подготовки; точно так же изучение практического приложения научных истин может иногда обязывать на продолжительное систематическое занятие данной отраслью прикладных знаний. Но сам по себе научный вывод, чем ближе к истине, тем легче для разума; сама же истина проста и удобопонятна и потому всегда может быть передана во всей полноте, без изложения тех способов, которые привели к её раскрытию.

Профессор В.М. Тарновский («Половая зрелость, её течение, отклонения и болезни», стр. VIII–IX предисл., С.-Пб. 1886.)

В очерке «Принципы исторической жизни» мы старались раскрыть умозрительным, дедуктивным путём наш взгляд на современ-

¹ Юрий Крижанич (1618–1683) — хорватский богослов и философ.

ное состояние Европы, исходя из общеизвестных положений истории и статистики. Вывод получился следующий.

С увеличением, накоплением и осложнением материальной и духовной культуры, с развитием физических и психических путей сообщения, с постепенным ростом населения земного шара, которое всё теснее и теснее соприкасается повсюду между собою, человечество *естественно стремится к культурному общению и солидарности*, несмотря на целый ряд политических, социальных и экономических столкновений. Связывая эту эмпирическую истину с истиной априорной — «природа и история скачков не делают», приходим к неизбежному заключению, что *национальная жизнь Европы должна с течением времени смениться жизнью племенной, социально-этническую*.

Если могучей силою исторического потока разрушены и смыты многочисленные феодальные и удельные «*деревянные перегородки*», а воздвигнуты более поместительные и прочные национальные «*каменные стены*», то спрашивается: вечно ли должны стоять эти стены, или же с течением времени исчезнут и они? Да, обвалятся и рассыплются десятки национальных преград в Европе, и воздвигнуты будут силою исторической жизни всего лишь три племенные «*стальные решётки*», которые удержат в надлежащих, этнографических пределах романское, германское и славянское племя Европы. Через отверстия этих решёток культурное взаимодействие будет совершаться с большим удобством, чем ныне. Сохраняя политическое и социально-экономическое равновесие трёх европейских племён, эти этнографические решётки (союзы, федерации) с течением веков, когда ослабеет племенная рознь, когда увеличится культурная солидарность, т.е. когда сблизятся языки, нравы и условия жизни европейских народов, — пожалуй тоже окажутся излишними.

На свете всё совершается постепенно. Но закон *постепенности и последовательности развития*, т.е. закон эволюции, требует, чтобы и в *национальном* периоде уже являлись зародыши предстоящего *племенного* состояния, зародыши последующего, более отдалённого *расового* периода и окончательного *космополитического*. И действительно: приверженцы, напр., *панславизма* являлись и являются уже в течение по крайней мере трёх столетий; приверженцы «*европеизма*» (в России галломаны, англومانь и западники вообще) являются со времени расцвета рационалистической философии в Европе; наконец, приверженцы *космополитизма* явились в последние сто лет с небольшим. Каждое из этих направлений *жизненно* до осуществления и

станет *безжизненным* после осуществления. Величественнее всего, конечно, космополитизм, так удачно выраженный и христианской религией, более узкой идеей является «европеизм», с пренебрежением относящийся к малокультурным расам Азии, Африки, Америки, Австралии¹; ещё более узкой, но зато в настоящее время наиболее жизненной, стоящей на очереди, является племенная идея. Эта племенная идея выражается у европейцев в виде *панславизма*, *пангерманизма*, *панроманизма*; в параллель с упомянутыми культурно-историческими направлениями можно поставить древний² и современный *панэллинизм*, *панмонголизм*³, *паниндианизм*⁴, *панамериканизм* северный, уже осуществлённый в виде Соединённых Штатов, и южный, ещё стоящий на очереди; *панисламизм* и *сионизм* имеют не столько племенную, сколько культурно-религиозную подкладку. Прошлый XIX век — век пара и электричества — был в тоже время апогеем национализма, более узкой идеи по сравнению с названными выше идеями. Национализм был когда-то передовой идеей, а теперь, в XX столетии, он начинает отживать свой век, уступая место более широкой культурно-исторической идее. В настоящее время согласно законам исторической эволюции больше всего в Европе *националистов*, гораздо меньше сторонников *племенного* единения, ещё меньше сторонников *общеевропейского* единения наподобие Американских Соединённых Штатов; а истинные *космополиты*, относящиеся равнодушно ко всем национальным, племенным и расовым отличиям, встречаются довольно редко: отвлечённые космополитические утопии различных мыслителей были искусственны, безжизненны, преждевременны.

Исторические катастрофы и перевороты, приводившие иногда путём завоевания к искусственному и насильственному соединению многих народов и даже порою к так называемым «всемирным монархиям», мешали правильной кристаллизации человечества (по смежным и родственным группам), но отнюдь не являются исключением из общего хода истории: и здесь стремление человечества к единению находило своё *реальное* осуществление, но преждевременное, а пото-

¹ Вымирание малокультурных племён там, где появляется европейская раса, может служить доказательством этого.

² Вспомним Ахейскую и Этолийскую симполитии, уступившие место объединительному, но насильственному македонскому владычеству.

³ Вспомним о Чингисхане, о Тамерлане и примем во внимание современное положение вещей в Японии, Корее, Китае и Индо-Китае, которое может закончиться панмонгольской федерацией.

⁴ Вспомним восстания в Индии против англичан.

му насильственное и искусственное. Быть может, нам зададут вопрос: не являются ли исторические катастрофы нарушением исторической закономерности? Бури, вихри, ураганы, смерчи, обвалы, землетрясения, вулканические извержения совершаются в природе при необычной обстановке и кажутся насильственными, искусственными явлениями, так что простодушный наблюдатель склонен видеть тут закулисное действие каких-то *индивидуальных* сил, между тем подобные явления нисколько не нарушают закономерности в природе; даже действительно искусственные явления, созданные при помощи научных приспособлений и придуманные отдельными лицами, не нарушают вовсе закономерности физического мира. Так и в истории.

Однако в чём же состоят законы исторической жизни? Законы физические, химические, биологические — отчасти известны; неужели и законы исторические представляют нечто вроде закона тяготения, сохранения энергии, упругости, борьбы за существование, наследственности и т.д.? Неужели и в области исторической жизни можно будет отыскать такие же основные элементы, как атомы, молекулы, клеточки? Да, по аналогии оно так и следует. Всё говорит в пользу закономерности исторической жизни. Исходным пунктом мы возьмём не *априорную* идею о непрерывности и последовательности явлений исторической жизни, идею, которая позволяла нам судить о будущем на основании прошлого, а возьмём те *эмпирические элементы*, из взаимодействия которых сплетается сеть исторической жизни. До сих пор мы пользовались методом *дедуктивным*, перейдём теперь к методу *индуктивному*; до сих пор мы занимались *синтезом*, пора заняться *анализом*. Дедуктивный метод привёл нас к выводу о неизбежности осуществления панславизма и других однородных с ним идей. Если к тому же приведёт нас и метод индуктивный, значит идея эта основана на научной истине, доступной пониманию даже детского труда.

IV. Элементы исторической жизни

Как приятно путешествовать! Переносясь с места на место, наблюдая и изучая самые разнообразные явления, путешественник обогащает себя житейским опытом и чувствует себя гражданином земного шара. Конечно, путешествие будет не только приятным, но и неизмеримо полезным, если путешественник получил уже ранее серьёзную подготовку, если он знаком с различными отраслями знания и действительности человечества. Тогда он может осмысленно относиться ко всему тому, что увидит, услышит и вообще испытает в Ев-

ропе, Азии, Африке, Америке, Австралии, в океанах Атлантическом, Индейском, Великом и обоих Ледовитых, на суше, на море, под землёю, под водою и в воздухе.

Подобное изучение земного шара в данное время по всем направлениям можно назвать пространственным, горизонтальным. Путешественник ознакомится с тем, что *теперь* существует на земном шаре, но не получит ещё отсюда ясного и точного знания о том, что было *прежде* и каким образом *прошлое* видоизменилось в *настоящее*. Вот почему, отправляясь в путешествие, полезно дома ознакомиться хоть теоретически с результатами геологии, антропологии, истории, философии и других естественных и общественных наук. Пространственное изучение жизни земного шара ознакомит путешественника только с одним из моментов геологической, биологической и исторической эволюции, совершающейся во времени, т.е. в направлении вертикальном.

Путешественник взбирается на высокие горы, спускается в кратеры потухших вулканов, заглядывает в пещеры, любуется водопадами, отдыхает в тени девственных лесов, переходит с караванами через песчаные пустыни, переплывает моря и океаны. Собственными глазами убеждается путешественник в том, что как разнообразно устройство земной поверхности. Не менее разнообразна и растительность земного шара, начиная с мхов, лишаяев, морских водорослей и кончая роскошными пальмами, величественными кипарисами. А какое множество живых существ является обитателями нашей планеты! Повсюду — вне и внутри нас движутся миллионы миллионов бактерий, микробов, инфузорий; насекомые, пресмыкающиеся, рыбы, птицы, звери и люди «наполняют землю и обладают ею»... Нет, *обладает* земным шаром в истинном значении этого слова только человек. Правда, коралловые полипы воздвигают новые острова, дождевые черви превращают неплодородную почву в чернозём, хищные звери, птицы, рыбы, пресмыкающиеся и насекомые наводят ужас на более слабых обитателей земного шара, но всё же хозяином планеты в данное время является человек.

Ознакомившись со странами и разноплеменным населением Европы, путешественник невольно скажет: «Да, вот здесь человек вполне подчинил себе природу!» В Азии же господство человека над природою уже не так заметно. В Африке человек местами подчинил себе природу, а местами он всё ещё — не господин, а «дитя природы» и даже раб её. В Америке и Австралии европейская раса заняла место «детей природы» и водворила там своё владычество.

Проезжая различные страны, путешественник невольно сознаёт свою общность с другими человеческими существами — белыми, жёлтыми, коричневыми, чёрными, серыми, красными, — когда приходится противопоставить себя остальной природе неорганической и органической.

Не везде одинаковы стихии, не одно и то же устройство поверхности, не одинаковы климат, почва, флора и фауна. И антропологические, расовые признаки у человеческих существ не везде одинаковы: различна повсюду и степень господства человека над природою.

Если условимся называть деятельность человека, направленную на подчинение природы — *культурой* (обработкою, возделыванием), то придём на основании всего вышеизложенного к эмпирическому выводу, что *культура человечества не везде одинакова*.

Присматриваясь к отношениям, существующим между представителями данной расы, живущими вместе, путешественник видит, что и эти общественные отношения далеко не одни и те же повсюду. Отношение человечества к природе мы назвали *культурой*, отношение же людей друг к другу условимся называть *цивилизацией*. При всём разнообразии культур и цивилизаций между ними много общего: все культуры стремятся к улучшению материального, *физического* бытия человечества; все цивилизации стремятся к улучшению духовного, *психического* состояния человечества.

Неорганическая природа вселенной вообще и земного шара в частности видоизменяется постепенно, влияя в свою очередь на изменение органического населения планеты и подчиняясь взаимовлиянию организмов, которые бессознательно и сознательно приспособляют окружающую среду к своим потребностям, а где не в состоянии сделать это, там сами приспособляются к ней. Видоизменяется с течением времени и человечество, видоизменяется в различных местах его *культура* и *цивилизация*, оставаясь везде и всегда по существу одним и тем же: взаимодействием людей с природою и друг с другом.

Было время, когда люди жили в лесах и пещерах, как дикие звери. Палеонтология и археология знакомят нас с жизнью человечества в отдалённые доисторические времена. Человек удовлетворял тогда *органические потребности* своего существа; удовлетворение основных потребностей организма наполняло жизнь доисторического человека и доставляло ему естественное, животное счастье. Дышать свежим воздухом, плотно и вкусно поесть, утолить жажду, защитить себя от дождя и холода, укрыться в тени от знойных лучей солнца, выкупаться, опьянить свои нервы каким-нибудь растительным соком,

найти самку для удовлетворения половой потребности, выспаться от утомления дневной деятельностью, а иногда покричать, порезвиться в случае удовлетворения всех потребностей, когда в организме чувствуется избыток энергии, вот жизнь первобытного человека.

Если приходилось вести борьбу с дикими зверями из чувства самосохранения или для добывания пищи, тогда первобытный человек находил (открывал) уже готовые в природе или придумывал (изобретал) орудия борьбы. Если приходилось ухаживать за самкой, — чтобы отвлечь её от других самцов, надо было изобретать украшения.

Величие вселенной, необъяснимые и порою грозные явления в природе наводили на мысль о таинственных, сверхъестественных силах и зарождали в человеке вместе с чувством ужаса, удивления, благоговения — *религиозную* потребность.

Необходимость сношений мужчин с женщинами, естественная материнская склонность к воспитанию детей, узы родства и дружбы, доступные даже животным низшей породы, совместная борьба с врагами человека — хищными зверями, потребность передать свои желания, чувства мысли по поводу каких-нибудь обстоятельств бродячей жизни, повели к образованию *языка*, выработавшегося из сочетания невольных звуков, которые вырывались из груди, гортани и носа при обнаружении настроения.

Потребность борьбы с природою породила зачатки *техники*; началось развитие *культуры*. Потребность сближения с другими людьми на почве половых сношений, родства, дружбы и совместной борьбы с природою вызвала образование первобытных человеческих обществ (сравн. стада, стаи, рои насекомых, рыб, птиц, зверей). Зародыши эстетики, религии, языка и первобытной патриархальной *организации* при совместной жизни на лоне природы повели за собою развитие *цивилизации*. Бесплодно спорить — по крайней мере сейчас — о том, что раньше явилось на свет: культура или цивилизация? Какие потребности были первоначальными: потребность есть, пить, спать или потребность половая, эстетическая, религиозная? Конечно, половая, эстетическая, религиозная, лингвистическая и др. однородные потребности могли явиться только у взрослого дикаря, а потребность дышать, есть, пить, спать, играть были и у ребёнка. Это — так, но ведь ребёнок не мог явиться на свет без помощи взрослых людей предыдущего поколения. Итак, что раньше явилось на свет: курица или яйцо?

Оставим в стороне подобные схоластические вопросы, а займёмся выяснением того, из каких *элементов* создалась и создаётся *историческая жизнь человечества*, т.е. *культура* и *цивилизация*.

Мы пришли к заключению, что культура состоит во взаимодействии человечества с природою, а цивилизация заключается во взаимодействии людей друг с другом. Если взять ребёнка-дикаря и культурного ребёнка, то при сравнении окажется, что строение организма, а особенно нервно-мозговой системы у обоих далеко не одинаково. Культурное дитя в самом организме носит следы многовековой культуры и цивилизации своего народа. Ребёнок-дикарь и ребёнок культурный растут каждый у себя на родине при совершенно различных условиях. Дикарь начинает подчиняться влиянию природы и при случае воздействовать на неё без помощи культурных, искусственных приспособлений, которые являются, наоборот, к услугам молодого культурного человека, перейдя к нему по наследству (по *традиции*) от предыдущих поколений.

Значит, *количественными элементами* исторической жизни являются: 1) сам человек с его психофизиологическими свойствами (антропологическая организация); 2) *природа* с её геологическими, метеорологическими и иными свойствами и, наконец, 3) посредствующее звено при взаимодействии этих двух элементов. Посредствующие звенья между природою и людьми выковываются векам исторической жизни, превращаются мало-помалу в длинные и прочные цепи, которые опутывают человека и природу, соединяя человеческие группы с природою (культура) и человеческие группы друг с другом (цивилизация).

Так как при взаимодействии с природою человек пользуется не только *физическими*, но и *психическими* своими силами, выработанными цивилизацией, а с другой стороны, при взаимодействии друг с другом люди пользуются результатами *культуры*, поэтому в содержание понятия «культура» входит признак «цивилизации», а в понятие «цивилизации» входит признак «культуры». Если на основании этого мы назовём цивилизацию — *духовной культурой*, — тогда *материальную культуру (взаимодействие с природой при содействии других людей)* и *духовную культуру* можно будет объединить в одно понятие «*культуры*».

Итак, количественных элементов исторической жизни человечества — три:

- 1) человек как антропологическая единица, из которой состоит человечество;
- 2) природа как совокупность стихий, климата, флоры и фауны;
- 3) культура как плод долговременного взаимодействия человечества с природою и между собою.

V. Качественные элементы исторической жизни

Исторический процесс обнаруживается в видоизменении трёх элементов, находящихся в тесной связи друг с другом: 1) природы, 2) человечества и 3) культуры. Сообразно с этим наука, изучающая эволюцию жизни человечества, — *обществоведение* (социология) — *должна* распадаться на отрасли:

- 1) социологию природы = натур-социологию;
- 2) социологию человеческих организмов = антропо-социологию;
- 3) социологию культуры = культур-социологию.

Только при таком распределении сырого материала удастся поставить обществоведение на твёрдую почву науки и создать специальные *методы* в каждой из трёх отраслей социологии. Распределивши количественно материал, подлежащий изучению социолога, мы должны применить к делу анализ, разлагая в каждой области социологии сырой материал её на составные элементы. Так поступает в своей области астроном, химик, ботаник, зоолог — так должен поступать и социолог. В каждой науке самое важное — 1) правильно распределить сырой материал по группам (*классификация*), чтобы превратить хаотическое и случайное изучение явлений в систематическое и сознательное, а затем 2) сделать надлежащий *анализ* явлений, чтобы объяснить их связь (синтез). В области социологии до сих пор царит такой хаос, что пора подумать о надлежащей классификации и надлежащем анализе социологических явлений.

Антропо-социология должна заняться изучением организма отдельных человеческих индивидуумов в различные эпохи и в различных странах земного шара, но с особой — социологической точки зрения. Зародыши этой отрасли социологии мы видим в сочинениях итальянского антрополога, парадоксального нередко, Ломброзо.

Натур-социология должна направить своё внимание на изучение внечеловеческой природы, опять-таки с социологической точки зрения. Знаменитый в своё время английский историк-натурфилософ Бокль пытался положить основание этой отрасли социологии.

Что же касается культур-социологии, которой предстоит изучать законы производства, накопления, распределения и потребления культурных капиталов, создаваемых сообща человечеством и природою, то культур-социология, естественно, должна распадаться на *две* специальные научные дисциплины; ведь *культура* есть результат двоякого взаимодействия — 1) человечества с природою (материальная культура) и 2) человеческих групп друг с другом (духовная культура, цивилизация). Основание научному изучению материальной культу-

ры положил английский политико-эконом Адам Смит¹, а впоследствии немецкий политико-эконом Карл Маркс² указал на тесную связь этой научной отрасли с социологией вообще. Изучение же гражданской культуры (цивилизация) поставил на позитивную почву французский социолог Огюст Конт.

Каждый из учёных исследователей, углубившись в специальную область обществоведения, склонен был преувеличивать значение этой отрасли. Так, Бокль³ преувеличил значение природы в общем историческом процессе, Маркс преувеличил значение материальной культуры, Конт — значение идей, Ломброзо⁴ — значение наследственности (биологического начала) в общем ходе истории и склонен видеть центр тяжести социологии в антропологии. Биолог и натурфилософ английский Герберт Спенсер уподобляет человеческое общество организму, видя в культурно-материальной и культурно-духовной *организации* человечества — функции *общественного организма*, стало быть преувеличивая значение *взаимодействия* между человечеством и природою с одной стороны и взаимодействия (организации) человеческих групп с другой стороны.

Русские социологи Михайловский⁵ и Кареев, чуждые односторонних теорий в таком сложном хаосе, какова совокупность социологических явлений, настаивают на необходимости применения к социологическому изучению не только начал антропологии, естествознания, политической экономии, но и общих начал психологии. В Зап. Европе в последнее время также обратили внимание на социологическую ценность психологии (напр., Тард⁶). Но и психологией увлекаться чрезмерно не следует; надо сохранять научное равновесие и быть объективным в оценке социологических факторов и элементов, придерживаясь при этом мудрой пословицы: каждому — должное (*suum — cuique*).

Попытку составить критический свод воззрений отдельных социологов сделал проф. Н.И. Кареев⁷ в своей замечательной книге

¹ Адам Смит (1723–1790) — английский экономист.

² Карл Маркс (1818–1883) — немецкий экономист и социолог.

³ Генри Томас Бокль (1821–1862) — английский историк.

⁴ Чезаре Ломброзо (1835–1909) — итальянский психиатр.

⁵ Николай Константинович Михайловский (1842–1904) — русский социолог.

⁶ Габриэль Тард (1843–1904) — французский психолог и социолог.

⁷ Николай Иванович Кареев (1850–1931) — русский историк и социолог.

«Введение в социологию» (С.-Петербург, 1897). Наша задача скромнее. Мы решились, оставив в стороне преклонение пред авторитетами социологической науки, обратиться прямо к сырому социологическому материалу и изложить собственный взгляд на общественную жизнь и естественные законы, проявляющиеся в ней. Если окажется возможным, мы попробуем и формулировать некоторые из этих законов, но предупреждаем читателя, что многое в нашей теории покажется недостаточно ещё разработанным. Потребуется целый ряд эмпирических исследований, чтобы прочно установить социологические законы.

Выполнив же по мере сил и возможностей эту задачу, подвергнем объективной социологической критике исторические идеи панславизма, пангерманизма, панроманизма и других племенных сочетаний.

Прежде всего, необходимо эмпирическим путём найти те *качественные* элементы, которые обуславливают собою исторический процесс. Индуктивный метод требует разбора частных фактов для отыскания простейших элементов и отношений. Возьмём поэтому наглядный пример. Вообразим себя на поле, где крестьяне занимаются, допустим, уборкой хлеба; перенесём себя затем мысленно на площадь большого города в момент промышленного и торгового оживления; очутимся далее за обеденным столом многочисленной семьи; заглянем в университетскую аудиторию, в театр... Везде мы замечаем разнообразные предметы, добытые человеком из недр природы, начинающая колосьями хлеба и кончая мраморными плитами в роскошном здании театра (количественные натур-социологические элементы). Видели мы также множество самых разнообразных человеческих индивидуумов (количественные антропо-социологические элементы). Подметили мы, наконец, в деревне и в городе, на улицах и в домах весьма разнообразные *отношения* людей друг к другу и к природе (*качественные* культур-социологические элементы).

Посмотрим, не окажется ли и в количественных элементах социологии (предметах, добытых из природы людьми, и самих людях) чего-нибудь качественного. В самом деле, цвет и общий вид каждого предмета, разные звуки, производимые предметами, вкус, запах и другие свойства физических тел являются *качественными* элементами природы, так как обнаруживаются лишь при помощи *нервной* системы наблюдающего субъекта. Физика, как известно, допускает, что *качественные* элементы природы можно свести на *движение количественных* элементов-атомов. Далее, расстояние между предметами, их длина, ширина, высота, объём, вес, твёрдость и мягкость становятся

доступны наблюдателю благодаря *мышкульному* напряжению глаз, рук и других конечностей. Движение атомов в данном случае тоже сомнению не подвергается. Спрашивается, что же такое «*движение*»: величина качественная или количественная? Оставим этот метафизический вопрос без разрешения! Цвет, запах, вкус, звук мы признали качествами предметов, но как быть со светом, теплотою, электричеством и вообще с так называемой *энергией*? Несомненно, эти силы — тоже *свойства* материальных предметов, но влияют все эти качественные элементы природы одновременно и на нервную, и на мышкульную организацию субъекта. Свет, теплоту, электричество — наука тоже сводит к колебанию атомов. Итак, в конце концов, *количественными* элементами природы, а стало быть и человека в качестве предмета материального, являются гипотетические атомы, а *количественное разнообразие* в природе зависит от *движения*, т.е. от *энергии* или *силы*. Стало быть, качественная сторона природы = разные виды энергии. Закон сохранения материи и закон сохранения энергии считаются незыблемыми истинами современной науки.

Обратимся теперь к антропо-социологическому элементу — к человеку, который представляет собой известное *количество* материи, сконцентрированной в одно *сознательное* целое при помощи мышкульной и нервной организации. Эмпирическим путём мы можем убедиться, что количественно человека можно разложить на составные части — кости, мускулы, нервы, волосы, а затем свести всё к совокупности атомов. Но мы убедились, что человек в окружающей природе и в самом себе замечает целый ряд *количеств*, которые наука объясняет движением, т.е. видоизменением энергии. Кроме качеств, присущих всей природе (цвет, запах, плотность и т.д.), каждый человек наблюдает в себе ещё некоторые качества, которые не заметны в неодушевлённой природе, едва заметны в полурастениях-полуживотных, вполне заметны у животных, но высшего развития, а главное — *самосознания*, достигли в человеке.

Эти качества — чувства, мысли, желания. Дедуктивная, а затем и индуктивная (экспериментальная) психология разграничила и до некоторой степени изучила область ума, чувства и воли. Психологизматериалисты утверждают, что *психические* качества тоже можно свести на движение частиц *нервно-мозгового* вещества. Психологи идеалистического и критического направлений считают это сомнительным и во всяком случае пока ещё недоказанным. Подобного вопроса мы, конечно, не решим, но охотно согласимся, что наряду с энергией световой, тепловой, электрической существует ещё *энергия психическая*.

Энергия психическая, несомненно, находится в связи с теплотой, светом, электричеством, как убеждает нас ежедневный житейский опыт¹. Ощущения, мысли и желания сознаются каждым человеком как *реальные качественные элементы*. Кроме цвета, запаха, вкуса — ощущений, возникающих в нас при взаимодействии с природой, человек воспринимает в виде ощущений и свет, теплоту, электричество и прочие исследованные и неведомые ещё *силы природы*. Если мы эмпирическим путём сравним наши 1) восприятия, 2) понятия и 3) стремления, то окажется, что восприятия и понятия (область чувства и ума) отличаются *пассивностью* в сравнении с *активными* стремлениями (областью воли). Но психология, да и простой житейский опыт убеждают нас в том, что между чувствами, мыслями и желаниями существует самая тесная связь, так что *возможен переход пассивной психической энергии* (потенциальной) *в активную* (кинетическую). Спорить о том, какой вид психической энергии явился раньше, довольно трудно. Конечно, из ощущений возникают представления, из представлений — понятия, из понятий — суждения (мысли), а из мыслей — умозаключения; но сказать, что ум всецело образовался из чувства, мы не имеем права, так как при переходе ощущений в мысли нужна ещё *потребность обобщения и отвлечения* (абстракции). Что касается взаимоотношения между чувством и волей, то многие в прежнее время считали *стремления* функцией *чувства*, но в настоящее время опыт показывает несомненно (напр., явления гипнотизма, да и простые житейские факты вроде наступления половой зрелости и полового позыва при отсутствии ещё чувственного ощущения в этой области), что воля может зародиться и *ниже* порога сознания, т. е. в области *бессознательной органической жизни*. Итак, мы не имеем достаточного права повторять вслед за Декартом² — «*cogito, ergo sum*» (я *мыслю*, стало быть существую), ни вслед за английскими сенсуалистами (напр., Локком) — «*sentio, ergo sum*» (я *ощущаю*, следовательно живу), потому что мы вправе также сказать: «*volo, ergo sum*» (я *желаю*, стало быть я существую). Сознание собственного желания, собственного стремления, собственной потребности — гораздо реальнее, гораздо достовернее, нежели сознание собственного ощущения и собственной мысли (возможны галлюцинации). Является ли воля источником чувства и ума или нет, оставим этот вопрос исследованию психологов, для нас же важно с социологической точки зрения уста-

¹ Напр., тёплая и ясная погода изменяет настроение.

² Рене Декарт (1596–1650) — французский философ-рационалист.

новить различие между *пассивностью* чувства с умом и *активностью* воли, а с другой стороны — связь между *потенциальным* и *кинетическим* видами психической энергии. Если допустить присутствие безосновательной воли (что, разумеется, лишь гипотеза) в каждом организме, даже в растениях, тогда можно связать *психическую* энергию с энергией *органической* (которую неточно называют биологической), а органическая энергия связана взаимодействием с энергией световой, тепловой, электрической и т.д. Изучение связи психической энергии с остальными видами энергии и далее изучение возникновения психической энергии в отдельном индивидуе, накопления её, перехода в другие существа, распространения, видоизменения и, наконец, видимого исчезновения — надо выделить в специальную науку ПСИХОДИНАМИКУ, которая будет служить важным подспорьем не только для социологии, но и для медицины, педагогики, дипломатии, а также для истории, юриспруденции, философии.

В данном очерке мы постарались выяснить не только количественные, но и *качественные* (статические и динамические) элементы 1) натур-социологии и 2) антропо-социологии. Что касается 3) культур-социологии, то она, будучи изучением *взаимодействия* между человеком и природою и между самими людьми, имеет дело с *отношениями*, стало быть тоже с элементами *качественными*. Перейдём теперь к анализу элементов культур-социологии.

VI. Теория потребностей

Культур-социология и её задачи. Сопоставление людей различного культурного состояния. Измерение культурности количеством и качеством потребностей. Потребности — динамический элемент культуры и цивилизации. Что такое потребность с различных точек зрения. Прочность базиса социологии. Ощущения и идеи — статические (потенциальные) элементы культуры и цивилизации. Появление, накопление, распространение, видоизменение, осложнение, удовлетворение и исчезновение потребностей — сущность всемирно-исторической эволюции человечества. Потребности органические, культурные (материальные) и цивилизационные (социальные или гуманитарные). Три вида психической энергии: органическая, культурная и социальная. Закон единства психической энергии. Закон сохранения психической энергии. Видоизменение психической энергии: действие и состояние. Активная (кинетическая) энергия — потребности; пассивная (потенциальная) — ощущения и идеи. Идея — отражение потребности в сознании. Параллелограмм психических сил.

Из трёх отраслей социологии самой существенной для социолога является, конечно, *культур-социология* — это социология в тесном смысле слова. *Натур-социология* и *антропо-социология* служат необходимым подспорьем для выяснения именно всех тайн культур-социологии.

Культур-социология должна изучать взаимодействие людей с природою и взаимодействие людей друг с другом. Мы упоминали уже о том, что культур-социологии предстоит открыть законы производства, накопления, распределения и потребления культурных капиталов, физических и психических. Слово «культура», подобно очень многим словам, можно понимать в двояком смысле: в смысле *деятельности* и *плодов* этой деятельности. Во избежание недоразумений мы будем понимать слово «культура» в первом значении, т.е. в смысле *деятельности*: взаимодействие человека с природою — материальная культура, взаимодействие человека с другими людьми — социальная культура или цивилизация. Если понадобится обозначать запас материальных благ (капиталов движимых и недвижимых) или духовных благ (наук, искусств, религий, семейных, сословных, общественных, государственных, международных обычаев), то эти *результаты* общекультурной деятельности мы так и будем называть плодами культуры материальной и социальной. Материальная и социальная культура соединяются в понятии *общей культуры*.

Сопоставим людей, ведущих различный образ жизни. Возьмём австралийского папуаса или африканского готтентота и сравним его сначала с американским краснокожим индейцем, затем с китайским чернокожим (кули), затем с крестьянином Европы, с фабричным рабочим России, фабричным рабочим Англии или Североамериканских штатов, далее с мещанином и купцом средней руки и, наконец, представителем родовой, чиновной, денежной аристократии. Потребности дикаря очень несложны. Почти все они являются потребностями организма. Чем культурнее становится человек, тем многочисленнее и разнообразнее его потребности. *Развитие ли потребностей зависит от культуры или культура зависит от развития потребностей, этот вопрос* решать ещё преждевременно. Мы просто указываем в данном случае на тесную связь между культурой и потребностями.

Кроме потребностей и их удовлетворения, культурный и некультурный человек живёт ещё *ощущениями* и *идеями*. Под идеями мы будем понимать всё *отвлечённое* — всё, что получается путём отвлечения и обобщения из ощущений, стало быть: концепты или общие представления, понятия, суждения, выводы из умозаключений; кроме

этих полученных из опыта апостериорных идей философы допускают ещё присутствие в человеке априорных идей, предшествующих опыту. Если сравнить восприятия и идеи с потребностями, то сразу выяснится статический (*потенциальный*) характер восприятий и идей, динамический (*кинетический*) характер потребностей. Потребность есть тот динамический элемент, благодаря которому совершается взаимодействие между людьми и природою и между самими людьми.

Аналогия не доказывает сама по себе ровно ничего, но она важна при выяснении понятий; удачная аналогия, являясь в сущности неполной индукцией, часто ведёт к открытиям и изобретениям. Сравним поэтому историческую жизнь с атмосферой. Главные составные элементы атмосферы — кислород, водород и азот; поставим их в параллель с потребностями, чувствами и идеями. Кислород поддерживает горение: потребности поддерживают деятельность (а ведь деятельность и есть основание культуры и цивилизации). Водород и азот умеряют горение; чувства и мысли, поскольку они являются удовлетворением потребностей, умеряют силу потребностей и вызывают прекращение действия, раз цель достигнута. Кто умеет сильно чувствовать и много мыслить, тот неспособен к практической деятельности и кажется со стороны слабохарактерным; полнота чувства и анализ мысли парализуют деятельность. *Comparaison n'est pas raison*¹; мы не настаиваем на непогрешимости нашей аналогии между исторической жизнью и атмосферой; многие потребности от удовлетворения разгораются ещё сильнее, как, напр., потребность раздражать нервы табаком, алкоголем, карточной игрой, половыми сношениями, морфием, гашишем, опиумом и т.д. Нам лишь важно было выяснить динамический и кинетический характер *потребности* как элемента культуры, направленной на *подчинение природы человеку и на улучшение отношений между людьми*.

Что же такое потребность с точки зрения физиологической, психологической, философской, юридической, политико-экономической, исторической и социологической вообще? Чтобы дать удовлетворительный ответ на эти вопросы, надо произвести целый ряд специальных исследований в каждой области знания. Мы дали выше ответ с *социологической* точки зрения — и предложим определение *потребности* в окончательном виде: *потребность* есть такое состояние организма или совокупности организмов, которое *побуждает их к действию*.

¹ *Comparaison n'est pas raison* (франц.) — Сравнение не верно.

Даже если бы мы не определяли, что такое — потребность, и помимо словесного определения каждый человек по опыту знаком с подобным довольно мучительным состоянием организма, требующим удовлетворения. Значит, потребность — *воплне реальный элемент сам по себе* и на нём поэтому спокойно можно строить социологическую науку, не боясь, что фундамент окажется когда-либо негодным и что наука наша рухнет, как это было с другими «логиями», напр. астрологией.

Определение, данное выше, разграничивает потребности от чувствований: ведь не каждое чувство связано с *побуждением к действию* (т.е. потребностью), да не всегда и потребность сопровождается соответствующим ощущением. Чувство голода не всегда сопряжено с потребностью отыскать себе пищу, а потребность откладывать запасы на зиму вовсе не сопровождается ни у животных, ни у человека ощущением голода: часто, наоборот, потребность сохранит излишек пищи связана с чувством сытости в данный момент.

Если культура является *деятельностью* человечества, направленною на подчинение себе природы (материальная культура) и на улучшение отношений между людьми (гуманитарная или социальная культура=цивилизация), то внутренним, незаметным, так сказать, двигателем этой культуры являются потребности. Хотя вопрос о потребностях недостаточно ещё разработан в социологии, но мы вряд ли ошибёмся, если скажем, что появление, накопление, распространение, видоизменение, осложнение, удовлетворение и исчезновение потребностей является сущностью всемирно-исторической эволюции человечества. Истину эту легко доказать способом приведения к нелепости. В самом деле, допустим, что у людей почти не было бы потребностей; допустим, что люди всячески ограничивали и подавляли бы свои потребности, подобно Диогену, жившему в бочке, — что тогда сделалось бы с культурой вообще и с цивилизацией в частности? Конечно, при густоте населения земного шара не мыслимо всем людям вести такой образ жизни, какой вёл Диоген; стало быть, культура не может исчезнуть с лица земли. Но в случае подавления одновременно потребностей культурных, социальных и даже органических, кроме самых необходимых, в известной части человечества — мы сейчас же заметим там упадок культуры и цивилизации.

Сравнивая различные потребности друг с другом, мы можем разделить их на 3 группы. С одними потребностями, заложенными бессознательно в организме, ребёнок уже является на свет; эти потребности мы называем *органическими*. Другие потребности человек

постепенно приобретает в течение своей жизни, закрепляя их привычкой; воспитание, подражание, чтение и другие способы содействуют развитию и накоплению потребностей в отдельном субъекте, целом сословии и даже народе. Пётр Великий, опираясь на централизованную уже давно государственную власть, старался привить русскому народу западноевропейские потребности.

Потребности, приобретённые человеком не *наследственно* (=не органически), а путём *жизнейского опыта*, распадаются на две группы. Потребностями культурно-материальными или просто культурными мы назовём те потребности, которые побуждают человека к *подчинению себе природы*; потребностями культурно-духовными (гуманитарными) или просто *социальными* мы назовём те потребности, которые побуждают человека к *сближению с другими людьми*. Конечно, культурные и социальные потребности тесно связаны друг с другом. Тесно связаны они и с органическими потребностями. Всё в мире потребностей находится в самой тесной связи, и этот любопытный мир ждёт ещё своего исследователя.

Мало покамест у нас оснований указывать на *социологические законы*; но мало, по-видимому, оснований было и у великого Ньютона для открытия закона всемирного тяготения, когда он заметил падение яблока на землю. Тесная связь между потребностями наводит на мысль, что существует лишь три вида одной и той же *психодинамической энергии*: энергия органическая, культурная и социальная.

Если бы мы могли доказать, что чувствования и идеи (=потенциальная психическая энергия) тоже тесно связаны с потребностями (=кинетическая психическая энергия), то был бы открыт *закон единства психической энергии*.

Если бы, далее, удалось доказать, что потребность подобна стельку ржи, который в конце концов приводит к возникновению зёрен, а чувства и идеи подобны зёрнам, которые в конце концов приводят к возникновению колоса, то стала бы понятна возможность перехода психо-кинетической энергии в психо-потенциальную, и наоборот. Был бы открыт тогда *закон сохранения психической энергии*.

Если же удастся доказать тесную связь психической энергии с энергией биологической, тепловой, электрической, световой, то подтверждён будет ещё раз *закон сохранения мировой энергии*. Нужен целый ряд специальных в лабораториях физиков, химиков, биологов, психологов — и в грандиозной естественной лаборатории, называемой земной жизнью.

Мы предлагаем сделать надлежащую критическую проверку вывода, добытого нами путём житейского опыта: *идея* есть отражение *потребности* в сознании, иначе «идея = кристаллизованная потребность». Быть может, после ряда исследований придётся отбросить эту формулу и выразить связь между идеями и потребностями в другой словесной, а пожалуй, и математической форме, но несомненно — связь между ними существует: в этом убеждает нас жизнь. Прибегнем к аналогии. Каждая идея напоминает нам кусочек льда, который при первом благоприятном случае готов опять распуститься и сделаться водой. Потребность, которой не удаётся долго найти удовлетворение, достигает сознания и как бы замерзает, превращаясь в идею (пройдя сначала через ощущение); в случае же удовлетворения, напоминающего нагревание воды, потребность исчезает для наблюдающего её сознания, точно превратившись в водяные пары. Водяные пары исчезнут и рассеются, но они могут опять сгуститься и вернуться обратно в виде дождевых капель, чтобы затем или замёрзнуть, или снова испариться. Не так ли бывает и с потребностями? Разве не возвращается обратно, спустя некоторое время, потребность, которую мы уже удовлетворили? А идеи, попавшие в чью-либо голову из книг или от окружающих, разве не превращаются в случае благоприятных условий в могучие потребности?

Потребности часто вступают в борьбу между собою. Так как потребности — это психо-динамические элементы энергии (а чувства и идеи = психо-статические элементы энергии), то к ним можно применить *закон параллелограмма сил*. Напряжённость (интенсивность) энергии можно выразить длиной стрелки, направление которой укажет направление или тенденцию данной потребности. Органические потребности схематически можно изображать стрелками с буквою «О» у основания, культурно-материальные — с буквою «М», социальные — с буквою «S» у основания.

В следующей статье займёмся схематикой и формулировкой некоторых эмпирических законов социологии и постараемся вывести *формулу счастья*, объективную по своей психологической форме и субъективную по своему психологическому содержанию.

VII. Теория потребностей — Формула счастья

Желая подвергнуть идею панславизма социологической критике, мы изложили раньше теорию исторического процесса. Далее мы распределили сырой материал, подлежащий ведению социолога, на три реальные (соответствующие действительности) области:

1) натур-социологию, 2) антропо-социологию и 3) культур-социологию.

Правильная классификация сырого материала является основным методом всякой научной работы и облегчает выработку дальнейших методов.

В наиболее интересной для нас области *культур-социологии* мы стали искать тех основных *социологических элементов*, из которых складывается социальная жизнь; за классификацией должен был следовать анализ.

Окружающая нас социальная жизнь представляет собою *непрестанное удовлетворение самых разнообразных потребностей*. Анализируя её, мы старались выяснить *динамический* характер «потребностей» и определили «потребность», с социологической точки зрения, так: *потребность* есть такое состояние одного или нескольких антропо-социологических элементов (людей), *которое побуждает их к действию*.

Необходимо было также указать на тесную связь между потребностями (психо-динамическими элементами) и идеями (психо-статическими элементами): идея есть кристаллизованная в сознании потребность. Социологическое значение «чувства» и отношение его к «потребностям» мы затруднялись точно определить.

Вообще теория потребностей (психодинамика) пока ещё находится в зародыше: придётся собирать факты, классифицировать, анализировать, систематизировать и делать соответствующие выводы. Всё сомнительное и спорное мы теперь должны оставить в стороне; основываясь лишь на бесспорных социологических данных, сделаем оценку панславизма и родственных с ним идей.

Панславизм, как и всякая другая идея, есть кристаллизованная в сознании потребность. Но какая же именно? Другими словами — какой *потребности* соответствует *идея* панславизма?

Кому он *нужен* и почему явился на свет? Соответствует ли *идея* панславизма *потребностям* нашего времени, нашей эпохи?

На этот вопрос мы и должны дать теперь социологический ответ индуктивным путём: исходя из бесспорных социологических элементов, мы отыщем ту *«потребность эпохи»*, которая, кристаллизовавшись в сознании, дала идею панславизма.

Итак, возьмём бесспорные социологические элементы — органические потребности — и обозначим их простейшими алгебраическими знаками.

Пусть, напр., потребность дышать воздухом будет — A_0 , потребность пить — B_0 , потребность есть — C_0 , потребность спать — D_0 , потребность полового общения — E_0 и т.д. Итак, *органические потребности* мы будем впредь обозначать заглавными буквами латинского алфавита, который принят всеми для математических (и вообще точных) наук.

Географически же мы условились обозначать органические потребностями стрелками с буквою O у основания (сравни метеорологические таблицы направления ветров).

Кроме органических потребностей, в самих себе и в окружающих мы можем заметить множество потребностей, которые не являются вовсе органическими, но *путём привычки* приближаются более или менее к органическим. Таковы, напр., ездить в экипаже и верхом вместо хождения пешком; потребность спать на кровати с матрацами вместо сырой земли, потребность носить одежду, да ещё определённого фасона; потребность курить, читать газеты и романы; потребность играть и петь или, наоборот, слушать игру и пение; потребность поддерживать знакомство с людьми; потребность властвовать, потребность молиться и т.д.

Органические потребности проследить, установить, а после анализа систематизировать было бы ещё не так трудно; но исследование потребностей *культурно-материальных*, которые побуждают нас к господству над природою, и потребностей *культурно-социальных*, которые побуждают нас к сближению с другими людьми, — это настолько сложная, трудная и важная для социологии работа, что мы не задумались выделить исследование потребностей в специальную науку «психодинамику», которая должна опираться, с одной стороны, на историю и литературу (зеркало бытовой и общественной жизни), а с другой стороны — на химические, биологические и психологические эксперименты в лабораториях.

Потребности нередко страшно осложняются и переплетаются друг с другом. Есть потребности простые и сложные, первичные и производные, слабые и сильные; есть потребности *аподиктические* (неизбежные), *ассерторические* (действительно существующие, но могущие исчезнуть) и *проблематические* (возможные), выражаясь языком логики.

Есть потребности индивидуальные, семейные, сословные, бытовые; общественные, племенные, государственные, международные. Есть потребности экономические, эстетические, этические. Есть по-

требности временные и наследственные; сознательные и бессознательные, и т.д., и т.д.

Научная потребность классификации этого хаоса потребностей и составляет одну из главных задач «психодинамики».

Обратим внимание читателя на различие между потребностями *культурно-материальными* — $a_m, b_m, c_m, d_m, e_m, \dots$ и потребностями *культурно-социальными* — $a_s, b_s, c_s, d_s, e_s, f_s, \dots$. Большими буквами алфавита мы воспользовались для более важных и устойчивых *органических* потребностей, строчными — для потребностей материальной и духовной культуры.

Возьмём примеры. Потребность строить жилища можно обозначить алгебраическим знаком a_m , или схематической стрелкой со знаком m . Потребность же гостеприимства, так широко развитую у славян, надо обозначить уже иным знаком, так как эта потребность — не материальная, а социальная; напр., знаком g_s . Без сомнения, из социальных потребностей самая основная это — потребность материнской любви к детям (a_s). Можно встретить потребности материальные, тесно сплотившиеся с социальными, напр., потребность иметь раба, слугу, помощника — t_{m2s}, t_{ms}, t_{ms2} . Не надо забывать, что схематика наша покамест приблизительная. Не решаемся ещё прибегнуть к *алгебраическим действиям* между знаками потребностей; впоследствии, быть может, удастся применить даже дифференциальное и интегральное вычисление к теории потребностей; а геометрическая схема будет не менее точно и наглядно воспроизводить взаимодействие потребностей и их общее состояние у данного семейства, сословия, народа в известное время.

Не имея права забегать вперёд в формулировке и схематике потребностей, попытаемся всё же составить простейшим *покамест* способом самую важную из социологических формул, а именно *формулу счастья*.

Не правда ли, человек чувствует себя счастливым в тот момент, когда *все наличные потребности* его удовлетворены, а новые ещё не дают о себе знать. Это кратковременное состояние удовлетворённости принято называть «хорошим настроением».

Кратковременное удовлетворительное состояние атмосферы люди называют «хорошей погодой». Из отдельных «погод» складывается общий климат данной местности; а из целого ряда отдельных настроений складывается «счастье» данного человека.

Если человеку хочется дышать свежим воздухом, есть, пить, спать, двигаться, а между тем, всего этого достигнуть нельзя, то пол-

ного счастья, конечно, у такого человека нет, хотя бы некоторые культурно-материальные и культурно-духовные потребности его были в это время удовлетворены.

Итак, удовлетворение органических потребностей есть первое условие и даже основа счастья.

Обозначив раньше *потребность* дышать свежим воздухом буквою A_o , мы можем теперь обозначить самый воздух, нужный для удовлетворения этой потребности, буквою A (уже без значка o внизу). Воздух в данном случае является *натур-социологическим элементом*.

Для потребности пить (жажды) B_o нужно соответствующее питьё B — натур-социологический элемент. Вообще каждой органической потребности соответствует реальный предмет потребления или натур-социологический элемент. Говорят, что капризному человеку хочется «птичьего» молока, но ни потребности такой, ни соответствующего предмета потребления нет.

Ряду потребностей $A_o, B_o, C_o, D_o \dots$ (органических) соответствует ряд предметов потребления $A, B, C, D \dots$ Каким же знаком обозначить само удовлетворение потребностей?

На первых порах воспользуемся знаком деления или, другими словами, горизонтальной чертой, которая в «психодинамике» получит особое социологическое название. Тогда формула «органического счастья» будет такова в простейшем виде:

$$X_o = \frac{A_o B_o C_o D_o E_o \dots}{A B C D \dots}$$

Числитель показывает, какие органические потребности находятся у данного лица; знаменатель показывает, какими реальными предметами удовлетворяются эти потребности.

Для того, чтобы удовлетворить потребность A_o соответствующим натур-социологическим элементом A , нужно употребить известный *труд*. Например, потребность дышать свежим воздухом удовлетворяется лишь при условии работы лёгких.

Труд этот — физиологический, но в других случаях труд является нервно-психологическим; возможен и смешанный психо-физический вид труда.

Точно также потребности B_o и C_o удовлетворяются соответствующими предметами B (питьём) и C (пищей) опять благодаря *труду*. Труд этот будет более или менее продолжителен, в зависимости от

культурного положения данного лица. Крестьянин долго будет трудиться руками, ногами и всем своим телом, прежде чем элемент С попадёт к нему в рот — для труда же непосредственного: челюстями, глоткою, желудком.

Изнеженный белоручка, поставленный совокупностью культурно-исторических процессов страны в привилегированное положение, довольствуется трудом — разрезывания пищи, жевания, глотания и приятного пищеварения, сопровождаемого удовлетворением других «культурных» потребностей: сидением в мягком кресле, созерцанием роскошной обстановки кабинета, курением гаванской сигары и обменом новостей и сплетен с таким же культурным паразитом общества.

А между тем, у миллионов людей на свете имеются налицо все общечеловеческие органические потребности $A_o, B_o, C_o, D_o...$ но не достаёт подчас для удовлетворения этих неизбежных потребностей то предмета А (вспомним условия жизни фабричных и горнорабочих, лишённых часто солнечного света и свежего воздуха), то предмета С (голодовки в Индии, да и в Европе), то других предметов органической необходимости.

Как ни печальна часто картина «культурной жизни», обратимся опять к формуле счастья. Линия, отделяющая потребности от средств к их удовлетворению, тонка и почти неуловима у культурных счастливых: эта *линия труда* для них почти не существует. У обиженных судьбою линия труда является толстой и даже двойной, тройной...

Хотя одни работают хуже волов, а другие медленно удовлетворяют свои даже мимолётные потребности, тем не менее все употребляют некоторый *труд* для овладения предметом потребления. Вот почему мы вправе назвать линию в формуле счастья между числителем и знаменателем — *линией труда*.

Формулу органического счастья у пролетария Z можно представить в таком виде:

$$Z_o = \frac{A_o B_o C_o D_o E_o F_o G_o H_o \dots}{A B - D E \text{ — — —}}$$

Формулу органического счастья у оптимата Y представить можно так:

$$Y_0 = \frac{A_0 B_0 C_0 D_0 E_0 F_0 G_0 H_0 I_0 K_0}{A_1 A_2 A_3 A_4 \dots B_1 B_2 B_3 \dots C_1 C_2 C_3 C_4 \dots D_1 D_2 D_3 \dots E_1 E_2 E_3 \dots}$$

Кроме *органического счастья* есть ещё счастье *культурно-материальное* и *культурно-социальное*. Материальные и социальные (духовные) потребности, как мы видели раньше, отличаются от органических потребностей следующим основным признаком: культурные потребности вообще (и материальные, и социальные) — *приобретаемы* организмом в течение его жизненной деятельности, а органические потребности *врождены* организму. К потребностям органическим имеет близкое отношение закон наследственности, к потребностям культурным — закон борьбы за существование.

Общая формула счастья для всевозможных потребностей — такова:

$$X_0 X_m X_s = \frac{A_0 B_0 C_0 \dots a_m b_m c_m d_m \dots a_s b_s c_s d_s e_s \dots}{A B C \dots a b c d e \dots \alpha \beta \varphi \delta \epsilon \dots}$$

В следующей главе рассмотрим, какая потребность лежит в основе панславизма и каким образом удовлетворение этой идеи и других однородных идей повысит *органическое, материальное и социальное* счастья Славянства и других племенных комплексов.

VIII. Потребность сближения

Связь и зависимость между *идеями* и *потребностями* не подлежит сомнению. Однако точно установить эту связь и облечь её в математические формулы — дело весьма трудное. Будущие исследователи в области *психодинамики* соберут предварительно достаточный запас самых разнообразных *фактов*, а затем уже займутся *обобщениями*. Ведь обобщения без фактов — только метафизика.

Большую помощь социологии вообще, а психодинамики в частности могла бы оказать бытовая литература — конечно, при условии, если литература правдиво, без искажений воспроизводит социальную действительность.

В русской литературе заслуженной известностью стали пользоваться теперь писатели А. Чехов и М. Горький. Произведения этих писателей нередко дают превосходное по своей верности изображение *индивидуальных и социальных потребностей*. Оба писателя зна-

комьят читателя очень часто с развитием той или другой потребности в людях: растёт потребность, доходит до порога сознания и, наконец, облекается в идею.

Возьмём для примера небольшой рассказ Чехова «*Спать хочется*». Хозяйка, жена сапожника, заставляет девочку Варьку, кроме дневных работ, по ночам укачивать ребёнка. Варька недосыпает изо дня в день. *Потребность* сна усиливается в организме Варьки до такой степени, что она готова дремать чуть ли не стоя. А между тем, за малейшую провинность девочке больно достаётся. Читатель видит, как *неудовлетворённая потребность* вызывает в голове у полусонной Варьки беспорядочные идеи, напр., когда она сидит над колыбелью ребёнка и бормочет: «Баю-баюшки-баю, а я песенку спою»...

Наконец, *неудовлетворённая потребность* вполне уже достигла порога сознания и порождает в голове Варьки ужасную *идею*... Ребёнок постоянно кричит; по ночам из-за него нельзя спокойно поспать, — а «спать хочется» !.. Надо *устранить* тот предмет, который *мешает* спать, — промелькнула *идея* в голове Варьки... И Варька душит ребёнка, а затем? — бросается на пол и засыпает мёртвым сном...

Конечно, и в произведениях *прежних* великих писателей эллинской, римской, восточной, романской, германской, славянской литературы социология найдёт немало материала для анализа и обобщений.

Если обозначим элементы мышления, или *абстрактного* сознания, буквою I (идеи); элементы чувства, или *конкретного* сознания, буквою S (ощущения); элементы воли, или *инстинктивного* сознания, буквою V (стремления), то получится следующая формула, требующая многократной проверки в будущем:

$$I = \text{ab}\sqrt{Vs}$$

В данной формуле V обозначает потребность, существующую в зародыше (наследственные потребности проявляются в виде инстинкта). Если эту потребность «возвести на степень *сознания*», т.е. проявить в целом ряд конкретных ощущений, то получится V^s = чувственное восприятие. Извлечение *коренных* признаков из чувственного впечатления и даст идею I: эту *абстракцию* для получения идеи мы и обозначили выше знаком радикала с показателем «ab».

Итак, *идея есть абстрактно-сознанная потребность* или отражение потребности в сознании. Стало быть, панславизм, пангерманизм, панроманизм, как и всякие другие идеи, являются кристаллиза-

цией (точнее *абстракцией*) каких-то более или менее ясно сознанных потребностей.

В приведённой выше формуле, выясняющей общую связь между волей, чувством и умом, сделаем видоизменение, допускаемое математикой:

$$\pm \sqrt[s]{Iab} = V.$$

Эта новая формула указывает на то, что *потребность*, чрез посредство *чувства*, является корнем всякой *идеи*. Пример: *потребность*, вылившаяся в *чувство* любви, непременно порождает *идею* о семейной жизни *с любимым человеком*. Отчего порою идея о семейной жизни (с нелюбимым человеком) вытекает не из половой, а из другой потребности, благодаря экономическим, юридическим, словесным, служебным и другим обстоятельствам, — рассмотрением этого должна заняться уже психодинамика.

Панславистов многие легкомысленно обвиняют во враждебном будто бы отношении к туркам и немцам. Какой-нибудь остряк захочет, пожалуй, формулировать идею панславизма наподобие Варькиной идеи так: «Надо устранить турок и немцев, которые мешают славянам...» Неужели *спать*?.. Нет, *соединиться* для общей культурной жизни.

Конечно, возможны на свете фанатики панславизма, которых идея эта превратившись уже в *idée fixe*¹, довела бы до убийства «врагов славянства». Но никто не назовёт фанатиком царя-освободителя Александра II за то, что он освободил Болгарию от турецкого ига путём неизбежной в то время *войны*. Нельзя назвать фанатиками панславизма и тех государственных людей России, которые готовы были бы объявить войну Пруссии (не касаясь остальной Германии) за угнетаемых поляков в Познани, а Австро-Венгрии — за чехов, словаков, галичан, хорватов, словенцев, босняков, герцеговинцев. Панславизм — идея освободительная, враждебная порабощению.

Однако, если такие *воинственные* панслависты — не редкость (вспомним, напр., добровольцев в войне за независимость Сербии 25 лет тому назад), то несравненно более в Европе панславистов *миролюбивых*, которые хотели бы мирным дипломатическим, общественным, экономическим путём достигнуть сближения славян. Органом такого мирного, культурного панславизма является «Славянский век»².

¹ *idée fixe* (франц.) — навязчивая идея.

² «Славянский Век» издаётся в Вене (XVIII/2, Bennogasse 22) д-ром философии Дмитрием Николаевичем Вергуном (III год изд.), 6 руб. в год.

Идею панславизма вообще надо выразить так: панславизм есть *абстрактно-сознанная потребность конкретного сближения славян*. В основе панславизма, стало быть, коренится *потребность сближения*.

Существует *психологический закон*, подобный *закону тяготения*, открытому бессмертным Ньютоном, во вселенной: это *закон ассоциации идей*. Правильнее было бы назвать его *потребностью* сцепления представлений и понятий. Потребность эта является в области мышления, следовательно может получить название *логической потребности*.

Бессознательной, чисто-материальной потребности тяготения, напоминающей ассоциацию идей в области ума, соответствует в области воли и чувства — *потребность сближения*.

В органическом мире потребность сближения играет такую же роковую роль, как закон тяготения в мире неорганическом. Что такое половое влечение у животных, как не *потребность сближения* для продолжения рода?

Живые существа воспользовались с течением времени готовым уже явлением *сближения* для самых разнообразных целей *материального* и *социального* свойства, но первоначальный толчок к сближению дан был чисто-органической половой потребностью.

Психодинамика должна в будущем исследовать и выявить вопрос о том, как из органической потребности сближения развились материальные и социальные стремления к человеческой *солидарности*. Быть может, культурные потребности воспользовались уже готовым фактом органического и семейно-родового сближения для своих целей, но дело в том, что культурные потребности сами то могли зародиться уже *после сближения*. Сто с лишком лет тому назад Жан-Жак Руссо¹ и другие рационалисты, чуждые эмпиризма, могли воображать, что люди *сблизились* и заключили договор («*Contrat social*») об устройстве государства для того, чтобы лучше и легче удовлетворять свои культурные потребности. А на самом деле, никаких культурных потребностей не могло быть до *сближения*: культура явилась результатом, плодом человеческого сближения.

Теперь, когда в социологии не мыслим рационализм, лишённый эмпирической опоры, мыслители признали медленность и постепенность развития человеческих обществ. Культуру стали изучать не с догматической, а с исторической точки зрения. Русский социолог

¹ Жан-Жак Руссо (1712–1778) — французский философ-просветитель.

Максим Ковалевский, пользующийся европейской известностью, видит прогресс и развитие культуры в расширении *общечеловеческой солидарности*. Потребность общечеловеческого *сближения* является у космополитов основным пунктом мировоззрения и деятельности. Узкие националисты, «квасные патриоты», желающие *обособить* свой народ от взаимодействия с остальным человечеством, вызывают теперь лишь улыбку, насмешки, а чаще презрение. Даже Китай находится накануне *сближения* с Европой и Америкой. Даже Тибет решит, по-видимому, отказаться от своей замкнутости и отправил недавно послов в Петербург.

Итак, *идея панславизма, будучи основана на потребности сближения, выдерживает самую строгую социологическую критику*. Панславизм нужен в настоящее время славянам для расширения и развития славянской культурной жизни, так же точно, как пангерманизм нужен народам германской расы¹, панроманизм — романским народам², панамериканизм — американским народам³ и т.д. Сближение идёт всегда постепенно, а не скачками: *однородные* вещества и народы *легче* сближаются и соединяются, чем разнородные.

Было время, когда шло историческим путём *национальное объединение*, а со временем *будет* общечеловеческая культура. Теперь же в промежутке между прошедшим и отдалённым будущим наступит *потребность племенного сближения* и выработки *племенных культур* (общеславянской, общегерманской, общемонгольской и т.д.), которые сольются потом, да и теперь уже сливаются, в культуру общечеловеческую. Славяне имеют полное право, историческое и социологическое, внести свою *самостоятельную* лепту сначала в общеевропейскую, а затем и в общечеловеческую культуру.

Почему же человечество в этом общем ходе сближения и единения не может миновать *промежуточный племенной стадии* сближения? Разве не проще перескочить прямо от национализма к космополитизму?

Эти вопросы мы рассмотрим в следующем очерке «*Культурное сближение народов в Европе*».

¹ См. речь Бьернсона, приведённую в No. 23 «Слав. Века» на стр. 24 «Скандинавский пангерманизм».

² См. о сближении романской студенческой молодёжи в No. 11–12 «Сл. Века» на стр. 18.

³ В Вашингтоне не особенно давно происходил панамериканский конгресс.

IX. Культурное сближение народов Европы

Первые славянофилы мечтали о *самобытной* славянской культуре. Следует ли и нам, неославянофилам, всеславянам молодого поколения стремиться к этой самобытности в области славянской культуры? И да, и нет, смотря потому, что понимать под словом «самобытность» и какую из сторон культуры принимать во внимание.

В предыдущих очерках мы пришли к заключению, что таинственная «культура», о которой так высокопарно и туманно любят многие рассуждать, сводится в сущности к взаимодействию: 1) человека с природою и 2) человека с другими людьми. Тот, кто берёт на себя задачу изучать славянскую культуру, должен ознакомиться с очень важным вопросом: как влияла природа с её почвою, климатом, орошением, растительностью и т. д. на славянские народности и как они взаимодействовали с природою (материальная славянская культура). Далее, любителю славянской культуры предстоит решение вопроса: как славяне взаимодействовали друг с другом и со своими историческими многообразными соседями (социальная славянская культура или славянская цивилизация).

Раздавались и раздаются голоса, которые говорят: надо всё заимствовать с Запада; у славян-де не было и нет своей культуры; а если и была, то — варварская, азиатская; славяне-де уже в раннюю пору своей истории заимствуют культуру либо у Византии, либо у немцев.

Такие рассуждения прежних западников столь же необоснованны и произвольны, как и противоположная крайность — рассуждения прежних славянофилов о какой-то таинственной самобытной славянской культуре. Нет на свете нигде культуры, которая была бы совершенно самобытной, и нет культуры, которая была бы вполне заимствованной. Когда человек взаимодействует с природою и с другими себе подобными существами, то является кое-где творцом, кое-где подражателем: всё зависит от условий места и времени, от развития самого человека, от примера окружающих. Творческое и подражательное начало так тесно переплетаются в народной культуре, что в былинах, песнях, обычаях, верованиях творцом принято считать весь народ, хотя несомненно, что более даровитые личности создавали, а толпа подражала и перенимала.

В самом деле, что такое по своему внутреннему составу материальная и социальная культура?

Материальная культура состоит в 1) охоте, 2) рыболовстве, 3) скотоводстве и птицеводстве, 4) хлебопашестве, 5) садоводстве, огородничестве, виноделии, 6) горном промысле, 7) всевозможных

ремёслах — кузнечном, столярном и пр., 8) кустарной и мануфактурной промышленности, 9) фабрично-заводской промышленности, 10) торговле. Материальная культура, короче сказать, тождественна с добывающей, обрабатывающей и меновой деятельностью. А так как для всего этого нужен запас практических знаний и методов, для торговли же кроме того и устройство путей сообщения, стало быть, к материальной культуре нужно отнести и технику (во всех её разветвлениях). Но техника стоит в тесной связи с успехами наук и искусств, с общим умственным развитием нации: значит, техника граничит с социальной культурой или цивилизацией.

Цивилизация же проявляется в следующих отраслях: 1) языке, 2) религии, 3) семейно-родовом быте, 4) искусствах, 5) науках, 6) администрации, 7) судопроизводстве, 8) законодательстве, 9) сословно-юридических отношениях, 10) государственных, 11) международных.

Славянская культура, поскольку она была в прошедшем, поскольку она существует в настоящем и поскольку будет развиваться в будущем, — состоит тоже из материальной и социальной сторон, а эти в свою очередь распадаются на вышеуказанные разновидности. Может быть, какая-нибудь отрасль культуры ускользнула от моего внимания; быть может, формулировка не везде достаточно определённая; я не заявляю притязаний на непогрешимость. Но во всяком случае мы с читателем легко решим вопрос, самобытна ли славянская культура в прошедшем и настоящем, будет ли она самобытной в будущем.

В индоевропейскую доисторическую эпоху, когда только зарождались зачатки материальной и социальной культуры у арийцев, не могло быть и речи об отдельной славянской культуре. Но затем, когда народы арийской расы расселились в юго-западной Азии и Европе, от Бенгальского залива до Исландии, то у каждого из осевших племён культура стала видоизменяться сообразно новым *потребностям*, в зависимости от 1) окружающих *материальных* условий, т.е. почвы, климата, орошения, растительности и пр., 2) от окружающих *социальных* условий, т.е. под влиянием соседних народов. Пути сообщения тогда были плохие и малочисленные, простору было много, населения мало. Неудивительно, если культура у каждого племени развивалась почти самобытно и самостоятельно. Правда, арийский первоисточник культуры был общим; да и одинаковое устройство человеческого организма и сходство общечеловеческих *потребностей* делали эти «самобытные культуры» чрезвычайно похожими друг на друга. До сих пор ещё часто ведутся споры между учёными этнографами, лингвистами, историками литературы и пр., чем объяснить *сходство* тех или

других обычаев у самых различных народов индоевропейской расы. Одни объясняют общей арийской основой, другие — заимствованием, третьи — одинаковым условиями жизни и сходством *человеческих потребностей*. И то, и другое, и третье — верно; всё это надо принимать в расчёт при изучении любой, а значит, и *славянской* культуры.

Но раньше, чем у арийцев развилась культура, она уже развивалась у народов семитической расы — египтян, финикийцев, ассири-вавилонян, евреев — и у монголо-китайцев. Китайцы, а впоследствии американские ацтеки и инки не оказали воздействия на европейскую культуру. Но семиты рано стали влиять на эллинов с одной стороны, мидо-персов с другой, а затем одарили арийцев таким чудным, глубоко культурным элементом, как христианство. Уже в силу этого западноевропейская и славянская культуры не могут заявлять слишком смелых притязаний на самобытность. Оставшись сами в стороне от ими же порождённого культурно-социального движения, называемого христианством, семиты породили затем третье по счёту религиозное и общественно-политическое брожение в виде мусульманства. Буддизм, христианство и ислам оказали различное воздействие на культуру Европы: так, приняв христианство от семитов, европейские арийцы стали в оппозицию к иудаизму и мусульманству. Борьба Византии с арабами, враждебное отношение инквизиции к евреям, борьба с маврами в Испании, крестовые походы против мусульманского арабостурецкого Востока сменились затем так называемым антисемитизмом по отношению к евреям и враждою европейцев, особенно славян, к Турции. Конечно, тут играли роль не только религиозные, но и экономические и политические причины. Резкое различие культур препятствовало, как доказывает история, слиянию и даже сближению *разнородных* племенных групп. Вот почему мы так убеждены в исторической неизбежности панславизма, пангерманизма и др. подобных явлений: здесь происходит сближение *однородных* в культурном и антропологическом отношении элементов. Поэтому мы, панслависты, сочувствуем разумному пангерманизму, сионизму, панисламизму и всякому вообще сближению однородных народностей и считаем преждевременным *в наше время* стремиться к сближению, напр., испанцев с болгарами, или датчан с персами, или евреев с китайцами и т.д., только на том основании, что все они *люди*. Это — прекрасно, но это теперь неосуществимо, за исключением единичных случаев. Для космополитизма настанет ещё время; не надо забегать вперёд. Несмотря на благородные призывы, всё ещё льются, к сожалению, потоки человеческой крови. *Об устранении этого* надо позаботиться

прежде всего; следовательно, необходимы культурно-племенные федерации, равновесие которых водворит мир на земле.

Однако вернёмся к вопросу о самобытности и самостоятельности культуры. Разграничим два этих понятия и назовём 1) самобытностью культуры — независимое *творчество* в области культуры, а 2) самостоятельностью культуры — независимое *пользование* своей и чужой культурой, сливаемой вместе. С такой точки зрения, египтяне, китайцы, ацтеки, инки, пожалуй, могут ещё иметь право на *самобытность*. Всем же остальным надо заявлять лишь о своей *самостоятельности*. Самобытна ли славянская культура? Нет, она пережила множество влияний, воздействий, заимствований со стороны. А самостоятельна ли? Да, в разное время различные славянские народы стояли на высоте культурного развития и *самостоятельно* двигали культуру вперёд в материальном и социальном отношениях. Временем расцвета Моравии была эпоха князя Ростислава¹; в Болгарии — эпоха царя Симеона²; в Хорватии — короля Звонимира³; в Чехии — «золотого короля» Оттокара II⁴ и мудрого императора Карла IV⁵; в Сербии — эпоха Стефана Душана⁶; в Польше — Болеслава Храброго⁷, Казимира III Великого⁸, Сигизмунда II Августа⁹, Стефана Батория¹⁰, Яна Собеского¹¹. Временем культурного развития Руси были эпохи Владимира Св., Ярослава Мудрого, осторожного Ивана III, гениального Петра I, мудрой Екатерины II, Александра I Благословенного, Александра II Освободителя, Александра III Миротворца.

¹ Ростислав (846–870) — князь великой Моравии.

² Симеон Великий (864–927) — Великий князь, а затем (с 918 г.) Царь Болгарии.

³ Дмитар Звонимир (умер 1089) — король Хорватии в 1076–1089 гг.

⁴ Пржемысл Отакар (1233–1278) — король Чехии с 1253 по 1278 гг.

⁵ Карл IV Люксембургский (1316–1378) — король Чехии с 1346 по 1378 гг.

⁶ Стефан Урош Душан (1308–1355) — с 1346 г. Царь сербов и греков, создатель Сербского царства.

⁷ Болеслав Храбрый (967–1025) — первый король Польши.

⁸ Казимир III Великий (1310–1370) — король Польши с 1333 по 1370 гг.

⁹ Сигизмунд II Август (1520–1572) — великий князь литовский с 1529 г.

¹⁰ Стефан Баторий (1533–1586) — Король польский и великий князь литовский с 1575 по 1586 гг.

¹¹ Ян III Собеский (1629–1696) — Король польский и великий князь литовский с 1674 по 1696 гг.

Для того, чтобы наше мнение о несамобытности европейской культуры вообще, а славянской в частности, не казалось голословным, мы должны бросить беглый взгляд на культурное прошлое Европы.

Пышно расцвела в древности эллинская культура на почве, удобренной восточными элементами. Затем латино-романская культура впитала в себя живительное наследие эллинизма. Перенесение столицы как политического и культурного центра Константином Великим¹ из Рима в Византию (в IV веке) и распространение к тому времени христианства дало толчок новой византийской культуре, самостоятельной в религиозной сфере, а в остальном преимущественно подражательной. Германцы, завладев Зап. Римской империей, усвоили латино-романскую культуру; славяне долгое время воспринимали византийскую культуру, кроме чехов и поляков, которые почти сразу подчинились влиянию романо-германской культуры.

В глубокой древности культура, выработанная отдельным народом, переходила к соседям очень медленно, в течение веков, и усваивалась *не вся*, а лишь сообразно потребностям, нуждам и развитию заимствующих. Тогда было время — отдельных национальных культур. В сфере материальной тогда господствовало натуральное хозяйство, основанное на рабстве, а сфере социальной замечалось отчуждение и обособление народов друг от друга. Даже высокоразвитые эллины сторонились по мере возможности от других народов и называли их презрительно «варварами», хотя восточным варварам греки были обязаны азбукой, мерами и весами, системой орошения, религиозными представлениями; даже основатели многих греческих городов считались пришельцами (напр., финикийский царевич Кадм — основатель Фив).

Впоследствии с ростом населения, увеличением сухопутных, речных и морских путей сообщения, развитием международной торговли культура стала переходить от народа к народу несравненно скорее и в гораздо больших дозах. Так было во времена Римской империи. Так продолжалось (после временного упадка культуры) и в Средние века. Феодализм как культурное явление охватил всю Зап. Европу и стал проникать к западным славянам — чехам и полякам. Культурное влияние католической церкви распространилось по всему западу, проявилось в знаменитом «Божьем перемирии», в развитии схоластики, в подготовке крестовых походов, в инквизиции и т.д. Культурная борьба папства с империей живо интересовала всю Зап.

¹ Константин Великий (272–337) — император Римской империи.

Европу: гвельфы и гибеллины встречались повсюду. Крестовые походы объединили западных европейцев, познакомили их с культурой мусульманского мира и Византии. Целый переворот произошёл под влиянием этих событий и благодаря целому ряду открытий и изобретений в материальной и социальной культуре Европы к концу средних веков.

Между тем, восточные славяне — русские — впитывали в себя византийскую культуру через Киев, германскую через Новгород Великий, азиатскую через камских болгар, арабов, хазар, а затем — при посредстве Золотой Орды. Западные славяне частью исчезли (полабские и поморские) под напором германизации, частью подчинились культурному влиянию романо-германской расы (хорваты, чехи, поляки). Южные славяне вырабатывали культуру под византийским влиянием, пока наконец не подпали под турецкое иго: та же участь постигла окончательно и Византию в 1453 году.

Греки, убегая от турок, усилили зародыши гуманизма в Италии, а отсюда культурный ток гуманизма проник в остальную Европу, между прочим и к хорватам, чехам, полякам. Реформация охватила всю северо-западную Европу, начавшись в Англии (Джон Виклиф¹), проявившись затем в Чехии (Ян Гус) и окончательно развившись в Германии (Мартин Лютер²), Швейцарии (Кальвин³ и Цвингли⁴). В Польше реформация быстро привилась отчасти в виде гуситства и учения моравских братьев, отчасти в виде лютеранства и кальвинизма, но главным образом в виде антитринитарианства (новейшего арианства, созданного испанцем Серветом⁵). В России эхом реформации служит ересь Матвея Башкина⁶ и Феодосия Косого⁷ в XVI ст., явившаяся после ересей тригольников и жидовствующих...

¹ Джон Уиклиф (1320 или 1324–1384) — английский богослов, основатель учения виклифистов.

² Мартин Лютер (1483–1546) — христианский богослов, инициатор Реформации.

³ Жан Кальвин (1509–1564) — французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма.

⁴ Ульрих Цвингли (1484–1531) — руководитель Реформации в Швейцарии.

⁵ Мигель Сервет (1511–1533) — испанский теолог.

⁶ Матвей Семенович Башкин (даты жизни неизвестны) — еретик XVI в.

⁷ Феодосий Косой (даты жизни неизвестны) — еретик XVI в.

Между тем, *натуральное* хозяйство Европы, тесно связанное с крепостничеством, постепенно сменялось *денежным*. Торговые ломбардские города на юге и ганзейские на севере уступили место сначала Испании и Португалии, затем Голландии и Англии: это было вызвано открытием новых путей в Америку и Индию. Культурное сближение народов Европы всё более и более увеличивалось. Мало-помалу культурный авторитет в Европе переходит к Франции (при Людовике XIV¹).

Культурное влияние Запада устремляется окончательно в Россию при Петре Великом, которому предшествовали в этом отношении Иоанн III, Борис Годунов, Лжедмитрий I, Алексей Михайлович. При Елисавете Петровне немецкое влияние в России сменится французским. При Екатерине II Россия вступает уже на *самостоятельный* культурный путь: Панин, Потёмкин в области политики, Суворов в военном деле, Державин и Фон-Визин в литературе являются если не самобытными, то зато самостоятельными культурными силами.

В XIX веке, когда явились пароходы, железные дороги, телеграфы, телефоны, фотография, фонографы, когда международные сношения благодаря превосходным путям сообщения и густоте населения сделались необыкновенно оживлёнными, — появилось стремление к культурному единению всего человечества. *Нравственный космополитизм*, предугаданный Сократом в Греции, Сакиа-Муни², Конфуцием на Востоке, был возведён в окончательной форме учением Христа; философия рационалистов, а особенно Вольтера³ и Жан-Жака Руссо, приводившая к *социально-политическому космополитизму*, была на деле применена французской революцией; «свобода, равенство и братство» лежат в основе обоих видов космополитизма, но христианство и рационализм смотрят на эту задачу культурной деятельности человечества с разных точек зрения (нравственной и материальной), а потому и дополняют взаимно друг друга. Стремясь в XX веке к сближению и *федеративному* соединению на *этнографическом* принципе родственных наций, человечество этим достигнет и братства, и равенства, и свободы в культурно-материальной и культурно-социальной сторонах жизни... Верхние слои общества почти повсюду теперь космополитизировались. В Новой Зеландии, в Капштад-

¹ Людовик XIV (1638–1715) — король Франции с 1643 по 1715 гг.

² Будда Шакьямуни (563 до н. э. – 483 до н. э.) — легендарный основатель буддизма.

³ Вольтер (1694–1778) — французский философ эпохи Просвещения.

те, в Буэнос-Айресе, даже в Иеддо вы найдёте почти одинаковую культурную обстановку сравнительно с Парижем, Лондоном, Берлином, Веной, Петербургом, Римом; конечно, мы говорим о частичном сходстве, так как наряду с западноевропейскими культурными явлениями везде сохранились в средних, а особенно низших слоях населения, местные национальные отличия. Новые открытия, изобретения, усовершенствования и даже моды чуть ли не с быстротою ветра облетают весь культурный (в европейском смысле) мир. Мы все живо ещё помним изобретение фонографа Эдиссоном, открытие ультрафиолетовых лучей Рентгеном, чахоточной бактерии открытие Кохом. Благодаря культурному обмену предметов и идей успехи наук — поразительны.

Не то же ли произойдёт в политической и общественной сторонах культуры после сближения, если не всего человечества (об этом и мечтать ещё рано), то по крайней мере одноплемённых народов (а это в XX веке вполне осуществимо)? Польский астроном Николай Коперник открыл тайну солнечной системы, но низведение нашей земли с пьедестала величия на степень простой планеты пришлось тогда не по вкусу схоластической культуре Запада; если теперь русский учёный Мечников откроет тайну человеческой жизни и сумеет победить старость, то открытие это тотчас ж станет общечеловеческим достоянием. Да! Каждый человек, каждое сословие, каждый народ, каждая племенная федерация должны *самостоятельно*, т.е. без рабской подражательности внутри и без рабского подчинения извне, работать на поприще культуры, а плоды её станут общим достоянием человечества. Итак, необходимы: 1. самостоятельность или свобода культурной деятельности, 2. равенство или равное участие всех народов в общекультурном труде, 3. братство родственных народов для прекращения войн и создания *естественного* (а не искусственного) политического равновесия.

В наше время уже немыслима культурная обособленность, как в былые, стародавние времена. Непозволительно и безнравственно было бы теперь тому или другому народу держать в секрете про себя такие культурные приобретения, которые могут осчастливить весь мир. Общечеловеческая солидарность полезна для всех, как дважды два — четыре. Но эта общечеловеческая солидарность достигнута пока лишь в области науки и отчасти в области техники и искусства. Торговля сделалась тоже общемировым явлением, но здесь вместо солидарности мы видим захват «рынков» (особенно отличается Англия!), конкуренцию, корыстолюбие, обман, зависть и войны ради

коммерческих интересов страны: Меркурий подчинил себе Марса! А в политике и общественной жизни мы, люди, зачастую всё ещё — полузвери. Вот почему панславизм, пангерманизм, панроманизм, сионизм и т.д. являются не шагом назад к замкнутости и обособлению, а наоборот — шагом вперёд к сближению и солидарности. Если национализм был передовым культурным явлением сравнительно с федерализмом и удельным порядком, то *племенной федерализм* ещё более стремится вперёд по пути человеческой солидарности. Космополитизм французских революционеров был насильственным и сводился к подчинению всех народов рационалистической культурной утопии; Наполеон, презиравший «идеологию», воспользовался этим движением, продолжил его и подчинил много народов, но *себе*. Цезаризм (мечта о всемирной монархии) и папизм (мечта о всемирной теократии) — тоже ведь своеобразный «космополитизм». *Племенному федерализму, наоборот, дорого свободное существование и самостоятельное развитие каждого народа в сфере братского союза, где все члены-братья равны*. Истинный панславист с уважением и сочувствием относится к пангерманисту, панроманисту, сионисту, панисламу, панамериканисту, панмонголисту, если только эти люди заботятся о *соединении своих*, а не о *поглощении чужих*, — если они довольствуются *своей* территорией, а не мечтают о *чужой*.

Но устанавливать насильственно общий язык (будь это немецкий, английский или же фантастический вроде «волапока»), общую религию, общее хозяйство и общее правление для всего человечества, как хотели бы космополиты чистейшей формации, — не только *преждевременно*, но и *нелепо*, а кроме того — *возмутительно*, как насилие над личностями и народами. Да и вряд ли желательно, даже в отдалённом будущем, такое приведение всего к общему знаменателю, такое казарменное однообразие в области культуры? Где однообразие, там нет действительной жизни, нет культурного соперничества и развития: там начинается культурный застой; примером может служить Китай, где однообразие особенно наглядно проявилось в неизменных церемониях даже будничной жизни. Единение возможно и при разнообразии.

Х. Племенной федерализм

Начало ассоциации широко развито повсюду. Европейские и американские капиталисты соединяются в синдикаты и трасты. Ремесленники и рабочие соединялись и соединяются в цехи, ассоциации, артели. Успехи капитализма в России в последнее время вызвали

противодействие в виде целого ряда рабочих артелей, особенно на юге России: здесь известным организатором артельного дела является адвокат Н.В. Левитский¹.

Если *разделение труда* возможно между *разнородными* рабочими элементами, то принцип *ассоциации*, т.е. равноправного сотрудничества, требует, чтобы сотрудники были по возможности *однородны* друг с другом. Артель булочников с пекарями и даже с кондитерами для совместного производства и сбыта — дело естественное, но артель булочников с сапожниками или портными — явление невозможное, а если и возможное, то в высшей степени искусственное и непрочное.

В области политики так же точно не возможна прочная ассоциация России, напр., с Мексикой, или Испании с Абиссинией. У Англии и Японии нашлись общие интересы, да и островное положение обеих однородно, а всё-таки союз этот, недавно заключённый, нельзя назвать естественной политической ассоциацией ввиду расовой и культурной разнородности англичан и японцев. А вот Соединённые Штаты Северной Америки, или Швейцария, или даже государства Германской империи являются прочными политическими ассоциациями.

Хотя нынешний тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии существует довольно давно, но вряд ли кто-нибудь назовёт его естественной политической ассоциацией: немцы, славяне, венгерцы, итальянцы *разнородны* почти во всём, и даже общих экономических интересов у них очень мало. Союз России с Францией тоже имеет временный, преходящий характер, хотя и выгоден в настоящее время для обеих.

Конечно, название политической ассоциации можно применить к любому союзу государств и любому союзному государству (напр., Англии с Шотландией и Ирландией), но нам важно установить: какое именно сближение народов является прочной, устойчивой и притом *естественной* ассоциацией не по названию только, но и в действительности? Далее, какие народы *легче всего* могут вступить друг с другом не только в политическую связь, но и в *культурно-историческое сотрудничество*?

В науке международного права различается 1. «*Staatenbund — Confederatio — Союз государств*» и «*Bundesstaat — Federatio — Со-*

¹ Левитский Николай Васильевич (1859 – после 1902) — организатор артелей в России.

юзное государство». К первому типу политической ассоциации относятся средневековая «Священная Римская Империя», «Священный Союз» после Венского конгресса 1815 г., для поддержания *легитимизма* (законного порядка) в Европе, и всевозможные союзы, прошедшие и настоящие для сохранения *политического равновесия*. Все эти политические ассоциации — искусственны, создаются на время и заключаются часто весьма разнородными нациями. Ко второму типу политической ассоциации относятся современные Соединённые Штаты С.А., Бразильская федеративная республика Венесуэлла, Мексика и Швейцария. К смешанному, промежуточному типу между «союзом государств» и «союзным государством» относится нынешняя Германская империя. Что касается Австро-Венгрии, то она теперь является (с 14 ноября 1868 г.) уже не единым государством, а «союзным государством», основанным на дуализме. Политический дуэт Австро-Венгрии в будущем может перейти в трио Австро-Венгро-Чехии, затем в квартет Австро-Венгро-Чехо-Галиции.

«А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь», — невольно вспоминаются тут слова знаменитого русского баснописца Крылова в басне «Квартет».

Квартет может перейти в квинтет: а) немцев, б) венгров, в) чехов, г) поляков, д) хорватов и сербов; в секстет, с присоединением е) червонно- и карпато-русов. Одним словом, Австрия, видимо, находится на пути если не к распадению, то к превращению в союзное — федеративное — государство, не двухчленное, а даже, быть может, и десятичленное.

Но если Австро-Венгрия и станет вполне федеративной, всё же элементы, её составляющие, по-прежнему останутся *разнородными*, а следовательно, данная политическая ассоциация будет столь же *искусственной*, как и в прежнее время, когда говорили:

«Bella gerant alii; tu felix (?) Austria nube! »

(Пусть ведут войны другие;

ты же, счастливая (?) Австрия, заключай браки!»)

Правда, Швейцария состоит из разнородных кантонов, но кто проследил историю этой микроскопической федерации, тот знает, с каким трудом удалось «Швейцарскому Союзу» превратиться в «Союзное государство Швейцарии».

Не может быть сомнения, конечно, что однородным рабочим и однородным нациям легче соединиться в ассоциацию для совместной культурно-политической деятельности, нежели разнородным. Вот

почему федерация или по крайней мере конфедерация (*Staatenbund*) славянских народов — дело столь же осуществимое и *естественное*, как федерация романских народов, германских, североамериканских, южноамериканских, монгольских и т.д.

Во всяком случае культурное сближение народов в Европе, шедшее до сих пор «стихийно» — в зависимости от «исторических ветров», может стать в XX веке на новую почву: люди уже подчинили *природу* своим *потребностям*, теперь очередь наступает для *истории*. Когда же исторические потребности достигнут вполне порога сознания и породят собою ясно сознанные идеи, то человечество будет руководить ходом истории сообразно своим потребностям. А в настоящее время человечество сознаёт, уже довольно ясно, *потребность в сближении и сотрудничестве однородных наций*: назрела потребность в *племенном федерализме*!

Стремление к культурно-политической ассоциации со стороны разрозненных славян ли, германцев, греков, американцев, евреев (сионистов) и т.д. — столь же *естественно* и понятно, как стремление к соединению писателей с писателями, сахарозаводчиков с сахарозаводчиками, фабричных рабочих с однородными же пролетариями. Сила и могущество человечества, весь секрет культуры и цивилизации скрывается в *единении*, в солидарности.

В науке и технике все деятели сплотились и составляют одну дружную семью: и вот эти отрасли человеческой деятельности далеко шагнули вперёд. А в политике — каждый сам себе и сам для себя! Вот почему в политике мы всё ещё полужвери! Но прежде чем исчезнет совершенно национальная исключительность, должны осуществиться промежуточные стадии исторического развития: национализм уступит место племенному федерализму, т.е. естественным ассоциациям (а не искусственным, как ныне); естественные же ассоциации будут состоять из одноплемённых народов. Итак, *панславизм* имеет свой исторический смысл, *raison d'être*, наряду с другими аналогичными движениями.

Каким же образом нынешняя националистическая Европа перейдёт в федералистическую?

Гаагская конференция, созванная по предложению русского императора Николая II, разработала идею федерализма в области международного права. Идея федерализма давно осуществилась в С.А. Соед. Штатах, Швейцарии, Мексике, а недавно в Австралии. В Австро-Венгрии целая партия посвящает свою деятельность федералистическим задачам. В Германии только гегемония Пруссии препятствует признать это государство чисто федеративным. Конгрессы мира про-

поведуют идею федерализма. Известный русский публицист-социолог Я.А. Новиков проводит идею федерализма в литературе (см., напр., его «La fédération de l'Europe», Paris. 1901).

Какой же принцип будет положен в основу племенных федераций? Принцип этот — *этнографический*. Наполеон III и Ренан на Западе, славянофилы на Востоке указывали на важность этого принципа. Н.Я. Данилевский в своём «Евангелии Славянства», как называют многие его «Россию и Европу» (СПб. 1895 г., 5-е изд.) и генерал А.А. Киреев в «Катехизисе славянофильства» («Изложение славянофильского учения, СПб. 1896. изд. Славянского Общества) настаивают на важности этнографического начала. Это жизненное явление противоположно принципам археологическому и архивному в области дипломатии и политики. Не надо ломать голову над тем, какой народ жил *раньше* на данной территории, а надо узнать, кто живёт *теперь*. Нация, имеющая *культурное самосознание* и занимающая сплошной массой известную территорию, может владеть этой территорией, как *собственной*, и пользоваться в пределах своей *этнографической территории* большей или меньшей *автономией*; государственная ли автономия, областная ли, культурно-социальная или же культурно-материальная будет принадлежать данному народу на его этнографической территории, покажет стечение исторических обстоятельств и соглашение с другими нациями. Для таких народов, как чехи, поляки, ирландцы и др. этнографический принцип — единственно возможный выход из трудного положения. Украинская партия среди галичан-червоноруссов и среди малороссов чересчур увлекается, мечтая о политической автономии: ведь и Богдан Хмельницкий не был автономным государем — он был автономным областным правителем — гетманом. Не разбедняться и раздробляться на мелкие нации должно человечество, а объединяться на почве равноправности и, конечно, без насилия. Если червоноруссы и малороссы дорожат своим южнорусским языком, своей литературой, своим областным самоуправлением, то *это вполне естественно*; стало быть, не в политической, а областной автономии — секрет примирения украинцев-«хохлов» с великороссами-«москалями», <...>! Ведь «русину» из Галиции, пожалуй, легче быть, напр., министром в России, чем в Австро-Венгрии: политические права малороссов и червонноруссов в России такие же, как у великоруссов и белоруссов. Все эти четыре ветви, несмотря на лингвистические различия, составляют один великий и могучий Русский народ.

«Своего не отдавая, чужим не владей!» — вот сущность этнографического принципа. Этот принцип у народов латинского (роман-

ского) племени уже осуществлён историей, так что серьёзных задержек для племенной федерации там нет. Франция, Италия, Испания, Португалия, Бельгия — одноплемённые, культурно родственны друг другу во многих отношениях и вдобавок соседи. Остаётся лишь г.г. дипломатам этих стран, а также интеллигентной части общества позаботиться о Латинской или Романской Федерации: историю пора уже подчинить разумному воздействию человеческой воли! Но тут возникает вопрос относительно Ирландии.

Эта страна достигла национального самосознания и явно стремится к обособлению от Англии: англичане — притеснители, ирландцы — притесняемые; англичане — протестанты англиканского исповедания, ирландцы — католики, англичане — торгово-промышленная, капиталистическая нация, ирландцы — земледельческая; англичане принадлежат к *германской* группе, ирландцы к *кельтской*, сохранившейся на континенте в виде французских бретонцев «и, пожалуй, испанских басков». Романское племя образовалось от слияния римлян, кельтов и германцев. Недавно в Дублине был панкельтский конгресс (в 1901 г.); участники съезда одевались в одежды друидов и говорили на галльском языке. Ирландия рано или поздно отделиться от Англии и примкнёт к Романской федерации¹.

Пангерманская федерация — тоже осуществима, но не так легко, как панроманская. В самом деле, сближение Англии, Германии, немецкой части Австрии, Швеции-Норвегии, Дании, Голландии — явление исторически неизбежное, но тут затруднение является в Австрии, как там — в Ирландии.

Ещё в середине XIX века, когда немцы сознательно начали стремиться к объединению, сформировались 2 партии: 1. партия Великой Германии, с Австрией во главе, и 2. партия Малой Германии, с Пруссией во главе. Эти Grossdeutsche- и Kleindeutschepartei долго боролись

¹ Вот газетное известие недавнего времени, доказывающее наличие франко-ирландских симпатий: «По словам французских газет, в Ирландии необыкновенно разрастается франко-ирландское движение под руководством мисс Мод Гонн и принимает весьма грозные для английского владычества размеры. Известная ирландская патриотка организовала народные манифестации в Скаберине, Лимерике, Корке, которые можно сравнить лишь с манифестациями в честь О'Коннеля и Парнелли. Знамена Ирландии, Франции, Трансвааля были пронесены по улицам среди неописуемых оваций. Пели марсельезу, раздавались крики: «Да здравствуют буры и Франция!» и все усилия взбешённых англичан не могли прекратить этих манифестаций. «Одесский Листок», март 1902 г.

в знаменитом пангерманском парламенте 1848 года во Франкфурте на Майне. Впоследствии фактически одержала верх партия Малой Германии: теоретические стремления франкфуртского парламента осуществились в 1870 году, при помощи «крови и железа» — девиза Бисмарковой политики, но осуществились только отчасти... Объединение Малой Германии не может удовлетворить всех германцев. И вот партия Шенерера в Австрии воскресила прежние стремления Велико-Германской партии. Но если бы пангерманисты вместо обладания славянами поставили бы себе задачей привлечь к федеративному соединению с немцами также и англичан, голландцев, шведов, норвежцев, датчан, мы, панслависты, с того же момента стали бы их верными союзниками. И об этом дипломатам стоило бы подумать!

Однако, прежде чем *соединять* все народ германского племени в одну федерацию, а славянского — в другую, история должна *разъединить* австрийских немцев и славян. Эти «сиамские близнецы¹» не могут обойтись без операции. Операция должна быть или кровавая — война, или бескровная — дипломатические переговоры и обмены. Первый выход из затруднительного положения, который может плачевно окончиться для «лоскутного государства», оставим в стороне; рассмотрим лишь второй.

Во второй половине XIX века в Австрии шла борьба между партиями *а) унитаризма* и *б) федерализма*. Дело кончилось во время министерства Бейста установлением *дуализма*. В 1871 году, когда император Франц-Иосиф поручил составление министерства Гогенварту, была сделана попытка создать *федеративную конституцию*; попытка эта кончилась неудачей. Министерство Таафе² (1879–1893 г.) вело федералистскую политику, и славяне мало-помалу достигали равноправности с немцами в политическом отношении. Недавний период обструкции парализовал деятельность рейхстага на время.

¹ Так остроумно назвал германо-славянское сцепление ещё покойный Н.Я. Данилевский в своей превосходной в политическом отношении книге «Россия и Европа» (см. стр. 374 в 5-м издании 1895 г.). На теорию «культурно-исторических типов» Рюккерта и Данилевского нападали и Влад. Соловьёв и проф. Н.И. Кареев; а восторгался этой теорией проф. Бестужев-Рюмин. Мы же, оставляя здесь в стороне философско-теоретическую сторону книги, воздаём заслуженную дань уважения её историко-политической стороне (см. особенно главы «Восточный вопрос», «Место Австрии», «Царь-Град» и «Всеславянский Союз».

² Эдуард Таафе (1833–1895) — австрийский государственный деятель.

Желательно, чтобы в Австро-Венгрии опять взяла перевес политика внутреннего федерализма. Тогда Австро-Венгрия может превратиться в союзное государство (Bundesstaat), состоящее из следующих автономных элементов:

а) Герцогство Австрия немецкая, б) Королевство Венгрия без славян, в) Королевство Чехия, из земель чешских, моравских, словацких, г) Королевство Польское, д) Королевство Галицкое или Червоная Русь (включая сюда Карпатскую Русь и часть Буковины), е) Королевство Словено-Хорвато-Далматское, ж) Княжество Семиградия (Трансильвания), з) Тироль итальянский. Вместо вычурных архаических названий эти Соединённые Австрийские Имперские Штаты могли бы носить свои этнографические названия: 1. немецкий, 2. чешский, 3. польский, 4. русский, 5. венгерский, 6. румынский, 7. хорватский, 8. итальянский. Сербы австрийские могут войти в состав хорватского штата; впрочем, дальше будет ещё речь об этом. Какая именно конституция будет у этого федеративного государства, решит, конечно, император и союзный парламент: важно лишь, чтобы все нации были *равноправны*, автономны в своих *этнографических* пределах и представлены в общесоюзном имперском сейме (рейхсрате) *пропорционально* населению.

А если Австро-Венгрия станет федеративной, то возможны будут дипломатические комбинации и обмены. Составив свои владения из разнородных элементов путём дипломатических и особенно брачных комбинаций, династия Габсбургов могла бы для упрочения своего положения прибегнуть и к *этнографическим* комбинациям. Правда, после этого Габсбургам придётся царствовать не над немцами, но ведь это и не важно: греческий король — не грек, болгарский князь — не болгарин, румынский король — не румын и т.д. Да и теперь император Франц-Иосиф царствует почти не над немцами.

Если немецкий штат будущей Австрийской федерации пожелает выйти из союза и присоединиться к Пруссии (а пангерманисты в Вене и теперь кричат: «Да здравствуют Гогенцоллерны!»), то Пруссия — взамен такого приращения — должна уступить Австрии Познань и вообще населённые славянской массой земли.

Тогда «Австрия», оставшись без Австрии, примет более подходящее название, напр., Среднеевропейские Имперские Соединённые Штаты; а впрочем, и название «Oesterreich», в переводе «Восточная Имперская федерация», может уцелеть. Но это мелочи, а вот что важно.

Если штаты будут пользоваться внутренней автономией и только для внешних сношений и других общих дел будет существовать со-

юзное правительство с императором во главе, то весьма вероятно, что Румыния пожелает войти в состав такой федерации, чтобы слить с собою Трансильванию. Король Румынский окажется в таком же отношении к императору Австрийскому, как короли Саксонский, Баварский и т.д. — к императору Германскому.

Далее, король Сербский может быть назначен баном хорватским; Сербия может войти в состав Восточной федерации (без немцев!) и, таким образом мирно соединятся сербо-хорвато-словенские земли; губернатором Боснии и Герцеговины вместо г. Каллая может быть либо король Сербский, либо князь Черногорский, который в таком случае тоже примкнёт к федерации.

Разложится ли к тому времени Европейская Турция на составные части, мы не знаем, но исторически возможно, что Албания, Греция и Болгария тоже войдут в состав Среднеевропейской федерации. Всё это в высшей степени полезно будет и для России, как увидим дальше.

Теперь на очередь выступает вопрос о Червонной Руси. Часто приходится слышать жалобы в России на то, что Всероссийская империя на деле является не всероссийскою благодаря отсутствию в ней древней Галицкой земли. Так называемая «украинофильская» партия, опираясь на *этнографический* принцип, требует политической автономии Украины и зарубежной Руси. Но, конечно, дело немыслимое, чтобы Россия, так долго и с такими трудами собранная, опять распалась: это противоречит даже здравому смыслу! Неужели вслед за Южною Киевскою Русью заявит о своих притязаниях Новгород, Тверь, Казань, Астрахань?! Теория Костомарова о федеративном строе древней Руси очень остроумна и привлекательна, но недостаточно обоснована. Федеративное устройство немыслимо даже и теперь в России; о будущем судить не берёмся. Этнографические же, т.е. областные, стремления южнорусской (старшей) ветви русского народа вполне понятны, и в России предоставлено широкое поле для развития малороссийских песен, драматического искусства, литературы.

Приходится слышать часто жалобы на то, что западная граница России чисто условна и не опирается ни на реки, ни на горы. В царствование императора Александра III существовал проект обменять левую сторону Царства Польского на Галицкую Русь. Тогда граница России шла бы по Карпатам и по Висле. Половина Царства Польского почти равноценна Галицкой Руси. В восточной половине Царства Польского много малороссов (Холмская Русь) и литовцев (Сувалкская губерния), так что Россия лишилась бы лишь западной чисто польской территории, а приобрела бы чисто русскую Галицкую. Варшава,

сделавшись пограничным городом, ещё более выиграла бы в экономическом отношении и потеряла бы значение *политического центра* для поляков. Таким центром явился бы Краков в польском штате Австрийской федерации. От подобного дипломатического обмена все остались бы в выигрыше. В самом деле, граница России выпрямляется; не надо держать такой массы войск, как теперь в Привислянском полукруговом районе; Россия освобождается от вражды со стороны братского славянского народа; этнографические части Польши соединяются в одно целое за рубежом России без опасности для кого бы то ни было; Германия не граничит уже почти с Россией, которой она угрожала, а с польским штатом Среднеевропейского союза. Этот союз вступает в тесное экономическое и политическое единение с Россией, и образуется двойственный союз двух одинаково сильных славянских великанов. Один из этих великанов — Россия, содержащая в своих недрах и финнов, и грузин, и армян, и татар; другой великан — Среднеевропейский Имперский союз, содержащий в своём составе, кроме славян, и Грецию, и Румынию, и Венгрию, и Албанию. Константинопольский округ делается нейтральным или же составит общее владение Всеславянского Двойственного союза¹.

Дипломатическим и коммерческим языком в этом Двойственном Славянском Союзе будет, конечно, русский язык.

Между тем, в Западной Европе к тому времени осуществится Двойственный Романо-Германский Союз.

Россия, обеспеченная спокойствием на западе, может заниматься политикой на Азиатском Востоке, где панмонгольская федерация будет грозить вторжением многомиллионной жёлтой расы в Европу.

А маленькие славянские народы будут в союзе с Россией, не боясь в то же время поглощения ею...

Одесса, 29 марта 1902 года.

¹ Д.Н. Вергун в № 43 «Славян. Века» в послесловии «от редакции» говорит, между прочим, следующее: «Идеи И.В. Каменского высказывались в Австрии и раньше: Федеративную программу Палацкого и автономную Добрянского он расширил известной балканской федеративной программой Кошута и планом Суворова и Паскевича насчёт Польши» (стр. 522).

К. ХАУСХОФЕР

ПАНИДЕИ В ГЕОПОЛИТИКЕ¹

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИКЕ ПАНИДЕЙ

Убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы, широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве, становясь поддающимися описанию и реальными явлениями на просторах Земли в понятных, имеющих мировое политическое значение формах, даже если их предвестники категорично уверяют: «Царство Мое не от мира сего»², как христианство, или же устремлялись к нирване, как буддизм.

Подобный опыт показывает нам, вплоть до сегодняшнего дня, по меньшей мере сквозь семь тысячелетий, что человечество нередко и во многих своих начинаниях задерживалось на пути, ведущем от общинно-племенной групповой организации через народное (национальное) государство к мечте о совместном освоении всех известных земель, о планетарном союзе. И этот опыт можно рассматривать и изучать до известной степени как застывший, окаменевший, принадлежащий прошлому, не более как ожившие руины, а отчасти (и при этом гораздо больше, чем кажется на первый беглый взгляд) — как вполне еще жизнестойкие образования или жизненные формы будущего, способные воскреснуть из небытия и даже искусно уклониться от пытливого вмешательства науки.

Но как ловко ценители панидей — дипломаты и государственные мужи затуманивают ради национальных в своей основе целей эти превращения. В тот момент, когда панидеи воплощаются на просторах Земли — и пусть это происходит в скромных формах родового наследства апостола Петра или нынешнего Ватикана, в исполнительных органах Второго или Третьего Интернационалов, Панамериканских союзов или объединенного всемирного государства, в протоколах Пантихоокеанского союза, в журнале «Пан-Европа» с его точной картой мира на обороте, — они тотчас же становятся добычей науки о

¹ Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85-92.

² Ин 18:36.

пространстве в ее применении к государственно оформленной воле, объектом геополитики, которая исследует определяемые Землей, происходящие на ее почве процессы при каждом воплощении власти (силы) в пространстве, ее разделении, перераспределении, динамике, даже если речь идет о влиянии идей и их носителей.

Итак, наряду с атрибутами политического величия на реальной почве (*auf dem Rücken der Erde*), руническими и межевыми (пограничными) знаками, оборонительными сооружениями наподобие Великой Китайской стены, наряду с воротами и гербовыми колоннами (в возведении которых особенно преуспевали иберы — испанцы и португальцы), наряду с рубежами культуры, которые для скрытого империализма более коварны, чем осознавал кое-кто из их творцов (ямен у китайцев, купола мусульманской мечети и ортодоксальной [православной] церкви, звонницы католических храмов и пагоды буддистов, монастыри-крепости, римские дороги и акведуки), следовало бы наблюдать прежде всего за земным образом жизни, путями носителей панидей как вершителей власти на планете, дабы воздать должное их следам, их поступкам в настоящем и будущем. Из этого становится ясным далее, насколько широко возможно исследовать в столь сжатых рамках осуществимость панидей в политическом пространстве, их долговечность и их сущностные, обусловленные природой черты, зафиксировать их диапазон (*Umfuß*) в нескольких схемах, подтвердить документально, где ныне действующие панидеи размежевываются (*abgrenzen*) или пересекаются, каким ожидаемым возможностям они при этом идут навстречу, и как можно шире показать, каким образом передовые борцы за эти идеи могли бы обойти опасности, вняв предостережениям геополитики, главная задача которой в предвидении без каких-либо оговорок (*prognose sine ira et studio*¹).

«Идите и научите все народы»² — таков лейтмотив Нагорной проповеди, но, рассматриваемый с точки зрения геополитики, он все же выражает и мысль о власти в пространстве. Уже в прошлом эта мысль отчетливо пересекается с другой: «*Tu regere imperio populos, Romane, memento!*»³. И такие категорические императивы панидей — из-за которых те обе, однако же, скрещивали мечи в двухтысячелетней борьбе духовного и светского в Центральной Европе — пересекаются, сталкиваются, заполняют становящееся все более тесным

¹ «Предвидение без гнева и пристрастия» (лат.).

² Мф. 28:19.

³ «Помни, ты вершишь власть над римским народом» (лат.).

пространство, хотя их созидатели ходили босыми, лишь с нищенской сумой в монашеском облачении, как Будда, или же как мечтательные подпаски с посохом, подобно основателю мировой империи Ирана. Впрочем, монах-император Ашока, прежде чем изменить свои убеждения, вел кровавые миссионерские войны; а радующийся миру граф Куден-хове-Калерги, украсивший свой журнал картой пан-Европы, в [первой] мировой войне по меньшей мере был равнодушен к подавлению движения многих миллионов за самоопределение. Однако если мы попытаемся рассмотренные в таком свете панидеи прошлого, протекавшие процессы их инкарнации (воплощения) отделить от таковых в современной жизни, то узнаем, сколь жизнестойки однажды осуществленные панидеи, так что совсем немногие следует считать отмершими, но даже и в этих случаях вовсе нет уверенности в том, что они не возродятся в новых движениях, имеющих политическое значение для всего мира. Разве мы не видим, что не только Ленин, но и граф Кайзерлинг преисполнены гордости тем, что в них есть частица татарской, урало-алтайской крови, что их влекут в прошлое притягивающие связи с Батыем и Чингисханом? Разве мы не находим в достопочтенных новых атлантах Монгольского народного государства гордость за прародителей — евроазиатские Монгольские империи отзвучавшего Средневековья? Разве мы не видим, как обретает новую жизнь в русской, европейской, а также в китайской и индийской литературе великий завоеватель, первый создатель паназиатской мировой державы Чингисхан? Вместе с тем нам следует чуть помнить об обновлении ликторской связки (*fascio*) в некоем третьем Риме!

Мы видим, что почти все панидеи прошлого — и среди них многие появившиеся задолго до святилища панэллинского (т.е. всегреческого) Зевса, который подарил нам путеводное слово, — как-то действительны и по сей день. Это панидеи, возникшие на основе религиозных верований Передней и Средней Азии, как идеи мировой державы Ирана, панидеи эллинизма, Рима, монголов, иберов, англосаксов, китайцев. Разве мы не узнаем без труда их продолжающееся действие в примирении церквей, в панисламизме, в движении за Великую Испанию и латинизацию, в панславизме и в движении за Великую Британию. Даже огни жизни древних восточноиранских связностей (*Zusammenhängen*), — столь чудовищно растоптанных монголами, — вновь тянутся вверх, подобно индонезийским, к рунам которых в диаспоре принадлежат такие выдающиеся памятники куль-

туры, как Ангорват и Боробудур¹. При этом мы признаем «пан-идеями» только те, которые, — возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, — выступали носителями культурных миссий (Kultursendungen) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою. В число этих идей следует включить и пангерманскую как наиболее умеренную и подивиться тому, насколько она мало наступательна в сравнении с другими панидеями.

Ведь ее все же никогда не осеяла мысль, которую сегодня многие из находящихся на переднем плане панидей с редкой непринужденностью считают само собой разумеющейся, а именно объединить целые континенты или части Света под знаком известных путеводных воззрений в области культуры, власти и экономики.

С того момента, когда после завершения [Первой] мировой войны стало известно, что столь страстно желаемая многими идеалистами консолидация всей планеты в едином сообществе народов — даже в столь шаткой и бессильной структуре, как женевская [т.е. Лига Наций], — не удалась (поскольку в ней отсутствовали две основные жизненные формы — Соединенные Штаты Северной Америки и Советский Союз, а еще больше власть и воля к подлинному равноправию ее членов и к действенной защите меньшинств), на переднем плане вновь появилась исподволь осуществленная еще в 1900 г. в Австралии мысль об объединении одной части Света в качестве промежуточной ступени к фактически еще не созревшему подразделению (Durchgliederung) структуры всей Земли.

Но при этом быстро обнаружилось две очень большие трудности, а именно то, что отдельные части Света, крупные материковые ландшафты в ходе своего развития совершенно по-разному преуспели на пути к этой цели и что прежде всего представленное еще Ратцелем в столь ярком свете континентально-океанское противоречие заставило считаться с собой.

Из больших традиционных «частей Света» (имеется множество новых классификаций, и среди них предложенные Э. Банзе², но не вошедшие в обиход) уже однажды оформлялась пан-Азия, но затем распалась. Пан-Австралия еще в 1900 г. консолидировалась в Австралийское сообщество (Commonwealth), однако без своего океанского

¹ Боробудур — буддийский храм на Яве, время его закладки относят к концу VIII в.

² Банзе Эвальд (1883–1953) — немецкий географ и военный писатель.

дополнения (Новой Зеландии), на которое сильно рассчитывали при его создании, конструкция получила мнимое равновесие и оставалась столь неудовлетворительной, что у порога всенародное голосование по поводу ее перестройки. Пан-Африка все еще стояла на перепутье и зависела прежде всего от вопроса расовой эмансипации. Пан-Америка располагала международно признанными основными образованиями, но с 1900 г., похоже, бездействовала. Пан-Европа была сокровенной мечтой. Однако именно между этой сокровенной мечтой и возможностью ее осуществления вклинились в качестве парализующей силы морские панидеи, носители которых предстали как прочное следствие былого морского всемирно-политического образования вокруг романского Средиземноморья — средиземноморской Римской империи, а позже ислама, и устойчивое присутствие морских панидей крупных островных народов и островных государств — англосаксов и японцев, равно как и паназиатские связи Советов и сопредельных с ними государств. Не только в Срединных морях Земли, а именно в романском, где панидеи составляли существенное содержание того, что мы так долго называли всемирной историей, в американском, где Соединенные Штаты защищают свою более скромную морскую панидею (наряду с крупной тихоокеанской), в австрало-азиатском, где панмалайская идея восстала против колониальных держав, но и в океанах они уже отчетливо набросили свои пересекающиеся тени, вступив в борьбу с континентальными образованиями.

При этом три океана проявляли себя по отношению к образованиям панидей совершенно по-разному. В Атлантическом океане, который долгое время во многих случаях был разделяющим рвом мировой политики, четко определились меридиональное и широтное размежевания: раздел Север — Юг между англосаксонскими, исконно северогерманскими и иберийскими коренными и колониальными народами (*Stammund-Kolonialvölker*) (где Запад противостоял колониально-политическому образу действия посредством мятежей, доктрины Монро¹, панамериканских идей, но дополненных умной культурной политикой) и проходящая с Востока на Запад демаркационная линия (*Scheidemark*) германо-иберийского раздела. В Индийском океане, где, “оседлав” муссоны, впервые с транспортно-технической точки зрения осилили трансокеанский переход крупного моря (правда,

¹ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в послании президента Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. Ее суть выражается в формуле «Америка для американцев».

Ратцель был склонен считать его лишь «полуокеаном»), на более ранние малайскую и арабскую панидеи наложилась ныне британская, за которой, однако, становится уже ощутимым индийское притязание на Восточную Африку как «Индийскую Америку», проникшее при завершении мировой войны в казавшуюся осуществленной британскую империю Индийского моря. Напротив, в Тихом океане образовался искусственно вызванный к жизни, но значительный, в основном культурно-политический Пантихоокеанский союз в качестве будущего инструмента осуществления своей панидеи. Но как раз рассмотрение и культурно-политическая оценка этой крупномасштабной синтетической панидеи самого большого моря — самого огромного географического пространства Земли, одной из всеобщих географических категорий всей ее совокупной поверхности — невольно приводят нас к выводу о пересечении панидей, порожденных не нашим временем, но действующих в нем в полную меру. Ведь и пантихоокеанской идее, которая кажется нам сегодня несколько искусственной в сравнении с естественной и традиционной мощью паназиатской, уже более четырехсот лет. Ее общее торжество вокруг «своего моря» началось в тот день св. Михаила 1513 г., когда Нуньес де Бальбоа¹, перейдя Панамский перешеек, вышел к Тихому океану с кастильским флагом, чтобы захватить это море как монопольное испанской короны. Бальбоа сознательно совершил смелый прорыв в будущее ради империи, над которой никогда не должно было заходить солнце, однако его панидея продержалась в Великом океане лишь одно поколение — затем она была нарушена британским мореплавателем Дрейком² в 1578 г. и его последователями.

И все же именно во взаимосвязи паназиатской и пантихоокеанской идей еще больше, чем в связи пан-Европы с какой-нибудь другой панидеей, которая пересекается с мечтами панъевропейцев (вроде панмалайской, евразийской панславизма, великобританской, панангло-саксонской), мы наблюдаем важное, геополитически действующее различие панидей, разделяющее их на эволюционные и революционные. Очевидно эволюционные черты несут в себе, например,

¹ Бальбоа Васко Нуньес (1475–1517) — испанский мореплаватель-конкистадор. В 1513 г. первым из европейцев пересек Панамский перешеек и открыл Тихий океан.

² Дрейк Фрэнсис (ок. 1545–1595) — легендарный английский мореплаватель и пират. Совершил второе после Магеллана кругосветное путешествие (1577–1580).

пантихоокеанская и в меньшей степени, в противовес ее колониально-испанскому происхождению, современная панамериканская идея, а также большинство «наднациональных» объединительных взглядов, исходящих от островных народов и островных государств. Исключение составляет вновь возродившееся вследствие гнета панмалайское движение, которое может стать эволюционным, лишь склоняясь к идее «Великой Японии», а революционным — обретя мощную поддержку направляемого из Москвы, а также Китая и Индии революционного паназиатского движения, питаемого антагонизмом в положении цветных и белых в мире, — т.е., например, выступающего за «пан-Африку африканцев», против «белой Австралии».

Антагонизмы континентальных и морских панидей и таких, которые надеются скорее посредством преобразования (метаморфоза) или скорее катастрофы (краха) достигнуть своих целей в пространстве, часто ведут к параллельным, но несовпадающим действиям. Поскольку панидеи разветвляются во многих направлениях, становится, следовательно, необходимым исследовать географическими методами отдельные из них в связи с их политическими инструментами и лозунгами, сопоставив не только во всемирном масштабе, но и в отдельных, по возможности чистых экспериментальных полях.

В качестве средства для такого исследования панидей напрашивается непосредственно вызванная ими к жизни литература, а также сочинения противоположного толка, которые каждую из них стараются тотчас же освободить от пут. Некоторые панидеи располагают сводными программами, изложенными в таких журналах, как «Pan-Europa», или «Pacific Affaris» Пантихоокеанского союза, или «Новый Восток» (Москва), «Young Asia», или в книгах, кои самими соответствующими движениями рассматриваются в качестве своего священного писания, например труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» — «библия» панславизма или книга Б.К. Саркара «Futurism of Young Asia». Другие же программы приходится терпеливо искать в протоколах различных конгрессов и движений.

Зачастую для превентивных мероприятий существуют ангажированные оппоненты, коим обязаны глубоким проникновением в суть пандвижений, как Лотроп Стоддарт, автор книги «New world of Islam» («Новый мир ислама»), как те представители паназиатских связностей, которым, например, панъевропейская мысль представляется попыткой колониально-империалистической перестраховки. Более редкими стали спокойные и объективные изложения, в свое время апробированные панамериканским движением (характеристика Зи-

версом (1900) его важного инструмента — трансамериканской железной дороги) или Лигой Наций благодаря Говарду Эллису (1928).

Литературный уровень свидетельств, характеризующих геополитику панидей, весьма различен: от вершин мировой классической литературы вроде увещеваний Рабиндраната Тагора, который, находясь в Токио, призывал Японию не изменять своего азиатского облика, паназийского письма Сунь Ятсена к Инукаи¹, книги Гриффита Тейлора «Environment and Race» («Окружающая среда и раса») до безудержного потока листовок. И здесь, чтобы отделить истину от фальши — как я попытался это сделать в отношении паназийского и пантихоокеанского движений и их физических основ, — требуется постоянное наблюдение за силовым полем, где опасные для жизни сверх напряжённости (Hochspannungen) иногда посылают свои разряды друг против друга в совершенно неожиданных направлениях.

Попытка привлекательна, но не безопасна, не легко достижима. И все же она должна стать постоянной, чтобы нас не застали врасплох разрушающие культуру взрывы. Ибо нужно знать, включаются ли ныне эти уже фактически существующие промежуточные образования между «империей», трансформированной в государство «народностью», нацией и мировым сообществом — Лигой Наций в качестве моста или препятствия. Но общее представление об этом можно получить, если бы в геополитической критике современных панидей с такой безучастностью, какая вообще возможна лишь при чисто политико-географическом наблюдении за земной поверхностью, исследовались условия и возможности их существования в пространстве с всеобщей точки зрения — сухопутной и морской. Даже такое интересное и умное исследование, как научный трактат Карла Штруппа, не имеющий географического фундамента, подвергается опасности, ибо принимает в расчет лишь словесные конструкции и мечтания сторонников некоторых панидей, а не их земные возможности. Однако заслугой Штруппа — автора работы «Wörterbuch des Völkerrechts» — остается то, что большинство панидей в его собрании ключевых терминов воспринимались как животворные и поистине творческие силы и были разработаны с такой тщательностью, как это позволяли динамически активное, проникнутое страхом (Woolf. «Revolt against Europe» — Вольф. «Мятеж против Европы»); проблема цветного

¹ Цуёси Инукаи — премьер-министр Японии с 13 декабря 1931 по 15 мая 1932 г.

населения) и волей к борьбе (Москва; Университет имени Сунь Ятсена), осязаемое рабочее поле и опытный образец (Versuchsstück).

Кто соприкоснулся со становлением борьбы хотя бы одной единственной среди крупных панидей нашего времени, тот знает, что объективное изложение, достижимое в других областях знания, в данном случае было бы возможно, если описать эту идею чисто ретроспективно, отступив от ее состояния примерно на десять лет (как это фактически имеет место во многих географических и страноведческих работах) и отказавшись от важнейшего — от взгляда на ее возможность воздействовать на настоящее и через определенные ступени на ближайшее будущее.

Именно такое геополитическое рассмотрение панидей непременно открывает взгляд на механизм, силовые линии и экспериментальные поля нашего века, нашего времени — и тогда предстает в движении сложная картина связанных, а не отдельных изолированных событий — и встает извечный вопрос о родившемся вместе с нами праве. Такое рассмотрение панорамы находящегося на полном ходу машинного зала — удел не каждого; кто был приучен к статической точке зрения, тому такой откровенно выраженный динамический подход покажется не совсем удобным. Однако именно естественные, успешно вырастающие на почве, обусловленные природой основные черты и направления — это и есть то, что остается, более того, укрепляется и сызнава позволяет составить представление о пространственных возможностях определяемых волей маневров. Итак, именно в таком способе рассмотрения я усматриваю единственно возможный противовес обманчивому, путаному — часто из лучших побуждений — потоку речей и словесному камуфляжу, которые сознательно или неосознанно затуманивают как тенденции, так и очертания панидей. Поставив воздушный замок из бумаги на твердую почву, мы должны не только направить на него искусственный свет, но и подвергнуть его буре и грозе — устоит ли он в пространстве, столкнувшись с иными делами, — лишь тогда можно проверить его способность противостоять напору и давлению, имеющуюся или отсутствующую оборонительную энергию в качестве промежуточно-го сооружения между народным духом (Völkheit) и Лигой Наций!

ГЛАВА II
 ПАН-АЗИЯ — ЕВРАЗИЯ — ПАН-ЕВРОПА¹

Прочитавший этот заголовок может по праву возразить: ведь пространственно-исторический анализ возможности осуществления панидей на реальной почве должен в сущности принимать во внимание традицию изображения пяти привычных частей Света, тем более что она последнее время оспаривается Банзе, Обетом, политической сектой евразийцев и др.

Фактически уже с 1900 г. мы находим первую в государственно-правовом смысле консолидированную часть Света — Австралию, первую претворенную в жизнь континентальную панидею лишь в этой пятой части Света, следовательно, вне рамок так называемого Старого Света, равно как и первую организованную на основе международного права пан-Америку. Однако так называемому Старому Свету до сих пор не удалось прийти к схожим устойчивым объединениям, и прежде всего потому, что от его оспариваемых переходных ландшафтов по окраине восточной части романского Средиземноморья исходит пространственно-политическая борьба панидей, бросающая из прошлого свои тени на нынешние возможности образований. Эти тени падают сюда от первых схваток между сухопутной (континентальной) и морской (океанской или, вернее, талассийской²) панидеями, а именно от первого паназиатского рывка (Anlauf) к Персидской мировой империи и от первой хотя еще и не панъевропейской, но все же панэллинской оборонительной борьбы, которая затем в противодействии идее господства на море некоей восточно-средиземноморской державы переросла в блеск походов Александра Македонского и расцвет эллинизма, затем мировой Римской империи с сильной эллинистической основой.

При этом мы — вопреки нашему собственному убеждению — были несколько щедры с обозначениями «мировая империя», «часть Света», потому что не у нас, а у большинства европейцев все еще преобладает и поныне устаревшее, ложное понятие так называемой европоцентристской всемирной истории, ограничивающейся в сущности лишь историей Средиземноморья, тогда как следовало бы видеть и

¹ Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2017. № 2. С. 101-109.

² Талассократия (греч.) — власть посредством моря или морское могущество.

обозревать мир, взятый в целом. В таком случае масштаб панидей древности — несмотря на их принципиальное значение и влияние вплоть до сегодняшнего дня — существенно уменьшается. Но это принципиальное значение создания некоей первой теории панидей, как и влияние на наше время, все же имеет своим истоком их первое столкновение в регионе переходного ландшафта между Азией и Европой — персидские войны¹. Именно в его ходе возникли — подобно судьбоносному слогу «пан» для обозначения народного духа и земного пространства — первые основные понятия, связанные с осуществлением панидей, складыванием самоуправных (*eigenwilligen*) государственно-политических образований — от свободного государства типа греческого полиса до действующих на основе международного права союзов, консолидации гетерогенных культурных кругов (как шумеро-месопотамский, египетский, индо-серийский², иранский) в монархические пространственные образования с общим коммуникационным и государственным правом, как в Персидской мировой империи. Пусть останется ей поэтому гордое название первой мировой империи, ибо она первая соединила друг с другом три главных исторических народных ядра человечества — европейское, индийское и восточно-азиатское, хотя и лишь путем контактов с окраинными землями и преходящим включением окраинных ландшафтов.

По сути дела некоторые основные процессы, еще и сегодня создающие главную трудность для оправданного разделения или для более глубокой связи на пути движения идей — пан-Азия — Евразия — пан-Европа, обнаруживаются уже в фундаменте Персидской империи и ее культурного круга: не преодолимые ее динамикой и статикой, взорвавшие в конце концов ее союз силы. Когда позже эллинизм выступил в рамках этой великой империи в роли преемника власти и (согласно «Законам пространственного роста государств» Ратцеля) должен был на ее почве обосноваться и ей уподобиться, тогда панэллинскому Зевсу пришлось не лучше, чем ранее великому монарху Ирана. Античная техника коммуникаций была недостаточной для устойчивого закрепления огромных пространств, и гений Александра Македонского расплылся, — найдя, разумеется позже, причудливое историческое возрождение в идеях ислама о власти и в македонском

¹ Имеются в виду греко-персидские войны (500–449 гг. до н.э.)

² Серы (греч., лат. *Seres* — шелковые люди) — у греков и римлян название китайцев, производивших шелк и известных им по контактам на внутриазиатских дорогах, где проходили караваны с шелком.

вопросе. Правда, его македонцы имели мало общего с их нынешними славяно-болгарскими наследниками в центральном балканском ландшафте¹. И тем не менее эти последние живут в отблеске первого, довольно-таки брэнного соединения Ату и Эреба² в некоей евро-азиатской панидее, так что ее полемическое произведение «La Macedonie» («Македония») воспринимается с большим благоговением, чем его обычно проявляют балканские меньшинства. Здесь первый луч света падает на призрачное вторичное появление кажущихся мертвыми панидеей в современной истории и — в хвалебных песнях (Kant).

Но обольстительный блеск образа самого великого македонца (который еще и сегодня обеспечивает македонскому вопросу большее международно-политическое внимание, чем то, каким, например, пользуется украинский, несмотря на огромное различие между обоими, учитывая численность и силу [соответствующих народов], кроется обоснованно в том, что в своем крайне преходящем пространственном творении Александр Македонский соединил то, что пространственный инстинкт его времени признавал несовместимым на длительный срок с техническими средствами Античности: центральный ландшафт обширной степи и периферийное восточно-средиземноморское побережье и островной мир эллинов — две разноустремленные пространственные стихии, и что он устрасил третью пространственную стихию — властителем которой не стали ни центральный Иран, ни периферийная Средиземноморская империя и от которой для обоих позже пришла гибель из-за гениального заблуждения на двух окраинах — на Дунае и Яксарте³, — так что эта стихия, а именно зона сармато-скифских невосприимчивых к образованию и порядку странствующих бродяг, не повредила его ставшей эфемерной панидее!

Однако в ее неприязненном отношении как к периферийной Европе, так и к способной к образованиям Центральной Азии, ко всем прочным, длительным связям враждебной по форме стихии таится исходный пункт того, что в XIX и особенно в XX в. имеют обыкновение понимать под евразийским движением. Собственно говоря, необходимо различать великоевразийскую и младевразийскую

¹ Македония Древняя — историческая область на севере Балканского полуострова.

² Ату (греч.) — олицетворение мгновенного безумия, затуманивающего рассудок человека и богов; Эреб (греч.) — олицетворение вечного мрака; автор же имеет в виду связь между Востоком и Европой.

³ Яксарт — древнее название Сырдарьи.

(евразийскую) точки зрения. К первой следовало бы отнести ту, которая рассматривает Европу всего лишь как одну из важнейших крупных структур, полуостров-колыбель народов наряду с Аравией, Индией, Восточной Азией. Эта точка зрения обнаруживается многократно представленной в паназийском движении, а также в весьма крупно-пространственных воззрениях из сферы Советского Союза — и она лежит в основе предостережений тех географов, которые полагают, что значимость Европы как части Света вовсе не в документально подтвержденном пространстве, а в ее способности постоянно обновлять полученное наследство, имеющее духовную устойчивость.

Собственно евро-азиатская школа «евразийцев» прежде всего отсекает Россию от Запада (Abendland) и устремляет взор на Восток, следовательно, желает по-иному провести границу Европы, а именно не по Уралу или болотно-лесной зоне Припяти, а между Финским заливом, Чудским озером и устьем Дуная, оказываясь, стало быть, в антагонизме и с панславизмом, и с европейскими склонностями сарматов¹.

В большой трудности провести убедительную границу между Европой и Азией, в противоречии с намного легче покоренной оформившимися в пространственном отношении панидеями переходной зоной между Азией и Африкой (которая, разумеется, также от Суэцкого канала примерно до рубежа Петра — Акаба является зоной сверхнапряженности!) — зерно проблемы Евразии и трудность соглашения (Auseinandersetzung) между пан-Азией и пан-Европой. Новейшая история культуры, изучавшая североазиатский миграционный пояс, простирающийся от Маньчжурии до Карпат, по праву рассматривает его как обширное единство, подверженное перемещениям, но бедное убедительными разграничениями. Этот миграционный пояс как трасса переселения народов и перемещения идей контактного метаморфоза простирается к первому затору на подобном бастиону выступе Карпат и ступенчатым землям Дуная, вдоль Средненемецких гор, отсекая Гарц, и далее к Кельнской и Мюнстерской низменностям, к Рейну и вдоль фламандского Коленвальда к морю. Понтийские странники растительного и животного мира проникают в узкие полосы земли, а также в плоскогорья южнее, вплоть до Бургундских ворот, до рубежа Рейн — Рона. Здесь осаждаемый при случае бродячими ордами сарматов нордический и средиземноморский человек сражается более двух тысяч лет, будучи не в состоянии установить посто-

¹ Имеются в виду народы, населявшие Сарматию.

янные пограничные рубежи. Фробениус прозорливо показал, как сталкиваются друг с другом на этом разделе заложенные с благой целью границы культурного круга, как велика постоянная опасность того, что на Рейне будут проходить решающие схватки по поводу образований пан-Азии — Евразии — пан-Европы в культуре, власти и экономике.

Сегодня мы называем удачно выбранным термином «Промежуточная Европа» (Zwischeneuropa) ту ее часть, которая расположена между обращенным лицом к пан-Азии и спиной (Ruckfront) к Европе Советским Союзом и сильно пронизанными романским духом творениями нордических рас во Внутренней Европе с зоной руин (примерно та, которую называет минералог Врессиен) сарматской закладки, европейской отделки, и мы тем самым вводим себя в заблуждение о том, что «Восточная Европа», лежащая за «Промежуточной Европой», уже давно больше не ценит европейские связи, и меньше всего некую пан-Европу.

Но Восточная Европа не только понимает, если очень хочет ввести в заблуждение, но и поняла, как умело сглаживать различия между пан-Азией и русским империализмом под личиной Советского Союза, так что под тем же самым флером появляется то облик загадочного сфинкса паназиатского вопроса, то хорошо знакомый старый панславизм. Ведь искусная игра широкой русской природы со слишком непосредственно преподнесенными Западом или Востоком идеологиями, ее склонность к софистике в угоду сиюминутной политике и использование азиатской затаенной обиды (Ressentiment) отнюдь не новы. На этот знакомый, умный прием азиат попадаетея реже, панъевропеец, напротив, чаще, ибо он вновь и вновь превратно истолковывает неожиданное сосуществование рядом друг с другом мистики и легкомыслия, собственных восточноевропейским смещениям рас.

Однако большое различие, наброшена ли всерьез в масштабе Евразии на несовершенные творения Земли огромная драпировка платонической идеи и она почти подавлена, или же эта драпировка используется лишь в качестве обманной завесы, подобной покрывалу Майя¹, которое спадает, если под его защитой прекратился излюбленный, в высшей степени земной панславистский или великорусский

¹ Майя (санскр.) — букв. «иллюзия», «видимость», «обман», понятие из индийской философии веданты, согласно которой реальный эмпирический мир — лишь иллюзорное проявление абсолютного духа, бога Брахмы.

или же большевистский промысел: будет ли манипулировать покрывалом ясновидящий или шарлатан.

Рассмотренные в таком свете взгляды «евразийцев», о чем нам поведали Н.С. Тимашев¹ или доктор Н. фон Бубнов, — это в одном случае взгляд, пожалуй, даже серьезный, честный и высокоценный, а в другом — ловко используемый занавес, промежуточная кулиса, прикрывающая опасное пограничное предполье между пан-Азией и пан-Европой как раз в самых напряженных местах переходов или миграций, когда где-то воздвигнуты сарматские кулисы и декорации ради новых эффектов.

Основательное резюме «идеи Евразии» предлагает Ф.-В. фон Бергхоф. Он определяет сферу «Евразии» как пространство между образуемой Чудским озером — Неманом и Днестром западной границей, азиатскими складчатыми горами и Северным Ледовитым океаном с четырьмя большими длинными полосами — тундра, лес, степь и пустыня — пространство, которое довольно точно изображает Макиндер как «центральную ось истории» древних степных империй.

В этом созвучном широкой душе восточного славянина пространстве евразийцы воздвигают свои воздушные замки будущего, в равной мере отходя и от западноевропейской и от азиатской культуры, хотя и с противостоящей в религиозном отношении Советам, но родственной геополитически идеологией, с совещательной надстройкой при избираемом декоративном царе, с непреложностью церкви, с культурной и экономической автаркией: пока мечта эмигрантов!

Иными словами, такие взгляды евразийцев подталкивают по сути дела к тому, чтобы внушать русским полный разрыв с Европой; это способствовало бы четкому разграничению между расположенными друг против друга крепостями Ордена тевтонских рыцарей и сармато-татар на Нарве вдоль Чудского озера и болотно-лесной зоны до пояса Черноземья — если не дальше к югу, между Днестром, Бугом и Дунаем, где в точно определенном фон Улигом бессарабском пространстве было бы невозможно прийти к согласию, и если на другой стороне панславистские притязания и мечты о распространении мировой революции, хотя бы на Запад, а советско-российские претензии в направлении Азии, далеко за пределы рубежей Советов, не переходили бы границы статус-кво в паназиатской, равно как и в коммунистической, агитации.

¹ Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) — социолог, правовед, историк.

Но так как пан-Азия, соприкасающаяся на Востоке и Юге с Советским Союзом, беззащитно провозглашает и утверждает свое право на революционизирование на Аравийском полуострове, в Индии, Китае, а пан-Европа в проповедях Бриана¹ и Куденхове-Калерги точно так же, как и Священный союз Меттерниха², сделала ставку на сохранение status quo и во всяком случае взяла на себя ответственность за французские и голландские владения внутри пространства, на которое претендует пан-Азия (Сирийский мандат, Индонезия, Индокитай); так как Лига Наций по крайней мере воспротивится насильственному вмешательству враждебной силы в британские владения в Азии, то нельзя предвидеть заранее, как сможет квиетическая (пассивная), выдуманная эмигрантами евразийская идея посредничать путем дистанцирования (Abkehr) между пан-Азией и пан-Европой. «Кротость не годится, чтобы разнять ухарей», но этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать многим панъевропейцам, не стущая краски, сколь сурово паназиатское лицо Советов, Университета имени Сунь Ятсена в Москве, своего рода гениальной организации ячеек в девятнадцати советских районах в Китае, пассивного, а на самом деле весьма активного сопротивления в Индокитае и Индии. Лишь в Персии, Афганистане и Ангоре³ паназиатская деятельность Советов носит более мягкий характер и не занимается тем, чем могла бы, без сомнения, заниматься и там.

Причина этого в том, что Ближний Восток с его нынешней во многом глубоко феодальной структурой (общую динамику этого региона нам столь точно изображает Ганс Кох) в Москве считают не созревшим ни для хозяйственного, ни даже для политического использования в интересах какой-либо панидеи, но что эту структуру можно разрушить ранней индустриализацией (по образцу поспешных реформ Аманулла-хана⁴ в Афганистане), а затем, используя метод большевистских ячеек, во влиятельных кругах рабочего класса насадить социальные группы в определенных центрах власти. Следовательно, чрезмерно азиатская черта в облике Ближнего Востока мешала, наперекор Лоуренсу⁵ и панарабской идее, впрячь его в услужение

¹ Бриан Аристид (1862–1932) — французский государственный и политический деятель; автор проекта создания пан-Европы.

² Священный союз — договор о союзе между императорами России и Австрии и королем Пруссии. Заключен 26 сентября 1815 г. в Париже.

³ Старое название Анкары.

⁴ Аманулла-хан (1892–1960) — афганский король в 1919–1929 гг.

⁵ Лоуренс Томас Эдвард (1888–1935) — британский археолог и писатель.

корректируемой политикой Москвы паназиатской агитации, которая была нужна социологически восприимчивым группам.

Однако антагонизм, выросший на расовой основе, а также коммунистическое проникновение в ислам и панчаят¹, были для этого недостаточны: более приемлема корпоративная организация китайского образца.

Высказанное Снуком Хургроньесом мнение о том, что «самое плохое правительство из цветных для туземного населения всегда приятнее, чем самое хорошее европейское», дает верный ключ к присущей паназиатской идее способности сопротивляться, которую она испытывает вследствие вытеснения азиатов, как позднее и панафриканской идеи, в ее противоречии с другими империалистическими панобразованиями, которые нанесли им обоим к настоящему времени значительный пространственный урон. Нельзя забывать, однако, что великоарабское и панисламское движение, всеиндийское, великокитайское и призрак будущей малайско-монгольской идеи, как, впрочем, и пан- или великорусское, все еще империалистическое пространственное мышление Советов в Северной и Средней Азии, стремились в полной мере воспользоваться паназиатскими идеями в качестве дополнительной тяги, но все же чтобы однажды попытаться воплотиться прежде всего за их счет.

Перед такой дилеммой оказывается любой крупный паназиатский лидер нового времени, к числу которых — наряду со столь знаменитыми и образованными, как Сунь Ятсен, индийский публицист доктор Таракнат Дас — по праву должен быть отнесен Веллингтон Ку. Среди японцев особенно выделяются М. Тояма, граф Комура, барон Макино и граф Окума. Среди индийцев, разумеется, Т. Дас, самый неразговорчивый, однако есть и способные расшифровывать замные высказывания, например Ладжпат Рай и Бридж Нараян в Лахоре, не говоря уже о Ганди и его окружении, но слишком индифферентных к Советам.

Напротив, передовые борцы муссонных стран пользуются, естественно, где они могут, и пантихоокеанскими организациями, и их мощными голосами в общественном мнении, попутно содействуя паназиатским целям. Такие мотивы звучат в книге Кавакамы «Asia at the door» («Азия у порога»), как и в умелых высказываниях китайского ге-

¹ Панчаят (букв., «совет пяти») — фактически совет из любого числа лиц. В сельских общинах Индии — орган общинного самоуправления, возглавляемый сельским старостой.

нерала Хуанфу о «пантхоокеанском движении», откровенно связавшего необходимость более тесной совместной работы народов зоны Тихого океана со стремлением Китая к свободе и равенству и убеждавшего своих христианских слушателей созвучием конфуцианских и христианских проповедей наподобие «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе!». Резкое предостережение представителя Индии в Женеве лорда Литтона по поводу малой эффективности и пользы Лиги Наций для Индии и вообще для народов Востока также побудило считать ее непригодной для паниндийских или паназиатских целей.

Если основательно изучить «Weltanschauung» («Мировоззрение»), «Die politische Lehre der Eurasier» («Политическое учение евразийцев») (Тимашев), то предстанут они как закутаные в шкуру панславизма паназиаты — только насвистывают они свой лейтмотив в минорном тоне, а не трубят его в мажорном, как Данилевский, — действуя до такой степени вяло и нерешительно (силы и мужества не хватало даже Толстому и Достоевскому), как и необоснованно изъясняясь и произнося речи. Строгановы, Ермак, Иван IV, Потемкин, Пржевальский, Ленин были пансарматами в мажоре... Это сразу же проявилось в новых захватах или повторном приобретении пространств, в то время как евразийцы — определенно вопреки желаниям — в салонах Западной Европы и на базарах Востока играли им прелюдии, настраивая на восточную мистику и открывая ворота, которые в обычных условиях были бы осмотрительно закрыты. Подтачивание исконного образа мышления теми, кто проповедует истинное христианство в соответствии с их взглядами и формой, и национальное чувство расслабленного евразийца в миноре гораздо больше содействовали панславистам и паназиатам в мажоре в их практической деятельности по приобретению пространства и земель. А кто способствует размягчению костей и мозга естественных защитников некоей панидеи в пространстве, удастаиваются чести нести вперед ей противостоящую, ее вытесняющую воинствующую мысль.

Но стремятся ли теперь представители переходной зоны Евразии в направлении пан-Европы или пан-Азии или же к той и другой или хотят проникнуть в одну из них, они утверждают, что это — широкая промежуточная зона и никакого четкого различия между обеими нет. Неверно желание представлять жесткий антагонизм «Азия — Европа» (Т. Лессинг), скажем, в виде неутомимо подвижной, экспансивной «головой» по отношению к выступающему, постоянно получающему лишь импульсы туловищу или же вместе с Персивалем Ловеллом усматривать главную сущность Востока только в близкости. Приро-

да не следует такому грубому клише противопоставления «черное — белое». Высокообразованные представители Азии имеют обыкновенные отвечать на такие обобщения чаще всего ссылкой на то, что почти все значительные мировые религии возникли на азиатской почве, или же достоверной констатацией факта, что огромное впечатление своей культурой и особенно своей толерантностью произвели на многих путешественников раннего средневековья арабские дворы, на братьев Поло¹ — Китай Хубилайхана², а на посланца [английской] королевы Елизаветы Фатипур Сикри Акбар, наконец, что изображаемая часто как типично застывшая китайская четырехтысячелетняя история является знатоку пример многостороннего развития.

Любая «желтая опасность» пробуждает на другом конце Евразии «белую», так же как вопль с одной стороны — такой же вопль с другой! Однако истина в том, что компромисс пан-Азия — пан-Европа ставит, пожалуй, высочайшее требование к созданию первых ступеней будущей структуры всего человечества, способных выдержать нагрузку хотя бы из-за простого численного давления по меньшей мере в ведущих слоях подлежащего уравниванию населения — свыше одного миллиарда против почти полмиллиарда (480 млн...), из коих по меньшей мере 150 млн... сомневаются в своей принадлежности к промежуточной области Малой Евразии.

Стало быть, вопрос о Евразии требует семейного выяснения для трех четвертей человечества, прежде чем они начнут стучаться в другие двери. Ныне становится очевидным, почему мы поставили вопрос о пан-Азии — Евразии — пан-Европе во главу ряда соображений о возможностях осуществления панидей: потому что фактически Европа и Азия обязаны продвинуть важнейшее решение о том, смогут ли панидеи (не говоря о захолустных пространствах Земли) и впредь плодотворно сказываться на дальнейшем развитии человечества и позволят они или нет соорудить встройки между всей совокупностью Земли (очевидно, не готовой еще для единообразной структуры) и слишком малопространственными, во многом автаркичными, а поэтому нежизнеспособными пространственными образованиями.

Первое, что, разумеется, нужно сделать, — попытаться использовать старые [традиционные] части Света в качестве основания для этого.

¹ Никколо и Маттео Поло — венецианские купцы, в 1260–1266 гг. предприняли путешествие в страну татар, в Бухару и Китай.

² Хубилайхан (1215–1294) — пятый монгольский великий хан (с 1260 г.), внук Чингисхана. В 1279 г. завершил завоевание Китая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
РАЗДЕЛ I	
Панидеологии в истории политики и мысли.....	11
Введение.....	11
Тема 1. Механизмы формирования наднациональных идентичностей.....	13
Тема 2. Панэллинизм как первая панидеология.....	18
Тема 3. Иллиризм — панидеология южных славян.....	25
Тема 4. Пангерманизм и панславизм — «два великих знамени эпохи».....	31
Тема 5. Сущность и происхождение панславизма как панидеологии.....	39
Тема 6. Модели панславизма у западных и южных славян: австрославизм и югославизм.....	57
Тема 7. Появление и становление идеологии панславизма в России.....	71
РАЗДЕЛ II	
Рабочая программа дисциплины «Панидеологии в истории политики и мысли».....	92
БИБЛИОГРАФИЯ.....	113
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	141
<i>Гай Л.</i>	
Наш народ.....	141
<i>Будилович А.С.</i>	
Пангерманизм и панславизм.....	147
<i>Ламанский В.И.</i>	
Взгляд на судьбы юго-западного славянства.....	153
<i>Каменский И.В.</i>	
Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. (Посвящается участникам Гаагской мирной конференции)	162
<i>Хаусхофер К.</i>	
Панидеи в геополитике	218

Для оформления обложки использованы материалы, находящиеся в открытом доступе сети Интернет (август, 2024)

— Карта Великой Греции (греч. Μεγάλη Ἑλλάς) по Севрскому договору с изображением Элефтериоса Венизелоса. —

[https://ru.wikipedia.org/wiki...BB:Map_of_Great_Greece_\(Megali_Hellas\)_Venizelos_c1920.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki...BB:Map_of_Great_Greece_(Megali_Hellas)_Venizelos_c1920.jpg)

— Pan-Slavic postcard “Dědictví otců, zachovej nám, Pane”. —

https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Pan-Slavic_postcard_%22D%C4%9Bdictv%C3%AD_otc%C5%AF,_zachovej_n%C3%A1m,_Pane%22.jpg

— Открытка Всеславянского съезда в Софии (1910). Королевство Болгария. Отправлена в Чехословакии в 1920 году. — <https://sammlung.ru/wp-content/uploads/2021/08/sofia-1910.jpg>

— Йозеф Войтех Хеллих (Josef Vojtěch Hellich, 1807–1880). Памятный диплом Славянского съезда в Праге в 1848 году/ — <https://sammlung.ru/wp-content/uploads/2020/05/slavs-25-1.jpg>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

БОЛДИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
ПАНИДЕОЛОГИИ
В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

●
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ А.А. ШИРИНЯНЦА

*Печатается по решению Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты

*ВАТЫЛЬ Виктор Николаевич, доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой политологии и социологии*

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

*ПРОКУДИН Борис Александрович, доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

*АТЛАГИЧ Синиша, PhD, профессор кафедры журналистики
и коммуникативистики Факультета политических наук
Белградского университета*

*Издание подготовлено при содействии Автономной некоммерческой организации
«Институт междисциплинарных исследований науки и образования»
(АНО ИМИНУО), Москва*

Подписано к печати 16.09.2024. Формат 60 x 90/16.

Уч.-изд. л. 16. Усл. печ. л. 19. Тираж 300 экз.

Корректор *М.М. Горелов*

Издательство «Аквилон» (Москва)

Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Сайт: aquilopress.ru

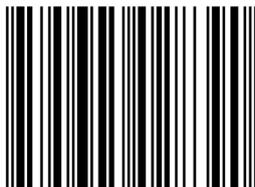
Отпечатано в типографии Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»

Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА

Тел. +7 (495) 545-37-10 Электронная почта: info@onebook.ru

Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-6050283-9-0



9 785605 028390 >